

Полина Ром

МОЯ НОВАЯ МАСКА

- [Ром Полина](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)

- [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Глава 43](#)
 - [Глава 44](#)
 - [Глава 45](#)
 - [Глава 46](#)
 - [Глава 47](#)
 - [Глава 48](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
-

Ром Полина

Моя новая маска

Глава 1

Чайлдфри я стала лет, наверное, в шесть с половиной. Да, точно, прямо перед школой, примерно двадцать седьмого августа.

Очень хорошо помню диалог матери и её тогдашнего поклонника:

— И не говори, Игорёк! Столько денег на эту школу уходит — это просто ужас! Но что поделаешь, детям — всё лучшее!

— Милочка, солнце, смотри сюда... Это твоей малышке — на ранец и форму, а вот это, красавица моя, тебе лично! Порадуй себя какой-нибудь мелочью!

— Игорь! Ты такой милый! Ты — просто прелесть! Ленусик, скажи спасибо дяде Игорю! И вот тебе денежка, сходи и купи нам всем мороженое. Да-да, прямо сейчас сходи! Ой, какая ты нелюдимая у меня, хоть бы улыбнулась!

Но мне как-то не улыбалось... На улице моросило и было холодно, но я точно знала, что придётся долго-долго сидеть на подоконнике в подъезде. Квартира у нас была обычной двухкомнатной хрущёвкой, и при мне мама стеснялась «благодарить» своих кавалеров. Ну, лет до тринадцати моих — слегка стеснялась.

Вот тогда, сидя на подоконнике и ожидая, пока тот самый Игорь свалит из моего дома, я и решила, что никаких детей никогда не захочу! А также никаких «Игорей» в моей жизни тоже не будет. Заботиться нужно, в первую очередь, о себе, а не о детях! «Все дети — это сплошные расходы и нервотрёпка!». Именно так мама часто говорила своей лучшей подруге — тёте Марианне.

Высокая крашеная блондинка красиво курила тонкие чёрные сигаретки, была бездетна и иногда покупала мне чупик или йогурт. Не слишком понимаю, что связывало её с моей матерью, но примерно раз в неделю она забегала к ней в гости. Пожалуй, я ей завидовала, так же, как и моя мать. Тёте Марианне не нужно было о ком-то заботиться, тратить силы и время. А ещё она работала и на новые наряды зарабатывала сама. Мама же на работу устроиться никак не могла.

— Ой, Марианночка, ты же понимаешь, кто меня возьмёт на работу, если у меня маленький ребёнок?!

Марианна иронично вскидывала бровь, слушая эти признания, но никогда не возражала, и беседа подруг плавно катилась дальше...

У меня была бабушка по маме, баба Настя, но я ни разу не видела её. Она существовала где-то в крошечном городке на Алтае, иногда звонила матери, и они обязательно ругались. Отца я не знала — тот погиб в аварии до моего рождения. Жили мы на пенсию по утрате кормильца и подачи маминых кавалеров. Иногда они задерживались в нашей жизни месяца на три-четыре, иногда пропадали после нескольких дней.

Первого сентября я смотрела на себя в большое зеркало в зале и мне хотелось рыдать. Я ещё была слишком мала, чтобы понять причины такого нелепого вида, но интуитивно понимала, что выгляжу не слишком привлекательно...

Два белёсых кривоватых хвостика с обычными резинками.

— Нет, банты мы покупать не будем! Это дорого и бессмысленно!

Синяя форма, к счастью — новая, была велика, даже сильно, но мама настояла именно на этой.

— Ты через год снова вымахашь, и что, опять тебе покупать?!

Юбка колыхалась чуть выше щиколоток. Конечно, наверное, её стоило подшить, но рукодельничать мама никогда не умела. Ранец был чёрно-серый, совсем не по возрасту.

— Посмотри, какую прелесть подарила нам тётя Вера! Мишке они новый взяли, всё же в десятый класс своего оболтуса пропихнули, а тебе этот на вырост — не на один год хватит!

В школу меня вела та самая тётя Вера — на сэкономленные деньги мама накачала себе губы и несколько дней не могла выходить на улицу.

— Ну, Верочка, ты же понимаешь, мне нужно свою судьбу устраивать! Ну как я без этого! Очень-очень прошу! Ты меня та-а-ак выручишь!

Тётя Вера мне и купила по дороге крошечный милый букетик. Это потом я узнала, что такие делают из обломанных цветов и обрезков зелени, а тогда была безумно рада даже этому. Он казался мне ужасно красивым!

И я рыдала, когда увидела, что эти три нежных розовых цветка и зелень просто погреблись под лавиной огромных ярких веников. Дети складывали их на учительский стол, и уже через несколько секунд его

было просто не видно под роскошными охапками роз, хризантем и гладиолусов. До конца первого школьного дня он не дождал — я видела, как Эльга Александровна, наша классная, брезгливо спихнула измятые цветы в урну.

Драться мне пришлось буквально со второго дня новой школьной жизни. И, хлюпая первый раз разбитым носом, я придумала себе маску. «Маску силы». Я «надевала» эту маску и становилась бесстрашной и непобедимой! Вот честное слово — помогало!

Эта самая выдуманная маска помогала мне драться, позволяла смотреть на соперников так, что иногда, наговорив гадостей, они просто отступали! И я перестала снимать «маску силы» даже дома — мне в ней было легче.

Мать записала меня на продлёнку и родительскими собраниями себя не мучила — ей было некогда, так что моя школьная жизнь протекала первый год весьма бурно. Зато я научилась зашивать себе порванную одежду. Ну, криво и косо, конечно, но получалось.

Вообще, учиться мне пришлось очень много. Но уже классу к пятому-шестому я просто ждала, когда я вырасту настолько, чтобы жить одной. В школе меня к тому времени не травили, чревато это было — задевать Редьку. Кличку я получила от фамилии. Елена Редина.

К моим шестнадцати годам фамилия — это единственное, что у меня осталось общего с матерью. Она начала попить, кавалеры становились всё противнее, обеспечивать себя мне приходилось самой. Моя выдуманная «Маска силы» всё сильнее прирастала к лицу.

Первую работу я нашла ещё в двенадцать. Ну, разумеется, не сама нашла. Та самая тётя Вера, что иногда подкармливала меня, собиралась переезжать на новую квартиру. Вот она то и подсказала мне идею. Объявление «Выгуляю вашу собаку» я развешивала на окрестных домах трижды, но первый питомец у меня появился только через месяц.

Хозяйка, Татьяна, была в положении, её муж днём работал и корги Степашка охотно стал выходить со мной на прогулку сразу после занятий в школе. А когда родился ребёнок — трижды в день. Четвёртый раз перед сном с ним гуляла сама Татьяна, «сбегая» от мужа и сына.

На продлёнку я давно уже не ходила, справки о материальном положении взять было негде, а платить мама перестала. Я действительно полюбила этого шкодного шалопаю Степашку, хотя он пару раз ухитрился сбежать от меня. К четырнадцати годам у меня уже было трое постоянных питомцев, я знала многих окрестных собачников, научилась разбираться в характерах и привычках разных пород.

Объявления я больше не вешала — меня знали все владельцы пёселей всего микрорайона и, при нужде, находили после уроков на пустыре между домами, где я выгуливала своих подопечных. Там мне перепали подработки. Люди болели и уезжали в отпуск, мотались в командировки и просто работали.

А я всегда хорошо ладила с собаками и честно выполняла взятые обязательства. Даже когда болела сама — максимум, могла немного сократить прогулку, так что репутация у меня была хорошая. Часть денег мне приходилось отдавать матери, но, поскольку слишком часто готовкой она себя не утруждала, вторую часть я тратила на еду — йогурты, мороженое, глазированные сырки, а также на школьные принадлежности.

К сожалению, в жизни не всё идёт так гладко, как хотелось бы. Мать продала свою двушку, точнее — обменяла с доплатой. На эту доплату она сделала подтяжку лица, а мне пришлось привыкать к новому району на окраине города и новой школе. Здесь уже не нужна была форма, ходили кто в чём хотел. Здесь трудно было найти людей, способных заплатить за выгул собаки. В новой школе преподавали совсем уж отвратительно.

К моим восемнадцати мать поменяла двушку на однушку, что было вполне ожидаемо, и мне пришлось снимать жилье. Благо, я уже вполне умела содержать себя и понимала, что кроме йогуртов мне нужна ещё одежда, обувь, фрукты и хоть иногда тарелка супа.

Сняла крошечную комнатёнку с пьющими, но тихими соседями. Да и не все из них пили. Несколько семей было вполне обычных.

У меня даже появилась подруга Татьяна — я помогала ей дрессировать и воспитывать её колли, которую она, предварительно, ухитрилась разбаловать до невозможности. А ещё я стала встречаться с Альбертом. Первая любовь никого не минует — я оказалась не крепче остальных.

Сейчас, вспоминая этого хлыща, я просто не могу понять, чем, ну чем он мог так привлечь меня?! Балованный, привыкший к тому, что он у мамы — свет в окошке, капризный и ленивый. Правда, вполне смазливый, обладающий той юношеской красотой, которая вызывает умиление у стареющих женщин — высокий рост, худощавость, голубые глаза и льняные кудри.

Его мама, высокая тётка, крашенная в цвет «баклажан», Маргарита Владимировна, владелица «бутика» с «эксклюзивной» одеждой на местном рынке, каждый раз брезгливо морщила нос, когда видела нас вместе, но молчала. Почему — я узнала совершенно случайно.

— И не говори, Анжелочка, так всё сложно! И за здоровьем нужно следить обязательно, да ещё и Бертик сейчас с какой-то шлюшкой связался, я так волнуюсь и переживаю! А мне же совершенно нельзя нервничать, ты же знаешь! Но ты же понимаешь, у мальчика — потребности... Да-да, ты совершенно права! Кроме того, если будет девочка из хорошей семьи — это такая ответственность! А тут всё проще, аборт оплачу и дело с концом. Ой, всё, дорогая, моя очередь...

Этот дивный монолог по телефону я услышала случайно, в местной поликлинике, куда зашла пройти медкомиссию. Очередь в регистратуру была велика, народ стоял в несколько рядов, из пяти окошек работало только три, меня вынесло толпой прямо к вожделенному окошечку через одно от неё. Думаю, кроме меня это слышал ещё не один десяток человек. То, что Маргарита Владимировна не заметила моего присутствия, было просто везением — толпа колыхнулась ещё раз и разделила нас с ней.

Я застыла, боясь, что она повернёт голову налево и увидит моё бордовое лицо и полыхающие уши. Мерзко, отвратительно... Я чуть не плакала, но уйти не могла себе позволить — меня брали на работу! На настоящую работу с договором, трудовой книжкой и стажем! И здесь снова пришла на помощь «маска силы». Я не могла позволить себе уйти из поликлиники, потому поплотнее прижала воображаемую маску к лицу и протиснулась к окошку регистратуры.

Удача, конечно, просто небывалая — с работой у нас в городе не слишком всё хорошо. А собачий питомник — лучшее, что я только могла придумать.

Хозяйка оказалась подругой Татьяниной матери, несколько надменной и молчаливой дамы, которая, однако, предложила мне это

место. Почему-то она всегда обращалась ко мне на «вы»:

— Вы, Елена, находитесь в сложном положении. Думаю, что постоянная работа будет для вас выгоднее этих ваших подработок.

С хозяйкой питомника, Ольгой Игоревной, общий язык найти я так и не смогла. Она была придирчива и почти всегда не слишком довольна мной. Но, тем не менее, платила мне небольшую зарплату, с собаками я поладила и, хотя работа была тяжёлая и грязная, была рада, что она вообще имеет место быть.

Питомник находился за городом, и, чтобы я не тратила полтора часа на дорогу туда и столько же обратно, хозяйка предложила мне крошечную комнату в домике-сторожке.

— Заодно ночью, если что, за собаками присмотришь, — она безглаголиво поджала губы.

Это решало почти все мои проблемы. Еду я покупала самую простую, джинсы и куртку взяла в секунде, так что каждый месяц у меня оставалось больше половины зарплаты, которые я откладывала на дальнейшее обучение. Я собиралась проработать здесь три года и поступить на ветеринара.

Эта идиллия кончилась через два с небольшим месяца, когда под утро я проснулась от воя Фанды. Голоса своих питомцев я чётко различала. Роды у Фанды прошли неделю назад, и, испугавшись за неё и щенков, я вскочила с кровати и быстро оделась.

Осень в этом году была тёплая, но всё же это осень. На улице стоял прохладный туман, который еле пробивали слабые солнечные лучи. Я зябко поёжилась и пошла по мощённой красивой плиткой дорожке к собачьим вольерам.

С Ольгой Игоревной мы столкнулись практически на середине пути. В руках она держала старое эмалированное ведро, в котором я таскала воду для собак. В ведре копошились и недовольно попискивали три толстых неуклюжих комка.

— О, как ты кстати! — она протянула мне ведро, — Возьми это и закопай. Ветеринар отбраковал.

Я совершенно ошарашенно смотрела на неё, не понимая, что именно она от меня хочет. Почему-то Ольга Игоревна рассердилась:

— Что ты уставилась на меня? Возьми и закопай этих выродков!

Вся моя жизнь, все мои драки с одноклассниками, конфликты между моими питомцами, общение с моей матерью, научили меня

одной вещи — принимать решения мгновенно. Вот так же мгновенно я поняла: я никогда не буду ветеринаром. Это не моё!

Я машинально взяла ведро, запустила в него руку и вытащила тяжёлое горячее тельце, два остались там. Ведро поставила ей под ноги, посмотрела в глаза, плотнее прижав к себе жалобно пищущий комок, и сказала:

— Это я забираю как зарплату за последние две недели!

Посмотрела на несколько оторопелое лицо Ольги Игоревны и добавила:

— За трудовой я заеду через два дня. И пошла укладывать свои вещи, прижимая к себе... Даже не зная кого. Только в комнате я разобрала, что мне попался мальчик.

Глава 2

Как мы выживали тогда с Греем — это отдельная история. Ему нужно было детское питание, тепло и уход, мне — крыша над головой и еда. Тех денег, что я скопила, хватило бы, максимум, месяца на полтора.

Если бы не случайная встреча на остановке с тётёй Верой, бывшей моей соседкой, кто знает, как бы мы с ним выжили. А так, уже через два дня я вышла работать в самое шикарное ателье города на должность принеси-подай, с гордой записью в трудовой книжке — «ученица швей».

Самым неприятным на тот момент фактом оказалось то, что Татьяна, которую я искренне считала своей подругой, при встрече заявила мне следующее:

— Мама так для тебя старалась, а ты... Она правильно говорит, ты так и останешься бездельницей и нищенкой! А с Альбертом мы уже подали заявление, так что сама понимаешь...

Надо сказать, что проблема Альберта волновала меня в тот момент меньше всего.

Сложнее было с жильём, почти месяц мы с Греем жили в летнем дачном домике на крошечном участке тёти Веры, зверски замерзая к утру — обогреватель помогал очень слабо. Но именно там, в этом садовом товариществе, я и нашла пристанище на долгие годы, в крошечном гостевом домике, на сдвоенном участке с самым богатым домом. Это было настоящее везение, самое большое в моей жизни.

Мне даже немного доплачивали за то, что я расчищала дорожки от снега, летом обрабатывала роскошный участок удобной импортной газонокосилкой и, просто для души, соорудила в уголке двора большую альпийскую горку, посмотрев несколько роликов на ютьюбе.

В мои обязанности входило также протапливать и мыть большой дом к приезду хозяев. Продукты они всегда привозили с собой, а после их отъезда нам частенько доставалось полкастрыли шашлыка или маринованного мяса, хлеб, овощи и куча других продуктов.

У них был какой-то удачный бизнес, что-то не слишком понятное мне — торговали металлическими уголками, трубами и ещё чем-то

таким же странным. Относились ко мне холодно и равнодушно, но и унижать не пробовали.

Их вполне устраивало, что на участке есть трезвый сторож и уборщица. Приезжали нечасто, огромной компанией вместе с друзьями и детьми, обычно на долгие выходные, летом, пожалуй, чуть чаще, чем зимой.

Когда Грей начал подрастать, хозяин участка, страшно довольный тем, что во дворе живёт немецкая овчарка, пригнал рабочих, и за день для Грея соорудили роскошный вольер и красивый утеплённый домик. По просьбе хозяина, ночью дверца вольера обязательно была открыта — пёс исправно нёс сторожевую службу.

Ученицей я проходила больше года, но добродушная тётка Вика, к которой меня прикрепили, учила на совесть. До сих пор помню свою первую клиентку, которой я шила батистовый летний сарафан. Та была капризна и заставила меня дважды переделывать почти всю работу, меняя детали и элементы лёгкой одежды прямо на ходу и утверждая, что просила сделать это раньше.

Второй раз я оказалась умнее и заставила её поставить подпись на новом эскизе, только поэтому третий раз переделывать работу мне не пришлось. Зато это навсегда избавило меня от страха перед капризными клиентами.

На своё первое жильё я копила почти семь лет и купила его без ипотеки.

За всю мою жизнь у меня была пара-тройка необременительных романов и даже одно замужество, которое без особых страданий я закончила через полтора года. Мы с Михаилом были слишком разными.

Мне показалось, что, когда муж покинул мою однушку, Грей с облегчением выдохнул. За эти годы он превратился в пса потрясающей красоты и редкого ума. Только он любил меня, не требуя ничего взамен, не пытаясь взять на меня кредит, не разменивая на десяток подружек, не заставляя стоять возле плиты во вторую смену и не скандалил ежедневно.

Мать умерла от алкогольной интоксикации, выпив какую-то дрянь с очередным собутыльником, когда мне было двадцать шесть лет. После окончания школы до её смерти мы не виделись с ней ни разу — дочь её совершенно не интересовала.

Первое время я ещё пыталась звонить, но... К моменту смерти она уже жила в коммуналке, и долги по квартплате были такие, что вступать в наследство я не стала. Скромные похороны я оплатила из своей заначки.

Сразу после развода я все же рискнула взять небольшой кредит и открыла крошечную мастерскую, где работали я и одна помощница — Надя, тридцатилетняя мать-одиночка. Я бралась за любой заказ, не брезгуя ста рублями за укороченные джинсы, и постепенно ко мне потянулись окрестные жители — поменять молнию на куртке, подрубить полотенце, подшить новые шторы.

Через полгода у меня был первый заказ на свадебное платье. Мы с Надей выложились по полной. После этого заказов прибавилось и ещё через месяц я наняла вторую мастерицу.

Нельзя сказать, что я стала супер-бизнес-леди, но через три года уже зарабатывала достаточно для того, чтобы купить хорошую машину — «Тойота рав четыре» и пару раз в год ездить в отпуск по России. На это время заместителем оставалась Надя.

Я не могу назвать её родным и близким человеком, но она была трудолюбива, аккуратна в ведении бумаг и порядочна. Я даже иногда ходила к ней в гости, где мы с удовольствием трепались о своём, о девичьем.

Однажды, услышав от неё историю о том, как родной брат, придравшись к неточности в завещании, отсудил у неё родительскую квартиру после неожиданной гибели их отца, я задумалась о том, кому достанется моё барахло и квартира. Решать я всегда умела быстро.

На следующий день оформленное по всем правилам завещание на Надежду осталось лежать в нотариальной конторе. Знать ей об этом не нужно, но мало ли что... Мне доступны были и Турция, и Париж, и Вена, но оставлять Грея на десять-пятнадцать дней с чужим человеком я не хотела — он везде сопровождал меня, сидя на переднем сиденье нашей машины.

Ежедневно мы много гуляли, я включала очередную аудиокнигу про какую-нибудь очередную бестолковую попаданку, и мы бродили с ним по редкому пролеску час, а то и полтора. Новую квартиру-двушку я специально купила на окраине города рядом с остатками леса.

Самым живым и важным элементом моей жизни был Грей, я не испытывала тоски и одиночества именно потому, что он всегда был

рядом. Тот тонко чувствовал моё настроение и жалел меня, когда случались какие-нибудь неприятности на работе.

Если я болела, что бывало не так уж и часто, он приходил в спальню и ложился у меня в ногах, жалея и охраняя. Я с ужасом замечала, как он стареет, как седые волоски появляются на его чёрной морде, как мутнеют от старости глаза и появляется неуверенность в движениях.

Я много читала и увлеклась разными видами вышивки, поэтому вечерами, под голос диктора, корпела над очередной работой, а Грей лежал в дверях комнаты, охраняя меня от всего на свете. Нам было комфортно в нашем маленьком мирке без детей, друзей и предательств. Иногда я в шутку называла его ангелом-хранителем.

Грей умер, когда мне исполнилось тридцать семь лет. Завернув тело своего друга в большое покрывало, я сама похоронила его в том леске, где мы так любили гулять. После этого заехала в магазин, купила несколько бутылок виски и первый раз в жизни надралась вдрызг, в хлам, в сопли...

Виски закончился на третий день.

Я проснулась, воняя перегаром и потом, от назойливого звона в ушах. Пустыня Сахара во рту и болезненная пульсация в висках мешали соображать здраво. Наконец, звон прекратился, и я с облегчением закрыла глаза, но буквально через минуту мобильник завизжал снова. С трудом, кряхтя как столетняя старуха, я протянула руку к тумбочке и взяла омерзительно дребезжащий прямоугольник в руки, взволнованный голос Нади взорвался в мозгу, как бомба:

— Лена, Леночка! Срочно приезжай! Там трубы лопнули... Воду уже перекрыли, ткани мы уже почти все вынесли... Тут Нина с Наташей охраняют... Но всё валяется прямо у входа, на земле! Приезжай срочно!

Я сбросила звонок, ещё несколько минут тупо пялилась в потолок, пытаюсь собраться с мыслями, не хотелось двигаться, думать. Пожалуй, если бы не Надя, я бы просто отключила телефон...

Душ. Двойная порция кофе в чашку, чистое бельё, джинсы, рубаха. Щёлкнула у окна автозапуском, «Тойота» пискнула и заурчала. В машине слабо пахло Греем, мир за лобовым стеклом слегка размазался от слёз.

Я привычно сбавила скорость возле школы, памятуя о том, как неожиданно любят выскакивать на дорогу дети. Этот участок пути я всегда держала скорость не более тридцати-сорока километров.

Ближе к повороту я немного добавила газу, но послушно остановилась под красным светофором. Странную фуру почти на встречке, которая, вихляя, летела по двойной сплошной, я заметила сразу: «Пьяный что ли?!».

Больше я, в общем-то, ничего подумать не успела. Резко вильнув, этот идиот вывалился на встречку полностью и на хорошей скорости впечатал в мою «Тойоту» все десятки тонн своей «Скании». Последнее, что я запомнила — вкус крови во рту и как хрустит моя грудная клетка... И даже «маска силы» мне не помогла...

Глава 3

Привкус крови во рту был омерзительным. Болело тело, но довольно странно, не грудная клетка, хотя я чётко помнила, как она крошилась, а левое бедро и вся нога почти до самой щиколотки. Казалось, что там содрали кожу. Сильно саднил разбитый локоть, но мысли были ясные, наверное, двойной кофе помог. Я с трудом открыла глаза, а потом от удивления распахнула их ещё шире — это совершенно точно не больница!

Под высоким потолком, на широкой полосе лепнины, в ярком свете медленно-медленно колыхались клочья паутины. Абсолютно точно это был не свет фонаря. Я дёрнулась и, чувствуя странную лёгкость тела, села на кровати.

Чужая, незнакомая и обшарпанная комната. Потолок покрыт частой сетью трещин, в центре крюк, на котором, похоже, когда-то висела люстра, пустой зёв камина, чуть дальше по стене стол с двумя стульями, в углу темнеет громада шкафа. Два больших окна в пол занавешены чем-то вроде драной мешковины. Неровно и небрежно сшитые куски одной «шторы» были сдвинуты, и сквозь пыльное стекло комнату заливал яркий, режущий глаза лунный свет.

Спустив ноги с кровати на покрытый несколькими слоями грязи паркетный пол, я уловила краем глаза в углу комнаты какое-то шевеление. Невольно дёрнулась в ту сторону и сообразила, что одна дверца шкафа зеркальная. Начав смутно о чём-то догадываться, прошлёпала по полу, ощущая под ногами крошки, песок и какой-то мусор, и упёрлась руками в холодное стекло зеркала.

Тощая девица лет шестнадцати с тёмными длинными волосами и испуганным лицом смотрела мне прямо в глаза, чётко повторяя каждое движение. Мешковатая сорочка без рукавов из ветхой фланели доходила до середины икр.

Я зябко поёжилась, обхватила себя руками — в комнате было очень холодно, и то же самое сделала девица в зеркале. Зашипела от боли — то, что мне сперва показалось грязью, покрывающей левое предплечье, на самом деле было широкой подсыхающей ссадиной. Начав соображать, задрала повыше сорочку — на левом бедре

красовалась такая же подсыхающая рана, десятки косых параллельных царапин спускались почти до ступни.

Я отвернулась от зеркала и вернулась на кровать, укуталась в одеяло и попыталась подумать. Как ни странно, голова была ясная, но место и тело, в котором я очнулась, чётко объясняли, что это не мой мир. Я нервно хихикнула: «Ну и где мой принц драконов, где моя истинная пара или, хотя бы, маленькая кучка слуг, что спасёт свою королеву от этого свинарника?». Ответов не было...

Немного посидев и согрешись, но совершенно не понимая, что делать, я решила выглянуть в окно. Накинув на спину одеяло, неуклюжим коконом двинулась по комнате. Пейзаж за окном был странноватый. Дома был конец лета, а здесь ещё, или уже, местами лежит снег, клочьями покрывая что-то вроде трёх могил. Из-под снега неровными кучками торчали сухие бодылья каких-то растений. Наконец, я сообразила, что это не могилы, а просто три заснеженные прямоугольные клумбы. Дальше виднелись резко освещённые силуэты деревьев. Похоже на что-то вроде парка.

Нельзя сказать, что я испытала восторг от попадания, но всё же, наверное, это лучше смерти. Хотя чёткого мнения у меня пока не было... А ещё вспомнился влажный чёрный нос Грея, его тускнеющие глаза... Слёзы навернулись сами собой.

Ещё немного потупив у окна, я решила поискать одежду, однако лунный свет стал тускнеть и через пару минут полностью погас — возможно, луна спряталась за тучу. Всё же шок от осознания чуждости этого мира был сильнее, чем я думала. Закутавшись в одеяло с головой, просто чтобы согреться, я не заметила, как уснула.

— Элен, Элен...

Кто-то робко пытался стянуть у меня с головы одеяло. Высунув нос наружу, я села, придерживая одеяло у груди. В комнате было светло — похоже, проспала до утра.

Я увидела у кровати худощавого бледного подростка в странной одежде — застиранная белая рубашка с ветхим, местами порванным кружевным жабо, чёрная суконная курточка, чёрные же суконные узкие штанишки чуть ниже колена, грубой вязки чулки и неуклюжие кожаные башмаки на два размера больше, чем нужно.

За ним возвышалась монументальная фигура женщины с суровым, немного бульдожьим лицом. Её одежда разительно

отличалась добротностью, качеством и новизной. Коричневое плотное и тёплое платье, не доходящее до пола сантиметров двадцать, новое и качественное, украшенное белоснежным воротником и таким же белоснежным фартуком с двумя большими карманами. К гладко подобраным тёмным волосам приколата нелепая накрахмаленная шапочка, чем-то похожая на неуклюжий берет.

Похлопав со сна глазами, я поняла, что сейчас пойду по классическому пути всех попаданок. Вспомнив свою «маску силы», я собралась с духом и, картинным жестом сжав виски руками, слабым голосом сказала:

— Я ничего не помню. Кто вы такие?

Мальчик молчал, только испуганно таращился на меня, а вот женщина, пожевав узкими губами, недовольным, басовитым голосом сказала:

— Кёрста Элен, у вас нет денег, чтобы пригласить доктора.

— Мне вовсе не нужен доктор, я вполне могу шевелить руками и ногами. Наверное, я ударилась головой, так как не помню кто я и где. Поэтому будет лучше, если вы мне расскажете.

— Что рассказать, кёрста Элен?

— Всё! Начните с того, кто вы такая.

Женщина недовольно фыркнула, но спорить не стала. Строго взглянув на мальчика, она сказала:

— Где мне взять стул, кёрст Линк?

Эта сцена мне очень не понравилась. За спиной у женщины у стола стояли два стула и, входя в комнату, она не могла их не увидеть, но вмешиваться я не стала. Линк покорно сделал несколько шагов до стола и по очереди перенёс стулья к кровати. Они уселись, и я начала разговор со стандартного вопроса:

— Как вас зовут?

Звали её Берта, она была служанкой в доме соседки, кёрсты Монкер. Три дня назад на центральной площади Виргонта столкнулись две кареты, погиб кучер и четверо прохожих, в том числе и «мои родители». Элен, то есть, теперь уже я, отделалась лёгкими ушибами.

Судя по тому, что я вселилась в тело девушки, не такими уж и лёгкими были эти самые ушибы. Однако, Берта продолжала говорить, и я вынуждена была слушать.

На моём попечении остались: мой брат, вот этот самый Линк, полоумная прабабушка, кёрста Рангер, которая сейчас умирает в одной из комнат от застарелой простуды, и моя сестра кёрста Эджэн, которой на данный момент исполнилось два с половиной года.

Мать божья, и что я буду делать со всем этим семейством? На кой оно мне сдалось?!

Благородная кёрста Монкер, помня заповеди, данные нам святым Айлюсом, оплатила скромные похороны моих родителей — кёрста Джиона и кёрсты Марион — тут служанка сделала очень странный жест, коснувшись по очереди двумя пальцами правой руки левой брови, правой брови и губ. Кроме того, в помощь бедным сироткам милосердная кёрста Монкер отправила служанку, эту самую Берту, сроком на пять дней.

Три дня, как я понимаю, уже прошли — похороны родителей состоялись вчера.

То, что я услышала, ужаснуло. Меня не смущало молодое тощее тело, но то, что в этом мире у меня есть сестра, брат и полоумная бабушка, о которых я, якобы, обязана заботиться, мне не нравилось совершенно.

Как я поняла, моя «новая семья» была не богаче церковных крыс, именно поэтому Берта смотрела на меня вопросительно, то ли ожидала каких-то приказов, то ли у неё самой были вопросы к этой самой Элен. Голова просто лопалась от обилия информации и всех этих «кёрстов и эжен», я совершенно не представляла, что нужно делать и говорить дальше, но долго размышлять мне Берта не дала:

— Кёрста Элен, в холле ожидает трок Валим, прикажете принять?

Я впала в лёгкий ступор.

Минуту подумав, всё же сообразила спросить, кто такой трок Валим. Берта брюзгливо поджала губы:

— Купец...

Она произнесла это слово так, как будто статус купца равнялся статусу болотной лягушки.

Памятуя о том, как вели себя попаданки в книгах, я, в общем-то, понимала, что нужно делать. Она — прислуга, я — вот эта вот самая «кёрст». Судя по всему, это какой-то местный титул. Поэтому я посмотрела на мальчика и сказала:

— Линк, будь добр, подожди за дверью.

Мальчик, не поднимая на меня глаз, покорно кивнул и вышел, а я с замиранием сердца отдала новый приказ, тихо надеясь на то, что делаю всё правильно:

— Берта, помоги мне одеться.

Я внимательно смотрела на её лицо и видела, что приказ ей мой совершенно не понравился. Как ни странно, это было ожидаемо — понемногу у меня в голове сложилась чёткая картинка: обнищавшая дворянская семейка, не успевшая проесть и промотать вот этот самый особняк, но наверняка погрязшая в долгах, и их богатая соседка, возможно, ханжа и сноб, желающая выслужиться перед местными святыми и выглядеть милосердной в глазах своего окружения.

И вот эта самая Берта, горничная из богатого дома, заражённая и снобизмом, и ханжеством своей хозяйки, отправлена в помощь нищим соседям. Разумеется, ей это не нравится. И очевидно, она считает минуты до момента возвращения в богатый дом кёрсты Монкер, но та всего лишь прислуга и ослушаться меня не осмелится.

Эта картинка так быстро и чётко сформировалась у меня в мозгу, что я ни на секунду не усомнилась в своей правоте. Поэтому я посмотрела на Берту и очень спокойно повторила:

— Берта, помоги мне собраться.

Глава 4

Поджав губы, служанка вышла из комнаты и через две минуты вернулась с кувшином воды, большой миской, в которой на дне лежал кусочек мыла и ветхим полотенцем через плечо. Я остановила её попытку налить воду в миску.

— Сперва мне нужно оправиться, Берта.

Она кивнула на угол комнаты, где стояла неприметная серая ширма. Там я, вполне ожидаемо, нашла ночной горшок. Вздохнув и внутренне содрогнувшись, я смирилась — выбора всё равно не было. Вышла из-за ширмы и прервала вторую попытку Берты налить воду в не слишком чистую миску.

— Нет, Берта, не нужно так делать, ты польёшь мне из кувшина.

— Кёрст Элен, я не знаю, что это вы тут придумали... — недовольно начала Берта.

— Я не собираюсь рассказывать тебе, что и как я придумала. Если ты отказываешь мне в помощи, можешь вернуться домой, а я вечером зайду поблагодарить кёрст Монкер за помощь.

Лицо Берты пошло красными пятнами, и она молча и аккуратно стала сливать мне холодную воду. Я умылась, вытерла лицо ветхой тряпкой, которую Берта подала мне с насмешливым поклоном. Я не стала цепляться к ней по мелочам. Она распахнула шкаф, оглядела внутренности и с иронией спросила:

— Какой туалет изволите выбрать, кёрст Элен?

Это была неловкая ситуация, я понимала, что одежды у Элен немного, но даже не представляла, что именно ответить, потому подошла и встала рядом.

Шкаф был устроен более чем странно — не было обычной перекладки с вешалками, зато всю внутреннюю поверхность украшали разнообразные крючки, прибитые в два, а местами в три ряда. Гардероб Элен очень скуден.

Тут у меня возникло ещё одно затруднение — траур. Я не представляла, как в этом мире принято выражать скорбь. Решив уточнить позже у Линка, я ткнула рукой в одно из трёх висящих на крючках платьев.

Оно было спокойного серого цвета, из толстой мягкой шерсти, когда-то, видимо, дорогое, а сейчас изрядно заношенное и лоснящееся на локтях.

Процесс одевания вызвал у меня раздражение. Прямо на фланелевую рубашку, в которой я спала, Берта через голову натянула на меня платье, зашнуровала его на спине, достала потёртый кружевной воротник и попыталась накинуть на шею. Мне совсем не нужна была эта ветхая роскошь.

— Нет, Берта, в знак печали и скорби я не буду пока носить кружева.

В её лице что-то смягчилось, очевидно, и она вспомнила о том, что Элен не просто поцарапалась сама, но и потеряла отца и мать. Минуту подумав, та ещё раз заглянула в шкаф, открыв уже другую дверцу, ту самую, с зеркалом.

Там оказались вполне обычные полки, шустро пробежав по ним взглядом, она выдернула с одной из них огромный шерстяной платок тёмного, тускло-серого цвета. Совершенно такой, какие в моём мире любили носить бабульки. Кажется, их вязали из козьей шерсти. Встряхнув, она накинула его мне на плечи и, закрыв шкаф, отодвинулась, давая мне возможность посмотреть в зеркало.

Сейчас, при дневном свете, я видела, что хоть одета, как нищенка, и тоща, как палка, в целом, у меня довольно милостивая внешность. Пожалуй, не помешало бы ещё привести в порядок волосы. Берта уже стояла рядом, держа в руках широкий деревянный гребень. Она усадила меня на стул и, тяжело вздохнув, споро расчесала волосы, свернув их неким подобием улитки и заколов почти обычными шпильками. Только не чёрными, к которым я привыкла дома, а медными. Потом забормотала:

— Куда же я сунула... — роясь в бездонных карманах фартука. Наконец, вынула небольшой моток довольно широкой атласной ленты чёрного цвета и протянула мне на ладони:

— Вот... Кёрст Монкер послала...

Я посмотрела ей в глаза:

— Берта, я не шутила. Я действительно потеряла память и не знаю, что с этим делать.

Вздохнув и с жалостью покачав головой, она закрепила ленту у меня на голове довольно странным образом — траурной полосой на

лбу, скрепив на затылке вынутой из кармана булавкой. Снова порывшись в карманах, вытащила маленькие ножницы и, обрезав остаток ленты, протянула мне со словами:

— Вот, тут ещё кёрсту Линку и кёрст Эжэн хватит.

— Спасибо, Берта. Я очень благодарна и тебе, и кёрст Монкер за заботу.

Не важно, почему эта самая кёрст Монкер решила помочь соседям, но я действительно была ей благодарна. В конце концов, она не обязана была делать даже это. Немного помявшись, я всё же решила спросить:

— Берта, как ты думаешь, а что хочет от меня трок Валим?

И тут Берта преобразилась прямо на глазах. Как-то радостно взблеснув глазами, она быстро-быстро заговорила:

— Ой, вчера Тина, ну, которая у Фингеров, ну, которая личная горничная... она же дружит с Метой, знаете, этой поварихой... а за Метой как раз начал ухаживать Гнат, ну старшего сына лакей. Понимаете?

Совершенно обалдев от этого потока имен, отрицательно помотала головой — я не понимала вообще ничего. Берта от досады аж всплеснула руками и затараторила дальше.

Пробираясь через дебри её трескотни, удивляясь в душе, как такая солидная тётка могла оказаться такой матёрой сплетницей, я выяснила следующее — трок Валим присутствовал при смерти моих родителей и, сразу после того, как обезображенные тела повезли к храму, вернулся домой, велел заложить двуколку и до вечера разъезжал по делам.

Разъезжал он по делам и на следующий день. И эти дела касались непосредственно меня — ушлый купец скупил долговые расписки родителей, а сейчас, по мнению Берты, пришёл сватать меня за своего старшего сына.

— Это, конечно, наглость несусветная! Мыслимо ли дело, урождённую кёрст — за купеческого сына... Он, конечно, вам не ровня, кёрст Элен... Да и матушка его, признаться, больно скандальная... Только ведь у вас, кёрст Элен, и выбора-то особо нет. Кто же ещё о вас позаботится?

Всё это время глазки Берты жадно бегали по моему лицу. Она явно ожидала каких-то эмоций, может быть слёз, а может быть даже и

истерики, но держать покерфейс я научилась давным-давно, ещё в своём детстве. Похоже, Берта была разочарована, не получив желаемого.

— Спасибо, Берта.

Я чувствовала пустоту и растерянность — мне отчаянно не хватало информации. Но не сплетен, которые восторженно вывалила мне Берта, а чёткого понимания местных реалий и законов. Могут ли меня отдать замуж насильно? Мне нужна была небольшая передышка.

— Берта, будь добра, подай троку Валиму чего-нибудь выпить и попроси Линка зайти сюда.

Берта недовольной баржей выплыла из комнаты, а в дверь, робко поцарапавшись, просочился тот самый «брат».

— Садись, Линк.

Он довольно робко сел на край стула и, глядя мне в лицо, спросил:

— Элен, а ты совсем-совсем ничего не помнишь?

Я чуть поморщилась. Вопрос не из приятных, но нужно отвечать честно:

— Совсем не помню. Поэтому расскажи мне, что сможешь.

Мальчик потупился, неуверенно пожал хрупкими плечами и сказал:

— Ну, спрашивай...

Я задавала вопросы, и в голове складывалась пусть ещё неполная, но достаточно яркая картинка.

Пьющий, истеричный отец, который ради поддержания городского образа жизни и «чести семьи» одно за другим продал три принадлежащих ему села и наотрез отказался продавать городской особняк, утверждая, что не пристало высокородному кёрсту прозябать в деревне. Даже Линк помнил, как ещё три года назад в доме было шесть человек прислуги и собственный выезд, у него был личный гувернёр и дважды в день приходили учителя. А кучер, хоть и не жил в доме, но ухаживал за двумя красивыми кобылками серой масти, а в остальное время занимался садом возле дома.

— Даже к тебе приходили учителя, Элен. И бина Дельм танцевать учила, и бина Пист грамоту преподавала.

Линк был ещё слишком мал, чтобы понять, что именно случилось тогда, но, в один далеко не прекрасный момент, в доме появились

«чёрные люди» — я так поняла, что это что-то вроде судебных исполнителей или чиновников — именно тогда вывезли фамильное серебро, картины, матушкин клавесин и ковры.

После этого рассчитали всю прислугу, и хрупкая кёрста Марион взвалила на себя уход за семьёй. Какие-то деньги у отца ещё оставались, но он почти беспробудно пил, шпынял жену за отсутствие нормальной еды и совсем не разговаривал с детьми. В общем-то, картина была хоть и безрадостная, но абсолютно понятная.

— Скажи, Линк, а кто занимался с Эжэн?

— Иногда мама, иногда я, — он по-прежнему не смотрел мне в глаза.

— А я?

Он нервно дёрнул плечом, как-то не по-детски ухмыльнулся и сказал:

— А ты — папина любимица и всегда говорила, что благородная кёрст — это вам не нянька какая-то.

Мне стало неловко, я ни в чём не была виновата перед этим чужим ребёнком и ничего ему не должна, но слушать эти откровения было неприятно.

— Спасибо, Линк, проводи меня, пожалуйста, к троку Валиму.

Я ещё раз глянула на себя в зеркало, поправила траурную повязку на лбу и пошла вслед за «братом».

Глава 5

Линк вёл меня по длинному коридору особняка. Стены в трещинах требовали ремонта, два расположенных слева окна, которые тускло освещали холодное помещение, не мыли уже несколько лет. Думаю, у матери семейства на это просто не хватало сил. Паркетный пол не натерли давным-давно и сильный сквозняк гонял по нему пару клочков бумаги. Линк довёл меня до высоких двустворчатых дверей и сказал:

— Тебе сюда.

Немного подумав, я попросила:

— Пожалуйста, пойдём со мной. Я думаю, будет лучше, если ты поприсутствуешь.

Пожав худенькими плечами, он распахнул двери. Огромная комната с высоким расписным потолком и окнами с двух сторон была почти пустой. Вряд ли ей пользовались последние годы. Не было штор на окнах, люстр, даже нормальной мебели.

В углу притаились стоящие вдоль стены пять потёртых стульев разной расцветки и формы. На среднем из них сидел тучный, чуть обрюзглый мужчина, одетый, как я понимаю, дорого и безвкусно. Увидев меня и Линка, тот вскочил и, с трудом сгибаясь в пояснице, начал кланяться. Скосив глаза на «брата», я увидела, что на каждый поклон этого самого трока Валима мальчик просто кивает головой, и аккуратно повторила его движения.

Неуверенно взглянув на меня, Линк подтащил стул и поставил напротив ряда, где раньше сидел купец. Я села, а он встал слева и чуть сзади от меня, положив правую руку на спинку стула. Купец всё ещё стоял, теперь выпрямившись и безуспешно пытаясь придать своему лицу скорбное выражение.

Я с интересом рассматривала нового человека. Среднего роста, с лоснящимися от жира щеками, покрытыми рыжеватой редкой бородкой, с довольно густыми волосами неопределённо-соломенного цвета, стриженными коротко и небрежно, с маленькими глазками, занавешенными кустистыми бровями. На нём было некое подобие сюртука из плотной тёмно-зелёной ткани, алая атласная рубаха и

чёрные брюки, заправленные в короткие надраенные сапоги, пухлые пальцы рук, которые он сложил на животе, унижены серебряными перстнями.

Я плотнее надвинула «маску силы» и любезно предложила:

— Присаживайтесь, трок Валим. Я слушаю вас.

— Очень соболезную вам, кёрста Элен, такое горе, такое горе...

Этому нехитрому приёму я обучилась давным-давно — если хочешь смутить собеседника, смотри ему в лицо, но не прямо в глаза. Смотреть нужно на точку между его бровей. Тогда собеседнику кажется, что ты человек холодный и отстранённый, он не может поймать твой взгляд и начинает нервничать. Именно этим я и занималась сейчас, глядя на морщинку между рыжеватых седых бровей.

Как многие рыжеволосые, купец имел светло-голубые глаза. Не знаю, чего он ждал от «бедной сиротки», но явно не такого спокойствия. Похоже, я слегка выбила его из колеи. Наконец, он собрался с духом и заговорил:

— Кёрста Элен, девушка вы молодая, но надеюсь, что разумная. Поскольку уже не осталось старших родственников, способных позаботиться о вас, то я хотел бы сделать вам очень выгодное предложение. У меня есть сын, которому давно пора обзаводиться семьёй, род у нас небедный — и вас прокормим, и младшенькие ваши голодать не будут. А потом и к делу их приставим.

Произнося эту речь, трок Валим с каждым словом чувствовал себя всё более уверенно. Кроме того, имея на руках долговые расписки семьи, явно понимал, что деваться мне некуда. На самом деле, я даже не знала, есть ли мне куда деваться или купец прав, но и показать ему это я не могла. Немного затянув паузу, я дала совсем не тот ответ, который он ожидал:

— Мне нужно подумать, трок Валим.

Купец раздражённо засопел, полез в карман и вынул перевязанную бечёвкой довольно толстую пачку бумаги. Листы отличались по цвету и качеству, некоторые из них были весьма потёрты. Потрясая у меня под носом этой пачкой, вскочивший со своего стула мужчина попробовал надавить:

— Это вот, кёрста Элен, долговые расписки ваших родителей! Ежели я, допустим, отнесу их в Сообщество защиты, то вы с роднёй

через пять, много — шесть дней на улице окажетесь!

Я молчала до тех пор, пока раздражённый купец не уселся на своё место, теперь уже снисходительно глядя на меня. Выдержала ещё одну паузу, дождалась пока он открыл рот, желая что-то сказать, и ответила:

— Трок Валим, я хотела бы знать общую сумму по этим распискам.

— Двадцать две тысячи ферков, ежели со всеми процентами брать! — победительно ухмыльнулся он.

Мне нужно было время, чтобы понять, сколько это — ферк, достаточно ли продать особняк, являюсь ли я сейчас совершеннолетней и кучу других вещей. Поэтому, глядя между рыжих бровей на резко обозначившуюся жирную складку, я спокойно ответила:

— Я хочу подумать над вашим предложением, трок Валим. Пока были живы мои родители, они не считали нужным объяснять мне финансовое положение семьи. Поэтому сейчас мы закончим беседу, а ответ вы получите через несколько дней.

Не знаю, какой он торговец, но деловые переговоры мужик совершенно не умеет вести. Возможно, он просто не счёл меня серьёзным противником, но он вскочил и покинул зал, даже не поклонившись, со словами:

— Ну, посмотрим, посмотрим...

Когда за купцом захлопнулась дверь, странно всхлипнув, на его место уселся Линк. Он смотрел на меня исподлобья, но с удивлением и боязнью. Даже заговорить решился не сразу.

— Ты, Элен, как каменная!

Я не поняла, чего больше в его голосе — восхищения или осуждения, но, поскольку этот разговор всё же меня изрядно вымотал, а в желудке было сосущее чувство пустоты, сказала:

— Покажи мне, где находится кухня, Линк.

Зябко передёрнув плечами, мальчик послушно кивнул и пошёл к дверям, приговаривая:

— Пойдём скорее, там хоть согреться можно!

Кухня находилась в полуподвальном помещении и поражала своими размерами и пустотой — только половина её была худо-бедно меблирована. Сюда, на эту половину, стащили, похоже, все остатки утвари и мебели. Зато здесь было тепло.

В центре обставленной половины стояла довольно большая чугунная плита, вторая такая же осталась в пустой части кухни. Здесь был старый, поцарапанный во многих местах, но чисто вымытый стол, на котором стояла разномастная посуда — перевёрнутые кверху дном чашки, вперемешку — несколько тонких фарфоровых тарелок и глиняных мисок.

В углу располагался чудом уцелевший резной буфет — вместо одной ножки был подложен кирпич. Думаю, поэтому его и не продали. К торцу буфета прислонился ещё один стол размером поменьше, возле него находились три разномастных стула с засаленной обивкой.

А самым странным был отгороженный в углу, недалеко от печи, загончик, примерно два на два метра. В загончике, на усыпанном толстым слоем соломы полу, стояла маленькая девочка с льняными кудряшками, над перегородкой было видно только лицо. Рядом с ней, но по эту сторону загона, на табуретке сидела Берта и небольшой ложкой вливала кашу в широко открывающийся рот ребёнка.

Я вопросительно глянула на Линка. Он кивнул, подтверждая, что это и есть наша сестра Эжен.

Заметив нас, Берта сказала:

— Кёрста Элен, кашу я закутала, так что она ещё тёплая.

Линк отошёл от меня, покопался в большой корзине, что стояла на полу, разворошил тряпьё и поставил на стол небольшую кастрюльку.

Восторга каша у меня не вызвала. Что-то похожее на гречневую размазню, без молока, сахара и масла. Однако есть хотелось так, что и это меня не напугало. Линк, надо сказать, тоже ел с отменным аппетитом. В кастрюле оставалось ещё немного каши, когда я додумалась спросить:

— Берта, ты уже ела?

Она отрицательно помотала головой и добавила:

— Кёрсту Рангер я уже покормила.

Линк, тяжело вздохнув, отодвинул пустую тарелку — похоже, парень рассчитывал на добавку. Надо сказать, что и я не чувствовала особой сытости, но у меня были ещё вопросы к Берте, потому, когда она докормила малышку, я велела ей поесть и зайти ко мне в комнату, а Линка оставила присматривать за сестрой. Не думаю, что такая еда была способна вызвать у Берты восторг. Во всяком случае, в мою комнату она пришла довольно скоро.

— Садись, Берта, я хочу с тобой поговорить.

Дождавшись, пока она устроится, я села напротив и спросила:

— Берта, кто сейчас считается старшим в семье?

— Так кёрста Рангер, разумеется!

— Берта, я даже не помню, как она выглядит. Скажи мне, может ли она распорядиться имуществом?

— Так она уже несколько лет не в себе! — с некоторым изумлением проговорила Берта. Похоже, у неё в голове так и не отложилась моя «амнезия».

— Тогда кто сейчас главный в семье?

Берта думала долго, морщила лоб и даже заводила глаза к потолку, но потом неуверенно пожала плечами и сказала:

— Вам бы, кёрста Элен, с законником поговорить. Только у вас денег нет! — несколько непоследовательно добавила она.

Поняв, что больше толку я с неё не добьюсь, отправила Берту на кухню с просьбой присмотреть за малышкой, а ко мне попросила прислать Линка.

Сама я всё время ожидания ходила по комнате — ситуация просто убивала. Мысль о том, что эти дети находятся у меня на попечении, абсолютно не радовала. Я умею шить, готовить, убирать, наверняка, можно придумать что-то ещё, так что с голода не пропаду, но на кой мне чёрт такая обуза?! Однако, нравится мне или нет, нужно полностью разобраться в ситуации и получить на руки какие-нибудь документы. Пришедшего Линка я усадила напротив и начала спрашивать.

По его словам выходило, что прабабушка кёрста Рангер перестала узнавать людей года два назад, а последнюю неделю очень сильно кашляла и с кровати уже почти не вставала.

— Так-то она не вредная и маму всегда жалела, только немного сумасшедшая. Всё считала маму своей дочкой. А на самом деле, это папа её внук, а я — правнук... — спокойно закончил рассказ мальчик.

Похоже, и всю эту обстановку, и отношения между родителями, и наличие сумасшедшей прабабушки он считал вполне обычной частью своей жизни и относился к этому, как к данности. Терпел пьянство отца, жалел мать и помогал ей по мере сил. Дети нищеты взрослеют быстро.

Глава 6

Мы шли по коридорам огромного дома в комнату отца. Даже зная, что он мёртв, Линк не сразу решился отвести меня туда, как-то оторопело глядя в лицо, заявил:

— Ты что, Элен! Туда же только мама может заходить, чтобы убирать.

По возможности мягко я постаралась объяснить ему новую суть вещей:

— Линк, родителей больше нет, кёрста Рангер этим заниматься не может. Может быть, у нас есть какие-то родственники, которые могут помочь?

— Я никого не знаю, — как-то испуганно сказал Линк. Подумал и добавил: — У отца вроде бы был двоюродный брат, кажется, он погиб в море. А больше я никакой родни не знаю.

— Тогда мы сейчас идём смотреть кабинет отца.

Больше Линк не возражал и покорно провёл меня по стылому дому в другое крыло.

Комнаты главы семейства меня поразили. Имея жену, сына и крошечную дочь, он ухитрился не только спихнуть на них уход за полоумной старухой, своей собственной бабушкой, но и вполне прилично обустроить собственное существование.

Обитал этот кёрст в двух комнатах, и здесь я первый раз увидела корзину, наполненную дровами, стоящую у потухшего камина — похоже, мёрзнуть папашка не любил. Этим камином отапливалась и соседняя комната — спальня. Именно с неё я и начала осмотр.

Я ещё не видела, где обитают Линк и кёрста Рангер, но в моей комнате бельё было сероватым и ветхим, с большим количеством штопок. Здесь же толстое пуховое одеяло было заправлено в белоснежный пододеяльник с изящной вышивкой. В ногах кровати лежал пушистый шерстяной плед отличного качества.

На окнах висели толстые бархатные шторы, защищающие от сквозняков, и даже пол был покрыт пусть не новым, но чистым и пушистым ковром. К стене прижималась пара вполне прилично выглядящих комодов, а между ними резной короб на высоких ножках.

Откинув крышку, я поняла, что это такой местный бар — в нём хранились полтора десятка бутылок разной формы. Многие из них были ополовинены — на спиртное кёрст-папаша деньги находил.

Неприметная дверь в стене открывалась в небольшую гардеробную комнату. По стенам было развешено несколько мужских костюмов. Более того, здесь, по обе стороны большого зеркала, стояли два манекена. На одном из них было некое подобие чёрного бархатного сюртука, на втором такой же сюртук был благородного чёрно-зелёного цвета.

По низу комнаты в два яруса шла длинная полка, заставленная обувью в отличном состоянии. Здесь были и лёгкие полуботинки, и лаковые туфли, и тёплая обувь для улицы, на каждый сезон — по две-три пары. Я перевела взгляд на ноги Линка. Те самые уродские разношенные башмаки, которые носил мальчик, когда-то явно принадлежали его отцу — тратить на детей родитель не желал.

Морщиться я не стала. Умер этот козлина не здесь, а все эти вещи, как минимум, можно было продать. Но всё же обыск я решила начать с первой комнаты, которая представляла собой некую помесь кабинета и гостиной.

Кроме удобного кресла у камина, наполненного подушками, у окна стоял небольшой обеденный стол под белоснежной скатертью с одним единственным стулом. У второго окна располагалось красивое резное бюро, запертое на ключ, и удобное кресло с подлокотниками.

Много места занимали два застеклённых книжных шкафа, тоже запертые на ключ, сквозь стекло я полюбовалась на кожаные переплёты фолиантов и подумала, что хотя бы часть их точно можно продать. Пол в зале также был застелен ковром, вполне себе большим и красивым, на нём даже не было потёртостей.

Надо было искать ключи и смотреть, не осталось ли где-то денег — никакого почтения к памяти покойного я не испытывала, напротив, глядя на эти тёплые, достаточно уютные комнаты, я понимала, что мужик просто паразитировал на своей семье, используя их, как службу.

Первым делом я осмотрела само бюро, сверху, снизу, с боков — искала крючочек, где можно повесить небольшую связку ключей. Раздвинула синие бархатные шторы и осмотрела подоконники и откосы — пусто. Перевернула все подушки в кресле — ничего.

Конечно, возможно, он хранил ключи где-то в кровати, но мне это казалось маловероятным.

Проверила обеденный стол и, встав на колени, пошарила под книжными шкапами — нет.

Ещё раз внимательно осмотрела комнату и наконец-то сообразила. Каминную доску украшали две невысокие пузатые вазы. Тонкий фарфор, яркая роспись и позолота. Вот в одной из них я и нашла связку из нескольких ключей разного размера и формы.

Подобрав ключ к бюро, откинула резную крышку и принялась проверять ящички и полки. Бумаги я сперва откладывала в сторону, собираясь все их после перечитать. Небольшой кожаный кошелек попался мне под руку почти сразу.

Не останавливаясь на достигнутом, я тщательно перевернула все предметы и вещи, которые были скрыты в бюро. Там, на одной из полок, стояла коллекция резных каменных скульптурок, изготовленных с большим мастерством. Чем-то они напоминали нэцке.

Немного подумав, я велела Линку освободить корзину от дров и принести её к бюро. Всё это время он испуганно наблюдал за мной и совершенно не помогал. Похоже, что своего папеньку он боялся, как огня. Однако и спорить со мной не рискнул.

В корзину на дно я сложила эти одиннадцать фигурок, пару крошечных фарфоровых вазочек, что украшали полки бюро, найденный мной мешочек с дамскими украшениями и прекрасного качества бронзовый письменный прибор с высохшей чернильницей. Кроме того, мне попались ещё два холщовых мешочка с монетами.

Пересчитывать я ничего не стала — это можно сделать позже. Они тоже полетели в корзину. Всё это придётся быстро продать, чтобы просто купить еды. Сверху я высыпала все письма и бумаги, которые нашла в бюро — никакие нормы морали меня не тревожили.

Ещё раз внимательно осмотревшись, я велела Линку захватить шерстяной плед с кровати и пару подушек из кресла у камина — пригодятся.

Нагруженные добром, мы поплелись в нашу половину дома. Нести корзину было тяжело и неудобно, и на одной из лестниц я решила сделать передышку.

— Линк, а сколько всего этажей в доме?

Он удивлённо вскинул светлые брови:

— Три.

— А где располагается твоя комната и комната мамы?

Линк немного помялся, как будто стесняясь чего-то, а потом тихо сказал:

— Папа... ну, ты же знаешь, он на дрова тратиться не хотел...

— Так комнаты-то ваши где?

— Где раньше прислуга жила. Они там маленькие и в них не так холодно ночью. Днём-то мы всё равно на кухне были.

Добро мы притащили в мою комнату. Усадив Линка, я принялась выкладывать на стол всё, что нашла. Больше всего меня интересовали деньги. В кошельке лежало около десяти небольших золотистых монеток, пяток серебряных и чуть больше из какого-то бронзового сплава. Разложив их ровными рядами по столу, я начала тыкать пальцем и задавать вопросы Линку: «Это сколько? А это?».

Золотистая монета называлась ферк, серебряная — фанк, бронзовая — корн.

Тут мне повезло. Линк частенько сопровождал мать на рынок и в ценах разбирался не хуже любой кухарки. Горящими глазами, глядя на выложенное богатство, он машинально рассказывал, что курица — это очень дорого, может стоить двенадцать, а то и пятнадцать корнов, молоко — дешевле, кувшин — три корна, каравай хлеба — тоже три корна, а белого — так целых пять! В одном фанке — тридцать корнов, а двадцать пять фанков — один ферк.

Пересчитав все деньги из кошелька и обеих мешочков, я установила общую сумму — сто семьдесят три ферка, пятьдесят два фанка и восемнадцать корнов. Все монеты были номиналом в один, два или пять единиц.

Я точно знала, что мне делать с этим богатством: срочно нужна консультация юриста, ну, или как его назвала Берта, законника. К Берте я и отправилась с вопросами.

Поняв, что у меня есть деньги заплатить законнику, Берта стала несколько почтительней. Через слово добавляя «кёрста Элен», она принялась тараторить, объясняя дорогу, и я поняла, что ничего не поняла. Беспомощно оглянулась на Линка и спросила:

— Ты знаешь где это?

Кажется, мой вопрос его обрадовал, потому что он часто закивал головой и ответил:

— Конечно знаю! Я тебе всё-всё покажу!

— Тогда собирайся.

Немного подумав, я достала серебряный фанк, протянула Берте и сказала:

— Берта, это тебе в благодарность за помощь. Сейчас мы уедем, Эжен и кёрста Рангер останутся на твоём попечении, надеюсь, к моему возвращению всё будет в порядке.

Берта закивала головой, как китайский болванчик, поражённая величиной суммы, прикладывая к груди зажатую в кулаке монету:

— Всё, как велели, исполню, кёрста Элен!

— Посмотри, что осталось из продуктов, и приготовь что-нибудь ещё — экономить не нужно.

После этого я отправилась одеваться в свою комнату. Распахнула шкаф и растерялась. Ничего похожего на зимнюю одежду здесь просто не было. В дверь нетерпеливо постучали, заглянул Линк:

— Я готов!

— Зайди сюда, Линк.

Назвать его тепло одетым у меня не повернулся бы язык. На мальчике было что-то вроде тяжёлого суконного пончо и такой же суконной шапки, больше всего напоминающей треух. Я с сомнением посмотрела на эту одежду и спросила:

— А тебе не будет холодно?

— Если быстро идти, то не очень.

— Линк, а где моя верхняя одежда?

Тут Линк замялся и сказал:

— У тебя, наверное, нет. Ты зимой из дома не выходишь.

Я растерялась, но желание Линка выбраться на улицу было так велико, что он быстро сообразил:

— Ты можешь накинуть папин плед. Сейчас я тебе принесу заколку! — и он убежал.

Вернулся через пару минут, протянув мне какую-то гнутую медяшку:

— Вот, возьми, это мамина.

Идти в таком виде по городу мне решительно не хотелось, но и выбора не было. Отправив Линка за извозчиком, я принялась

драпироваться. Плед, конечно, тёплый, но выглядело это, с моей точки зрения, очень смешно — накинутый на голову, он был скреплён под подбородком той самой заколкой, и в зеркале отражался нелепый кокон, перечёркнутый по лбу чёрной траурной полосой.

Хуже было с обувью — мои башмаки явно не для зимней прогулки. Придётся идти в таких. Впрочем, мне было сейчас наплевать, как я выгляжу. Даже если немного замёрзну — не страшно.

Глава 7

Открытая коляска, которую пригнал Линк, была старой, обшарпанной, с толстым слоем мокрой, грязной соломы на полу. Верх коляски не поднимался — он был сломан, возница что-то недовольно буркнул на мой вопрос и тряхнул вожжи — худо кормленная, пожилая лошадь тронулась, и коляска закрипела.

Капризничать я не стала и с интересом, вертя головой в обе стороны, рассматривала новый, непривычный для меня мир.

Чем ближе к центру города мы двигались, тем меньше встречалось людей, закутанных как мы с Линком. Зато чаще попадались дородные мужчины в полураспахнутых шубах, сшитых мехом внутрь и крытых дорогими тканями, женщины в многослойных тёплых юбках и коротких меховых жакетках с весьма элегантными меховыми шапочками на сложных причёсках.

Больше становилось стеклянных витрин, освещённых, как ни странно, газом. Встречающиеся нам коляски и кареты были значительно роскошнее нашей. У меня невольно назрел вопрос:

— Линк, а что, наш дом находится в районе для бедных?

Он удивлённо воззрел на меня и ответил:

— Ты что, Элен?! У нас же не дом, а усадьба.

За то время, что нам понадобилось на дорогу до конторы законника, я успела узнать у Линка, что когда-то наш дом считался роскошным загородным поместьем, но, ещё до его рождения, город, быстро растущий в ту сторону, поглотил это поместье и, прихватив большую часть земель, продолжил свой рост.

Теперь самым ценным в нашем особняке был не сам дом, а огромный сад, который к нему прилегал. Когда Линк был совсем маленьким, родители часто приглашали гостей летом и отец очень любил выслушивать дифирамбы царящей вокруг цветущей зелени, клумбам и статуям.

— Там некоторые деревья ещё при муже прабабушки сажали! — несколько восторженно рассказывал мне брат.

Контора законника, к которой мы подъехали, располагалась на втором этаже довольно богатого здания с лепниной и огромным

магазином одежды на первом этаже. Строгая вывеска на торце здания гласила: «Государственный законник, кёрст Форшер. Консультации по любым вопросам».

Оставив извозчика дожидаться, мы поднялись по широкой лестнице с красивыми коваными перилами, устланной слегка потёртой ковровой дорожкой, в большую и светлую приёмную.

За элегантным резным бюро сидел фатоватый мужчина лет тридцати пяти, отёчно-бледный, с тоненькими, подбритыми в нитку, тщательно завитыми усиками. Кинув на нас один только взгляд, он снова уткнулся носом в какой-то журнал, куда мелким, бисерным почерком вносил записи. Нам же оставалось только любоваться на тщательно зачёсанную плешь.

В приёмной было тепло, стояла недешёвая мебель — несколько кресел и диванчик для посетителей, обитый бархатом, высокий резной шкаф со множеством маленьких ящичков, напоминающий собой картотеку. У входа в комнату — массивная дубовая вешалка, где, очевидно, посетители могли оставить верхнюю одежду.

Однако центром и смыслом этой комнаты были роскошные двойные двери, ведущие в святая святых — кабинет кёрста Форшера. Это были двери с большой буквы «Д», покрытые сложным рисунком, щедро позолоченные, отбрасывающие надраенными «в жар» ручками солнечных зайчиков в глаза посетителям.

Молчание всё затягивалось, и я потеряла терпение:

— Любезный, быть может, вы соизволите оторваться от ваших, несомненно, важных бумаг и обратите на нас внимание?

«Любезный» поднял на меня чуть вытаращенные тёмно-карие глаза, картинно-изумлённо вскинул редкие бровки и надменно ответил:

— Разговор с кёрстом Форшером стоит целый ферк.

— У вас найдётся сдача с пяти ферков или мне придётся собирать мелочь?

Базедовые глазки секретаря стали, как мне показалось, ещё выпуклее. Бледные щёки окрасились пятнистым румянцем, и он несколько смущённо забормотал:

— Конечно-конечно... Впрочем, пожалуй, нет... Но я, безусловно, готов сбегать и разменять! Прошу не волноваться, почтенная кёрста! Когда вы выйдете, сдача уже будет готова!

После этого он вскочил, метнулся к роскошным дверям, деликатно постучал и, приоткрыв узкую щель, протиснулся туда. Положив на конторку монету в пять ферков, я усадила Линка в кресло, расстегнула заклочку и, небрежно бросив плед на подлокотник дивана, присела рядом.

Впрочем, ждать долго мне не пришлось. Буквально через минуту обе створки широко распахнулись и сияющий любезной улыбкой секретарь проводил меня в «святилище», бесшумно закрыв за мной двери. Раздался хрипловатый, какой-то каркающий голос:

— Прошу садиться, кёрста. Слушаю вас.

Кабинет законника вовсе не был так роскошен, как обещали золоченые двери в приёмной. Удобный письменный стол с красивым бронзовым подсвечником, которым сейчас не пользовались, точная копия чернильного прибора отца Элен и несколько стопок бумаг, с которыми сейчас работали.

Книжный шкаф, прячущий за стеклом солидные тома, две открытые этажерки, заполненные стопками битком набитых кожаных папок и уютно потрескивающий в углу камин. Стены были обтянуты светло-серой тканью, что делало помещение несколько скучным.

Больше всего кёрст Форшер напоминал мне Зиновия Гердта — те же чёрные кустистые брови при высоком залысом лбу с крупными морщинами, то же «складчатое», чуть обезьянье умное лицо. И внимательный взгляд небольших глазок.

Беседа с кёрстом Форшером оказалась весьма плодотворной. Не всё из того, что он сказал, мне понравилось, но радовало уже то, что почтенный кёрст, хоть и требовал за свои услуги весьма солидную сумму, обещал лично заняться моим делом.

— Запрос в канцелярию градоправителя я пошлю сегодня же. Сами понимаете, кёрста Элен, с ответами они обычно не торопятся, но я знаю, как ускорить процесс. Там же я уточню все вопросы по поводу завещания.

— Кёрст Форшер, что будет в случае, если родственников не найдётся? Или никто из них не захочет взвалить на себя такую обузу?

Кёрст пожевал тонкими губами и, разведя сухонькие кисти рук в стороны, пожал плечами:

— Если вам, милая кёрста, есть хотя бы шестнадцать лет, отвечать за детей будете вы — разрешение «старшей в роду» я вам добуду.

Конечно, можно подать прошение в канцелярию градоправителя и младших детей устроят в приют, но тогда и вам, милая кёрста, придётся подыскивать приличный дом, где вы сможете служить компаньонкой. В любом случае, если продажа дома покроет долги, то сколько бы не осталось — будет поделено между всеми детьми поровну. Ну, разумеется, ежели что-то другое не оговорено в завещании. Через пять дней приходите за ответом, раньше я вам всё равно ничего не скажу.

Мне очень не нравилась мысль становиться старшей в роду. Кёрст Форшер достаточно чётко объяснил, что такое разрешение выдаётся в случае отсутствия старших родственников.

Этот весьма странный документ даёт подростку временные права совершеннолетних, например, получив такую бумагу, я могу подписывать документы от имени своих подопечных, совершать финансовые сделки и распоряжаться своим и их имуществом. Грубо говоря, меня признают совершеннолетней раньше времени.

Мне было жаль детей, но я вовсе не собиралась им становиться опекуном и родной матерью. На кой чёрт мне такая обуза?! Идеальный для меня вариант — отдать их в семью родственников и спокойно заняться своей судьбой.

Пусть у меня нет каких-то особых умений, но уж прокормить себя я вполне смогу. Жаль, что придётся ждать пять дней и волей-неволей заботиться о детях. Кроме того, меня вполне обоснованно мучали сомнения — захочет ли кто-то из родственников взвалить на себя такую нагрузку?

Однако, особо предаваться тягостным размышлениям было некогда — предстояло купить на всех приличную одежду и еды на ближайшие дни.

Посоветовавшись с притихшим Линком, мы вернулись на пару кварталов назад, выбрали средне-приличный магазин готовой одежды, где я приобрела пару костюмов и несколько новых рубашек Линку, бельё и обувь ему же, два добротных тёплых платья для себя, к которым добавила сорочки, чулки и довольно элегантную тёплую накидку-пальто.

Для крошки Эжен я набрала фланелевых и шерстяных платьишек и несколько пар тёплых носков — ребёнок не должен мёрзнуть.

Расплатившись и оставив адрес, куда следует доставить всё то добро, мы поехали искать продуктовую лавку.

Уже смеркалось, и вдоль улицы зажгли газовые фонари, извозчик ворчал всё отчётливее, а Линк, напуганный «непомерными» тратами, дёргал меня за рукав и уговаривал закупить продукты завтра, на рынке.

Решив прислушаться к голосу разума, я купила только небольшой кусок копчёной свинины и в соседних лавочках два караваея хорошего белого хлеба, приличный ломоть сыра, плотный «колобок» сливочного масла и чуть влажноватый бумажный кулёк с творогом.

Домой мы вернулись уже в полной темноте, благо, что один из фонарей скудно освещал подъездную аллею. Корзину с продуктами несла я, а Линк, очевидно, беспокоясь о сестрёнке, подбежал к дверям дома. Прямо в холле стояла Берта, держа на руках закутанную в кокон малышку Эжен.

— Кёрста Элен, вы как уехали, я малышку уложила и пошла проведать кёрсту Рангер...

Берта как-то таинственно замолчала. Я ждала продолжения, но она не торопилась, с каким-то испугом глядя на меня.

— Дальше-то что Берта? Что сказала кёрста Рангер?

Берта ловко пересадила девочку с правой руки на левую, тем же странным жестом, что и раньше, коснулась левой брови, правой и губ и шёпотом сказала:

— Померла кёрста Рангер-то, померла... Я уже и в храм сообщила. Они, как водится, фанк затребовали! Так я того... Отдала! — и она ожидающе уставилась на меня.

Глава 8

Следующий день я провела, вычищая и обустривая тёплую комнату для себя и детей. Пока не решатся все вопросы с их устройством, я считала себя обязанной присмотреть за ними.

В моей комнате, наконец-то, затопили камин, я лично собрала с потолка тряпкой, намотанной на швабру, всю паутину, вымела и отмыла полы, пока Берта сидела с детьми на кухне.

Не постеснялась снять хорошие шторы в спальне папаши и приволокла большой ковёр. Нашла в комодке отцовской комнаты чистое бельё, застелила кровать и, содрав пододеяльник, перетащила в свою комнату его пуховое одеяло — на моей кровати пока будут спать дети.

Себе я устроила спальное место на небольшой кушетке, которую мы с Линком перетащили ко мне из пустующей комнаты. В своё время её, похоже, не смогли продать, потому что одна из ножек была надломлена. Камень, который Линк притащил с улицы, прекрасно решил эту проблему.

Через день мы с ним, оставив Эжен на попечение Берты, отстояли службу в храме, где я очень внимательно следила за действиями других прихожан и успевала «креститься» на местный манер вместе со всеми. Заупокойную службу по кёрсте Рангер я выдержала достойно, не привлекая к себе внимания.

Гроб кёрсты, достаточно простой, обитый какой-то серой тканью, стоял на специальном каменном постаменте, накрытый белой тканью. Я так и не увидела лицо покойницы, о чём, впрочем, совсем не жалела.

Во время молитвы Линк прослезился и шёпотом сообщил мне, что бабушка Рангер была немножко сумасшедшая, но не злая. Мне стало жаль мальчишку, который в течение нескольких дней потерял большую часть своего привычного мирка.

Кроме нас с Линком присутствовала ещё одна пожилая дама, которая выразила нам своё соболезнование и, по окончании службы, ушла, так и не представившись. Возможно, дочь одной из подруг? Больше прабабушку в последний путь не провожал никто — она была слишком стара, и похоже, все её знакомые умерли раньше.

На кладбище, как выяснилось, нам ехать не нужно, зато мне пришлось выделить ещё целый фёрк служащим храма за предоставленный гроб, в который они вложили, в голову и ноги покойницы, какие-то листочки с молитвами. И за то, что служители отвезут её тело и облагородят могилу. Услуги церкви обходились очень дорого.

Мы вернулись домой, выслушали соболезнования Берты, и вечером она покинула нас — пять дней закончились. Я передала с горничной благодарственное письмо соседке, кёрсте Монкер — помощь служанки и в самом деле оказалась очень нужной для нас.

Осталась я в огромном холодном доме с двумя совершенно чужими детьми и, признаться, очень слабо представляла, что нужно делать дальше. Больше всего нервировала маленькая Эжен, мне казалось, что она слишком молчалива для ребёнка её возраста.

Зато я убедилась, что на Линка вполне можно положиться. Нисколько не морщась, он привычно высаживал девочку на горшок, сумел сам покормить её на ужин кашей, а вечером, когда я уложила их в кровать, даже рассказал ей какую-то сказку.

Сама я, после всей этой суматохи, решила перед сном выпить чаю и спустилась на кухню. Чайник на плите уже остыл, но Линк ещё перед ужином показал мне небольшое металлическое приспособление, напоминающее проволочную решётку на ножках, которое ставилось в печь и сильно помогало экономить дрова. Мне понадобилось всего пять минут и несколько щепок, чтобы нагреть себе кружку воды.

Сидела в пустой, быстро промерзающей кухне, куталась в шерстяной плед и грела руки о большую чашку чая. Мысли у меня были самые невесёлые. Завтра я узнаю, есть ли у детей хоть какие-то родственники, способные их принять и заняться продажей особняка с садом и всех вещей. Я до сих пор слабо разбиралась в местных ценах и не знала, перекроет ли прибыль от продажи дома долги семьи.

Изрядно замёрзнув и так ничего и не решив, отправилась в свою комнату. Поправила одеяло у детей, подбросила дров в камин и улеглась на узкую кушетку. Сон не шёл.

Вспоминался Грей, мучали мысли о том, как я сама смогу устроиться в этом мире. Нужно ли разделить на всех деньги, которые нашла в кабинете папаши, или детям что-то останется с продажи дома?

Как бы заполучить документ, что я могу жить одна и являюсь самостоятельной личностью? Задремала уже ближе к утру.

Сон, который мне приснился ночью, был очень тяжёлым. Там, во сне, я снова прижимала к себе слепого щенка Грея, но в ведре, которое я протянула своей хозяйке, у щенков уже были открыты глазки, и оба этих толстых и неуклюжих комка укоризненно смотрели на меня в полной тишине мутными, серо-голубыми бусинками.

Это было одно из самых неприятных для меня воспоминаний. Всю жизнь я избегала думать о судьбе тех, двоих, что остались в ведре... Помню эту сцену очень хорошо и точно знаю, что тогда всё было совсем не так. Щенки были слепые и они пищали, но сон был так реалистичен, что я даже чувствовала запах осени и зябкость того утра.

Проснувшись я от какого-то странного писка и обнаружила, что камин потух, в комнате становится прохладно, а маленькая сестрёнка Линка сидела на подушке и хныкала. Сам же он беспробудно спал, завернувшись в одеяло.

Что делать с девочкой я представляла очень слабо, но и будить малышку мне было жалко, в последние дни на него и так обрушилось слишком много. Накинув платье, я подошла к своей бывшей кровати и, протянув руки, поманила малышку. Та на секунду прервалась, с подозрением посмотрела на меня, отрицательно помотала белокурой головой и, на всякий случай, отползла ещё дальше к стене. Я на секунду впала в ступор...

Что она хочет? Пить? Есть? Писать? Может быть, ей просто холодно? Не зная, что делать дальше, я решила пока что хотя бы растопить камин. Пока раздувала подёрнутые серым пеплом угли, аккуратно подкладывая в очаг кусочки коры, хныканье стихло.

Забросила в камин, на разгорающийся огонёк, пару поленьев и оглянулась — девочки на кровати не было. Впрочем, испугаться я не успела, сзади кто-то потянул меня за подол. От неожиданности повернулась слишком резко и Эжен, в длинной до пола фланелевой сорочке, шлёпнулась на попу. Секунду она молчала, а потом открыла рот и закричала от обиды так, что Линк проснулся мгновенно.

Я понимаю, что с его точки зрения всё выглядело не слишком хорошо — кричащий ребенок, валяющийся на холодном полу, и я, стоящая над ней с поднятыми руками, зажимающая уши. На самом

деле, жест мой был совершенно произволен, когда девочка закричала, то за голову я схватилась от испуга.

Линк в секунду отбросил одеяло, соскочил с кровати и с криком: «Не бей ее! Не бей!» — начал хватать меня за руки. От этого дурдома я окончательно растерялась и выскочила из комнаты.

Только идти мне было особо некуда. Постояв несколько минут в холодном коридоре и дождавшись, когда детский плач стихнет, я несколько раз резко вдохнула-выдохнула, открыла дверь и вернулась в комнату.

Линк, в коротковатой сорочке, едва прикрывающей колени, и босой, уже уgomонил свою сестру и, усадив на кровати, одевал её. Глаза от меня он прятал. В полном молчании я развернулась и пошла на кухню. Я, чёрт возьми, вообще не представляла, что с ними делать!

Растопила плиту, поставила кипятиться чайник и маленькую кастрюльку, в которую влила молоко — надо сварить кашу. Нарезала хлеб, копчёное мясо и сыр. Молоко закипело, и я высыпала крупу. Дождалась пока каша забулькает, посолила, бросила ложку сахара и сдвинула кастрюлю на край плиты — пусть томится. Дети не шли...

У меня не было злости на Линка. Возможно, его сестрица, тело которой я сейчас заняла, раньше позволяла себе срывать зло на малявке, но, пожалуй, следует поговорить с ним и объяснить, что произошло. Собралась с духом и отправилась в свою комнату. Кровать была заправлена, дети, оба — одеты и умыты, возле дверей стоял ночной горшок и на табуретке тазик для умывания.

— Я сейчас вынесу!

Линк испуганно метнул в меня взгляд и тут же потупился. Похоже, он серьёзно думал, что я ударила девочку. Всё это было настолько тягостно, что я решила отложить разговор на потом.

— Линк, бери Эжен и пойдёмте завтракать.

Он торопливо соскочил со стула, спустил малышку с коленей на пол, дал ей руку, а потом поднял на меня глаза:

— Ты не ругайся, она просто медленно ходит, но она же старается!

— Я и не собиралась ругаться.

Я подошла к этой парочке и протянула руку малышке. Немного подумав, она уцепилась за мой палец и старательно заковыляла к дверям.

На кухне уже было достаточно тепло, и пока Линк кормил Эжен, я водрузила на плиту большую кастрюлю, вылила в неё полведра воды — понадобится мыть посуду — и заварила нам с Линком чай. Всё это происходило в полной тишине — мы дружно молчали.

Эжен доела кашу, выпила стакан молока и, получив печенюшку, отправилась в свой загончик на солому, а мы с Линком сели завтракать. Похоже, такие продукты, как мясо и сыр, были для него настоящим лакомством, потому что ел он с большим удовольствием.

Дождавшись, пока мальчик насытится, я сказала:

— Линк, я не собиралась бить Эжен. Я просто не слышала, как она слезла с кровати и, когда малышка потянула меня за подол, от неожиданности резко обернулась, поэтому она не устояла на ногах, а я просто испугалась за неё.

Линк молчал и смотрел на меня с подозрением и какой-то надеждой, похоже, он не мог решить, можно ли мне верить. Уж не знаю, как вела себя прежняя Элен, но я точно не собиралась пакостить детям. Тем более, что взгляд Линка до странности, до мороза по коже, напоминал взгляд щенка из моего сна...

Глава 9

Все утро я кашеварила. Сварила суп, потушила картошку со свиными рёбрышками, испекла простецкие пирожки с каким-то джемом, половину банки которого нашла в буфете.

Линк помогал мне весьма умело — он так тоненько чистил картошку и морковь для супа, что я поняла, как часто он делал это раньше.

Чем больше я присматривалась к нему, тем сильнее начинала ценить этого мальчишку. Не каждый в его возрасте, просто из желания помочь матери, будет возиться с сестрой и делать всякую нудную работу по дому, не возражая и не капризничая.

Приготовив обед, я попросила Линка найти мне извозчика, и пока он бегал, обратила внимание на то, что игрушки Эжен какие-то слишком уж убогие. В загончике на соломе лежал толстый крестьянский коврик, на котором она сидела, и валялись несколько странной формы деревяшек. Одна из них, слегка обточенная с двух концов, имела на себе нарисованное лицо и две нарисованные же по бокам косички. Я догадалась, что это была кукла.

Девочка что-то тихо бормотала себе под нос, практически не требуя внимания. И это тоже казалось мне неправильным.

Вошёл Линк:

— Извозчик ждёт тебя, Элен.

Я отправилась в контору законника. В этот раз секретарь кёрста Форшера встретил меня гораздо более приветливо. Сам кёрст был занят, и чтобы я не скучала, он предложил мне несколько журналов — скрасить ожидание.

Я с любопытством рассматривала чёрно-белые рисунки-гравюры. Судя по картинкам, в этом мире примерно конец восемнадцатого века — я, разумеется, не слишком хорошо помнила земную историю тех времён, но наличие газового освещения и примитивный паровоз, изображённый на одной из страничек, отчётливо объяснял мне, в каком мире я буду жить.

Даже успела подумать, что всё не так и плохо. По крайней мере, это не средневековье с его чумными и оспенными поветриями. Можно

сказать, что мне почти повезло.

Наконец, кёрст Форшер освободился — из его кабинета выплыла роскошно одетая дородная дама, утирающая слёзы крошечным носовым платочком. Секретарь вскочил, за локоток проводил её к креслу и, бесконечно расшаркиваясь и извиняясь, исчез в кабинете мэтра. Через минуту он вернулся и распахнул двери для меня.

Новости были разные. Как хорошие, так и плохие. К хорошим можно отнести то, что у детей нашлась родственница. К очень хорошей — то, что, по предварительной оценке, стоимость участка земли с домом должна покрыть все долги.

— Вы же знаете, кёрста Элен, оказывается, ваш батюшка уже не единожды получал предложения о продаже дома. Не знаете? Ну, бывает, бывает... Так вот, оценщики, в общем-то, знают, о какой сумме может идти речь. Поэтому мне и не составило труда навести справки. Скорее всего, у вас даже останется на руках небольшая сумма. Ну, разумеется, не у вас, а у вашего опекуна. Уже завтра вы можете переезжать в дом кёрсты Эгреж.

— Кто такая кёрста Эгреж?

— Это двоюродная сестра вашего отца по линии его матери.

Я на минуту задумалась. Получается, что эта самая кёрста, готовая принять под свой кров трёх сирот, ни разу не поинтересовалась, как живёт её бабушка. Более того, почтить своим присутствием её похороны тоже не сочла нужным. Конечно, в семье могут быть очень разные отношения, но всё же это странно.

К плохим новостям относилось то, что я должна была жить под её же опекой до двадцати двух лет. Иначе — никак. Немного подумав, я решила согласиться на этот вариант. Идти мне особенно некуда, а пристроив детей я развяжу себе руки. А там уже видно будет, чем заняться и на что жить.

— Укладывайтесь, к вечеру почтенная кёрста пришлёт за вами коляску, а я пока займусь оформлением документов. Думаю, за пару недель я управлюсь.

Договорившись с кёрстом Форшером, что завтра он пришлёт оценщиков, а я потрачу день на упаковку вещей и к вечеру переберусь в дом кёрсты Эгреж, отправилась домой.

По дороге я заехала в два магазина — надо было докупить продуктов и приобрести хоть пару человеческих игрушек для Эжен.

Даже у Грея всегда был полный набор игрушек в виде косточек и мячиков, а тут ребёнок играет жуткими чурбаками.

Признаться, игрушки меня слегка разочаровали. Были, конечно, и очень красивые куклы, но стоимость их была так велика, что я только вздохнула. Лавку с детским добром я осмотрела сверху донизу несколько раз и, наконец, выбрала то, что меня устроило.

Дома всё было тихо. Забрав у меня в дверях корзину, мальчик потащил её в дом. Перемазанная джемом Эжен уснула на своём половичке, а Линк успел подмести кухню и натаскать воды. Я была приятно поражена его трудолюбием, кроме «спасибо» отблагодарить его мне было нечем — просто не додумалась купить что-то ему. Зато игрушки для сестры привели его в полный восторг.

— Элен, это что, правда для неё?! — он кивнул на спящую сестрёнку.

На самом деле, игрушки, которые я купила для малышки, были достаточно простыми — небольшой грубоватый медведь, сшитый из обрезков коричневого сукна и набитый чем-то вроде опилок, деревянный, ярко раскрашенный петушок и тряпичный мячик из четырёх клиньев разного цвета.

Посмотрев на лицо мальчика, я была просто поражена — он смотрел на эти довольно жалкие игрушки с восхищением и даже не вынимал их из корзины — боялся дотронуться. В его глазах это был просто верх великолепия.

Я испытывала очень странные чувства, глядя на Линка. Умный, преданный матери и сестре, заботливый — таким ребёнком мог бы гордиться любой отец. Эта жизнь явно была несправедлива к малышке. Выложив все новости, я сказала:

— Завтра с утра придут оценщики. Если ты помнишь, в кабинете отца есть книжный шкаф, неплохая мебель, вазочки и прочая ерунда. Когда дом продадут и мы расплатимся со всеми долгами, деньги за всё это барахло будут совсем не лишние.

Линк слушал меня молча и очень внимательно, но как-то настороженно. Похоже, ничего хорошего от жизни он не ждал.

— А какая она, кёрста Эгреж?

— Понятия не имею, но завтра мы уложим вещи и переберёмся в её дом. Выбора у нас всё равно нет. А сейчас давай обедать.

Укладывать вещи я начала с вечера, оставив Эжен охать и лепетать над новыми игрушками под присмотром брата. Линк показал мне комнатёнку в полуподвальном этаже, где раньше жили слуги, а потом поселился он с матерью и Эжен. Именно там я и обнаружила два составленных вдоль стены небольших сундука, на которых было устроено спальное место мальчика.

Задыхаясь от тяжести, мы вдвоем подняли эти сундуки в комнату, оставив ненадолго малышку в обществе сладкого пирожка и новых игрушек.

То жалкое тряпьё, которым до половины был набит один из них, я просто вывалила на узенькую койку, где раньше, похоже, спала мать Линка вместе с малышкой — носить эти лохмотья мальчик и его сестра больше не будут. На первое время хватит той одежды, что закупила я, а потом пусть об этом заботится опекун.

В один из сундуков я сложила всю новую одежду и те самые каменные фигурки, которые нашла в кабинете папаши. Во второй завтра я сложу плед, одеяла и подушки — эти вещи хорошего качества и могут нам ещё пригодиться. Осмотрела наш жалкий багаж, вздохнула и села разбирать бумаги главы семейства.

Ничего особо интересного там не было, кроме одной небольшой пачки деловых писем. Судя по этим бумажкам, у кёрста оставались во владении два небольших дома в черте города, которые он сдавал в аренду. Очевидно, это был последний источник дохода. Из договоров на аренду я поняла, что один дом приносил ему восемь фанков ежемесячно, а второй — целых десять фанков. Деньги, конечно, не слишком большие.

Эти письма меня очень обрадовали — дети не останутся совсем нищими, у них есть пусть и небольшой, но стабильный источник дохода, поэтому опекун сможет откладывать хотя бы по паре фанков в месяц на их будущее. Эти документы я упаковала вместе с одеждой — отдам их кёрсте Эгреж.

На следующее утро, прямо во время нашего завтрака, в дом явились присланные кёрстом Форшером оценщики — нагловатый трок в лоснящемся поношенном костюме и трое носильщиков, одетых, как рабочие. Я отвела их в кабинет отца и разрешила осматривать все комнаты и собирать всё, что годится на продажу. Запаковала наши

сундуки — их снесли на кухню, где мы остались дожидаться повозки от опекуниши.

После обеда, когда оценщики уже ушли, к дому подъехала громоздкая карета. Из неё вышла худощавая пожилая женщина с несколько рыбьим лицом и жиденькими седыми прядками, выбивающимися из-под неуклюжей суконной шляпки. Она представилась компаньонкой кёрсты Эгреж — трок Матон.

— Собирайтесь быстрее, — недовольным тоном сказала она, — Кёрста Эгреж не любит ждать, а мы можем опоздать к ужину!

Пока Линк одевался, я помогла закутать Эжен, а кучер, кряхтя, вынес наши сундуки. Внутри кареты истошно пахло тяжёлыми сладкими духами, тёмно-коричневые практичные подушки благоухали так, что у меня почти мгновенно разболелась голова. Притихшие, несколько напуганные дети молча сидели рядом со мной. Эжен крепко прижимала к груди так понравившегося ей медведя.

По пути мы заехали в контору законника, и я передала секретарю ключи от дома — больше мы туда не вернёмся.

Ехали долго — жила кёрста на другом краю города. Лёгкие сумерки уже опустились, но даже они не мешали рассмотреть наше новое место жительства — четырёхэтажный особняк с двумя подъездами.

Большие окна с ярким освещением и дорогими шторами, высокие крылечки с мраморными чёрными вазонами, добротные дубовые двери и ярко начищенные узорчатые ручки. Дорого. Солидно. В подъезде нас с поклоном встретил величественный швейцар.

— Этот дом принадлежит кёрсте Эгреж! — с немалой гордостью в голосе произнесла трок Матон.

Мы с Линком взяли Эжен за руки и все вместе начали подниматься по широкой лестнице. На каждом этаже было только по одной двери. Между вторым и третьим Эжен захныкала — пришлось взять её на руки — подниматься малышке было слишком тяжело.

Пыхтя от непривычного груза, я дотащила её до четвёртого этажа. В распахнутых дверях нас уже ждала горничная в белоснежном переднике.

Глава 10

Горничная помогла нам раздеться, унесла накидки и пальто в гардеробную.

Трок Матон, велев нам ждать, растворилась где-то за дверью одной из комнат, а горничная, вынырнувшая из гардеробной, почтительно поклонилась и, приговаривая: «Прошу, кёрста, следовать за мной», поспешила провести нас мимо роскошного широкого коридора через большую ярко освещённую кухню со множеством блестящих медных сковородок, сотейников и кастрюль, где в поте лица трудилась пышнотелая повариха с двумя молодыми помощницами, и, в конце концов, вывела нас на чёрную лестницу.

С левой и правой стороны площадки располагалось по три двери. В центре уже стояли два наших сундучка с вещами. Очевидно, кучер занёс их по лестнице для прислуги.

На площадке весьма ощутимо пахло тухлятиной и гнилью, и я вдруг вспомнила один из романов Эмиля Золя, где упоминалась ленивая прислуга, выплёскивающая помой прямо на лестницу. Неужели в этом богатом доме тоже делают так?! Горничная шагнула влево и открыла одну из трёх дверей.

— Прошу вас, кёрста, проходите.

Я с недоумением оглядела дурно побелённую коморку без окна. Возможно, раньше здесь была кладовка. Теперь же, напротив входа, к стене, покрытой сероватой, разбухшей извёсткой, прислонилась узкая кровать.

Ещё из мебели наблюдался потёртый венский стул и маленькая полка, прибитая у изголовья. На полке, в жестяном подсвечнике со сломанной ручкой, торчал огарок свечи, рядом лежала потёртая толстая книга и коробок спичек. В комнате даже негде было поставить сундук с одеждой — так она была мала.

В полном шоке я смотрела на это нищенское убежище, а горничная, между тем, открыла две соседние двери и слегка подтолкнула детей в спину — каждого к своей комнате. Их спальни один в один напоминали мою, разница была только в том, что в

крайней клетушке, где собирались разместить Эжен, высоко под потолком было некое подобие крошечной форточки.

Все ещё не решаясь войти, мы стояли под нетерпеливым взглядом горничной, когда дверь кухни вдруг распахнулась и оттуда вышла трок Матон. Ехидная ухмылка тронула её узкие губы и чуть скрипучим голосом она спросила:

— Ну, и чего вы ожидаете? Кёрста Эгреж уже садится ужинать и желает вас видеть, так что поторапливайтесь!

— Трок Матон, я не понимаю, куда мы можем поставить наши вещи.

Ответ трок Матон чётко объяснил мне, что лёгкой жизнь в этом доме не будет:

— Нищим подкидышам не пристало капризничать! — её рыбы глаза торжествующе блеснули, — Вы должны быть благодарны кёрст Эгреж за приют!

Мы беспомощно переглянулись с Линком, наконец, я сообразила.

— Линк, помоги мне, пожалуйста, — я показала глазами на сундуки.

Надрываясь и пыхтя, мы вдвинули один из сундуков в мою комнату, а второй в комнату Линка. Эжен всё это время стояла в дверях своей клетушки, сумрачно разглядывая нас и прижимая к себе мишку. С сомнением покосившись на малышку, трок Матон обратилась к горничной:

— Тарма, побудь с этой, — она кивнула головой в сторону девочки, — пока кёрст Эгреж будет беседовать с ними.

Никого из нас эта сушёная вобла не называла по имени. Как будто боялась осквернить свой язык чем-то непристойным. Видно было, что эту приживалку радует, что в доме появился кто-то ещё более бесправный, чем она.

Под предводительством трок Матон мы с Линком прошли кухню, вошли в тот самый роскошный коридор и двинулись к одной из комнат где-то в центре квартиры. Вобла распахнула дверь и почти торжественно произнесла:

— Кёрста Эгреж, сироты прибыли! — затем посторонилась и дала нам пройти.

В большом зале, ярко освещённом несколькими настенными бра, за столом, покрытым белоснежной скатертью и блистающим

хрусталём, начищенным серебром и тонким фарфором, в гордом одиночестве сидела миловидная женщина лет пятидесяти.

Лоб её, так же, как и наши, пересекала чёрная траурная повязка. Седые волосы, завитые в аккуратные букли, обрамляли приятное округлое лицо. Женщина была полновата, а потому морщин на чуть лоснящейся коже почти не было.

Одетая в достаточно роскошное платье из тёмно-фиолетового бархата с чёрными кружевами, она выглядела, как олицетворение благопристойности и роскоши. Судя по всему, именно она являлась сердцем этого гадюшника.

Милостиво улыбнувшись трок Матон и чуть щуря глаза, кёрста молча рассматривала нас. Своей компаньонке она, кстати, тоже сесть не предложила. Молчание затягивалось, и я прямо чувствовала, как всё более неловким становится наше положение, как Линк теряет последние капельки надежды.

Я же, как ни странно, осталась совершенно спокойна. После того, как увидела убогие комнатёнки, где нам предстояло жить, я уже начала догадываться, что ждёт нас при встрече с опекушкой, поэтому на меня эта сцена особого впечатления не произвела.

Напротив, как и всегда в какие-то неприятные моменты жизни я мысленно плотнее прижала к лицу «Маску силы» и совершенно спокойно посмотрела в глаза этой гадине — я её не боялась.

Брови кёрсты поползли вверх. Она, ни слова не говоря, наколола на вилку кусочек жареного картофеля, положила в рот и принялась медленно жевать. Чем-то она неуловимо напоминала мне хозяйку собачьего питомника.

Молчание всё длилось, кёрста ела, неторопливо, тщательно пережёвывая сперва ростбиф с картофелем, потом — поданное горничной рыбное филе в кляре, затем последовал какой-то десерт...

А мы продолжали стоять и смотреть на мернодвигающуюся челюсть. Наконец, очевидно, сполна насладившись нашим унижением, она заговорила приятным мягким голосом:

— В моём доме я не потерплю распушенности и лени. Раз уж я из милости взяла вас сюда, каждый из вас будет иметь свои обязанности и неукоснительно выполнять их, — она приятно улынулась, наслаждаясь ситуацией, — Надеюсь, дурная кровь вашей матери не успела вас испортить окончательно! Поскольку Господь, — та

трогательно возвела глаза к потолку и «перекрестилась», касаясь бровей и губ, — возложил на меня это бремя, я постараюсь нести его с честью, но за лень и непочтительность буду строго наказывать!

За нашей спиной угодливо захихикала трок Матон. Голос её при обращении к хозяйке совершенно менялся, становился приторно сладким и каким-то присюсюкивающим:

— Думаю, кёрста Эгреж, к наказаниям вам придётся прибегать частенько-с!

Наше мнение кёрст совершенно не интересовало и, ласково улыбнувшись своей компаньонке, она милостивым кивком завершила аудиенцию:

— Ступайте, устраивайтесь. Завтра трок Матон передаст вам мои распоряжения.

Трок Матон нетерпеливо, от желания угодить хозяйке, подталкивала нас в спины, выставляя за дверь. Сама она осталась в комнате кёрст. Через коридор и кухню мы вернулись к нашим клетушкам.

Горничная, кивнув, торопливо сбежала. Линк был сильно подавлен и только малышка Эжен, завидев его, неуклюже проковыляла через площадку, чтобы вцепиться в руку — похоже, так она чувствовала себя надежнее.

Мне нужно было несколько минут, чтобы всё обдумать. Я прекрасно понимала, что ни за какие блага мира не останусь в доме этой высокомерной дряни. В конце концов, я могла плюнуть и на титул кёрсты, и на всё остальное. Уверена, как хорошая швея и портниха на кусок хлеба я себе заработаю.

Однако то, что мне придётся бросить Линка в этом доме, почему-то казалось предательством. Я колебалась...

Я открыла свой сундук и достала небольшой свёрток с едой, который сунула перед выездом на всякий случай. В нём был хлеб, мясо и сыр — все продукты я нарезала ещё дома.

— Линк, будь добр, покорми малышку и уложи её поспать.

Он тоскливо посмотрел на меня, покорно кивнул головой и, чуть сутулясь и шаркая ногами, как старик, повёл сестру в её клетку. Я вошла в свою и захлопнула дверь. Почти в полной темноте с трудом протиснулась мимо сундука к полке, нашарила спички и зажгла

свечной огарок. Села на скрипнувший стул и выдохнула. Пока ещё в голове не было чёткого плана.

Не знаю, сколько я так просидела, но очнулась тогда, когда кто-то робко постучал в дверь. Разумеется, это был Линк. Я кивнула ему и указала на кровать:

— Садись.

Неловко, бочком, он сел в изножии узкой кровати, коленками упираясь в сундук. Свеча трещала, периодически вспыхивая чуть ярче, и по бледному лицу Линка с опущенными глазами метались странные тени.

Мы оба думали каждый о своём и молчание в комнате становилось тягостным. Вдруг он как-то вздрогнул, поднял на меня взгляд и очень по-взрослому спросил:

— Как же мы будем здесь жить, Элен?!

В его голосе прозвучало столько боли и отчаяния, что решение я приняла мгновенно:

— Никак, Линк.

— Ты бросишь нас?!

Я удивлённо хмыкнула — мальчик оказался умнее и наблюдательнее, чем я думала.

Глава 11

На вопрос Линка я не ответила ничего — мне не хотелось давать опрометчивых обещаний. Я все еще колебалась...

Вечером, побоявшись задохнуться, оставила небольшую щёлку и не закрыла дверь. Рано утром ко мне в комнату заявила трок Матон:

— Сколько можно валяться! Буди своих этих... — она небрежно кивнула в сторону комнат Линка и Эжен, — Пора встать на утреннюю молитву.

Спала я отвратительно, мерзкие запахи лестницы осели на коже липким ночным потом, болела голова. Времени умыться она нам не дала, я даже не успела расчесаться — эта зараза стояла у нас над душой и, не обращая внимания на хныканье невыспавшейся Эжен, скрипучим голосом читала нотацию:

— Вы должны быть счастливы, что такая замечательная родственница, как кёрст Эгреж, согласилась заботиться о вас! Надеюсь, в этом благочестивом доме и ваши привычки изменятся. Здесь вы получите представление о нормах морали и приличиях! Мальчик, — она нервно потёрла виски, — угомони свою сестрицу! От её нытья у меня сейчас начнётся мигрень!

Эжен действительно хныкала, не переставая — она ещё не привыкла к этой обстановке и чужим людям, возможно, малышку пугал и неприятный голос самой трок Матон, поэтому я сочла нужным вмешаться:

— Трок Матон, девочка ещё слишком маленькая. Пусть она останется в комнате вместе с братом, не стоит её вести на молитву.

Спокойно выслушав от трок лекцию на тему о том, что забота об Эжен — это моё дело, что молиться в этом доме должны все, потому что безбожникам уготовано место в безводных песках ада, что я прикладываю слишком мало усилий для того, чтобы понравиться благодетельнице и она, трок Матон, так и думала, что толку с нас не будет.

Этот словесный поток вызвал у меня раздражение, но связываться и спорить я не стала, подхватила на руки заспанную, капризничающую малышку и сунула ей в руки последний пирожок с джемом.

Затем мы гуськом последовали за трок Матон в небольшую комнату, где прямо на стене, как фреска, было изображение местного божества и парочки святых. По углам стояли две высоких жирандоли на пять свечей каждая. За окном комнаты было ещё совсем темно, я даже не представляла, сколько сейчас времени, понятно было только, что это раннее-раннее утро.

Вся домашняя прислуга уже находилась там и было их достаточно много — больше десяти человек. Хмурые, невыспавшиеся лица, молодая девушка в форме горничной, трущая глаза, зевающая повариха и у всех общее состояние усталости и раздражения.

Самой кёрст Эгреж в комнате не наблюдалось. Или она молилась отдельно, или же, что казалось мне более вероятным, до сих пор сладко почивала.

Тот самый швейцар, что вчера нас встречал в подъезде дома, басовитым голосом начал читать по книге какую-то молитву. Слуги вовремя крестились, но мне казалось, что каждый думает о своём и воспринимает эту молитву, скорее, как нудную обязанность, чем как момент общения с Богом.

Трок Матон, удобно устроившись на единственном стуле, наблюдала за этой пародией на молитву с каким-то извращённым удовольствием, периодически она делала замечания людям, не стесняясь прерывать швейцара:

— Борна, я всё вижу! Молись усерднее или тебе придётся искать другое место. И ты знаешь, что хорошую рекомендацию не получишь!

У меня сильно затекли руки и отнималась поясница — девочка уснула, положив мне голову на плечо. Я терпела только потому, что, в общем-то, почти всё для себя уже решила.

После молитвы на кухне был накрыт завтрак. Швейцар только зашёл в помещение и, прихватив с собой маленькую корзинку, очевидно, с едой, тут же исчез.

Ещё одна горничная, с трудом подняв поднос, где на фарфоровой тарелке ещё шипела большая яичница, стояла вазочка со взбитыми сливками, креманка с джемом и хлебница с очаровательными пышными булочками, исчезла в дверях. Как я поняла, это был завтрак трок Матон. Через минуту она вернулась и, забрав с собой свежесваренный чай, исчезла вновь.

Не знаю, где завтракали другие слуги. За стол уселась я с детьми, три горничные, ещё одна пожилая женщина — бог знает какие обязанности она выполняла — и достаточно крепкий лакей. Повариха накрывала на стол, но с нами не садилась.

Подали серый хлеб, кашу-размазню на воде и дали по одному варёному яйцу. Чайный напиток был хоть и горячий, но настолько жидкий, что почти не имел вкуса. Порции были большими, грех жаловаться. От такой еды не умрёшь с голоду, но и удовольствия не получишь. Малышка Эжен отказалась от каши и Линк почистил ей яйцо. Я ела молча — мне нужны были силы.

Сразу после нашего завтрака за стол посадили другую партию слуг, а нас горничная отвела к трок Матон. Комната компаньонки находилась рядом с кухней и была пусть не шикарной, но достаточно удобно меблированной.

Уютно потрескивал камин, трок с важным видом сидела в кресле и тянула паузу, очередной раз давая понять нам, что мы никто и звать нас никак. Наконец, решив, что мы всё осознали, она заговорила:

— У каждого, кто живет в этом благочестивом доме, есть ряд собственных обязанностей. Будут таковые и у вас. Конечно, со временем кёрст Эгреж может изменить их, разумеется, если вы будете достаточно любезны и расторопны. Днём у вас будет урок Слова Божьего, обязательно поблагодарите кёрст Эгреж за проявленную заботу! Пока же ты, — она кивнула на меня, — будешь помогать горничным.

Последовала многозначительная пауза.

— Разумеется, никто не станет заставлять кёрст, даже нищую, — она презрительно хмыкнула, — мыть полы и чистить камин, но как всякая девица благородного происхождения, ты должна хоть немного владеть иглой, так что вполне справишься с простой работой вроде штопки чулок и ремонта белья. Заодно и за ребёнком присмотришь. Тебе же, — она обратила свой взор на Линка, — найти приличную работу сложнее, но и бездельничать никто не позволит! — трок Матон со значительным лицом вздела палец к потолку, — Безделье развращает душу! Но в приличном доме часто бывает необходимость докупить какую-нибудь мелочь в лавочке, отнести письмо или записку знакомым кёрст Эгреж и разные другие мелкие поручения. Думаю, что с ними справишься даже ты. А теперь ступайте!

За дверями комнаты меня уже ждала старшая горничная, женщина средних лет с невыразительным лицом и тусклым голосом.

— Зовут меня Грута, пойдёмте, кёрст, я покажу, где вы работать будете.

Поскольку Линку никто никаких указаний не дал, он отправился вместе со мной. По чёрной лестнице мы спустились на первый этаж, а потом ещё ниже. В полуподвале, холодном и сыром, была устроена прачечная. Там возились две дородные тётки с красными, распухшими руками.

Рядом находилась небольшая комнатёнка, освещённая узким, но длинным окном под самым потолком. Здесь гладили бельё, стоял большой стол с тремя утюгами разного размера, на некоем подобии козел лежали аккуратные стопки глаженного белья и небрежной кучей то, которое ещё предстоит гладить.

Прямо под окном, рядом с шатким стулом, находился небольшой столик. Грута открыла коробку, украшавшую собой этот стол, и показала мне на кучу катушек, клубочков и мотков ниток разных расцветок. Там же находились ножницы и маленькая подушечка с десятком игл разного размера.

— Вот тут вот всё нужное и найдёте, кёрста, а бельё до глажки нужно проверить и все дырки заштопать. Ну, сами разберётесь, — с этими словами она исчезла за дверью. Малышка Эжен снова захныкала.

Я посмотрела на Линка и сказала:

— Мне нужно уехать по делам. Побудешь пока с сестрой?

Линк молча кивнул головой, не глядя мне в глаза. Я не слишком хорошо представляла, где удобнее и безопаснее оставить детей — здесь или отвести в комнаты? Но пока я размышляла, Линк, что-то всё это время обдумывавший, посмотрел мне в глаза тоскливым взглядом побитой собаки и очень тихо спросил:

— Ты уйдёшь насовсем?

Даже в той жизни не все мои решения были верными, но всегда — быстрыми. И, решив что-то один раз, я никогда не жалела о своём выборе. Что сделано, то сделано!

— Нет! Мы уйдём все вместе и прямо сейчас.

Несколько секунд Линк соображал, потом глаза его почему-то налились слезами, но он не заплакал, а, судорожно вздохнув, упрямо

сжал челюсти и яростно закивал головой.

Я подхватила малышку Эжен на руки и скомандовала Линку:

— Пойдём!

Привела его к нашим клетушкам и велела одеть Эжен. Наша с ним верхняя одежда осталась в гардеробной, но платок, в который кутали девочку, так же, как и уличная её обувь, был здесь.

Сама я отправилась к себе, открыла сундук и, порывшись, вынула два свёртка. Один, маленький, содержал все наши деньги, во втором, чуть побольше, лежали те письма от арендаторов, что я нашла в бумагах отца. Все остальные вещи были не так уж важны.

Гардеробную никто не охранял, но на пути туда нам встретилась горничная. Похоже, она и донесла трок Матон о том, что «нахлебники» бездельничают. Мы уже почти оделись, когда в дверях гардеробной появилась компаньонка и возмущённым голосом начала задавать вопросы.

Поскольку никто не поторопился ей ответить, она решительно схватила Линка за ухо и раздражённым тоном закричала:

— Когда тебя спрашивают, маленький мерзавец, ты обязан ответить!

Состояние тихого бешенства, в котором я пребывала почти всё время, что мы находились в этом доме, вылилось в то, что я потеряла над собой контроль. И пусть наши весовые категории не были равны, злость придала мне сил. Коротким мощным толчком я прижала тётку к двери гардеробной и, глядя ей в глаза, почти по-змеиному прошипела:

— Мы уходим. Будьте так любезны, прикажите спустить наш багаж вниз.

Думаю, трок Матон никогда не сталкивалась с таким видом прямой агрессии. Голос её звучал растерянно, почти жалобно:

— А что... А куда... — наконец, она собралась с мыслями: — А что я скажу кёрст Эгреж?!

— Скажите, что мы не нуждаемся в её благодеяниях.

Задержать нас она не пыталась, но ещё до нашего выхода из квартиры исчезла где-то в комнатах — побежала докладывать. Мне, признаться, на всё это было ровным счётом наплевать. Формально кёрст Эгреж ещё не являлась нашим опекуном — кёрст Форшер обещал оформить документы в течение двух недель.

Глава 12

Моё решение, пожалуй, даже нельзя было назвать спонтанным. Хотя первые дни в этом мире я совершенно не собиралась заботиться о детях, рассчитывая пробиваться одна, так же, как и в прошлой жизни, но сейчас чётко понимала: эти дети для меня — как те самые щенки, я просто не могу их бросить второй раз.

Каждый наш поступок и каждое наше решение накладывает отпечаток на всю дальнейшую жизнь. Иногда почти незаметный, а иногда сильно влияющий на неё. Я не могла объяснить даже себе, почему гибель тех двух щенков, оставшихся в ведре, вспоминалась мне, пусть и не слишком часто, всю мою земную жизнь.

Почему я считала себя, хоть и частично, виноватой в их гибели? Не я же тогда создала эту чудовищную ситуацию! Тем более, что сейчас были даже не щенки, а дети, и сложность положения усиливалась многократно. Но я просто не могла предать их. Не могла, хоть убей...

Ждать, пока нам вынесут наши сундуки, я не стала, забрать их можно будет в любое время. От подъезда дома мы добрались до тротуара, я осталась с Эжен, а Линк побежал ловить извозчика.

Уже рассвело, но людей на улице было ещё очень мало и, в основном, это был рабочий люд — горничные с корзинами продуктов, молочница с тележкой, спешащие куда-то, похоже, на работу, просто одетые мужчины. На нас никто не обращал внимания.

Извозчику я приказала ехать к конторе кёрста Форшера. Возможно, разумнее было бы снять номер в недорогой гостинице и оставить детей там, но я не была уверена, что это возможно без документов. А привлекать внимание властей к нашей троице мне совсем не хотелось.

Если вычеркнуть это отвратительное утро из памяти, то день можно назвать одним из самых удачных в нашей жизни.

Кёрста Форшера ещё не было в конторе, зато подъезд не был запёрт, и мы втроём дождались его появления на ступеньках лестницы. Выслушав мой короткий рассказ, кёрст в некотором сомнении посмотрел на меня и спросил:

— Вы понимаете, кёрста Элен, какую обузу берёте на себя?

— Понимаю, — вздохнула я, — Но и жить шесть лет прислугой, и позволить обижать детей я не могу, — я протянула законнику пакет с письмами арендаторов, — Будьте добры, кёрст Форшер, разберитесь ещё и с этими бумагами.

В это время подошёл секретарь кёрста Форшера и, выслушав краткие инструкции мэтра, отвёз нас в гостиницу, не самую дорогую, но и не совсем убогую. Заказав детям в номер завтрак, я оставила Линка с сестрой и в сопровождении молчаливого и любезного секретаря вернулась в контору.

Ничего слишком уж хорошего кёрст Форшер мне не сказал, но обещал отправить людей и разобраться с этой арендой.

— Очень плохо, кёрста Элен, что нет документов на эту собственность. Арендные письма лишь косвенно подтверждают ваше право на эти дома. Завещание вашего отца так и не найдено, а посему могут возникнуть проблемы.

Потом он слегка нахмурился и добавил:

— За свою долгую практику я несколько раз сталкивался с тем, что завещание оставляли на хранение не у законников, а в каких-нибудь закрытых местах. Раз уж вы не нашли его в своём доме и ни один из законников вашего района не хранит его, а я проверил это тщательно, возможно, в одном из этих домов за вашим батюшкой закреплена комната, которой он пользовался?

На секунду я впала в ступор от этой витиеватой речи, мне показалось довольно дурацкой идея хранить документы не в своём доме, а в том, который сдаёшь в аренду, но, поскольку я слишком мало знала об этом мире, я согласно кивнула головой и уточнила:

— Вы думаете, кёрст Форшер, мне стоит туда съездить?

Кёрст чуть нахмурился, тяжело вздохнул и сказал:

— Одной? Ни в коем случае! Вы слишком юны и, на данный момент, по закону даже не наследница. Тут всё слишком спорно.

— Но что же делать?

— К окончанию моего рабочего дня возвращайтесь сюда, кёрста Элен. Это, конечно, не слишком законно! — он лукаво улыбнулся, — но мы постараемся не нарушать слишком сильно.

— Наши вещи...

— Не волнуйтесь, я пошлю за ними к кёрсте Эгреж, днём их доставят к вам в гостиницу.

Когда я вернулась к детям, то застала рыдающую Эжен и растерянного Линка.

— Что случилось?!

Эжен, захлёбываясь рыданиями и размахивая маленькими ручками, что-то лепетала и пыталась мне объяснить:

— Ми-еть! Ми-еть!

У неё было зарёванное лицо, по белой коже цвели красные пятна, и она явно была чем-то расстроена. Я растерянно глянула на Линка. Он чуть устало пожал плечами и нехотя пояснил:

— Медведь. Мы забыли в том доме...

Я слабо представляла себе, что делать с детской истерикой. Сделать вид, что не замечаю? Поругать её? Строго сказать, чтобы успокоилась? Почему-то мне было очень жалко эту рыдающую малышку.

И тогда я придумала. Села прямо на пол, чтобы удобнее было смотреть ей в глаза и тихо, спокойно, монотонным голосом стала рассказывать, что если она сейчас перестанет плакать, то мы умоемся и пойдём купим новую игрушку, а медведя привезут потом.

Не слишком понимаю, правильно ли это было с точки зрения педагогики, но через несколько минут моих уговоров кричать Эжен перестала и всхлипы стали реже. Линк облегчённо вздохнул:

— Она, вообще-то, не капризная и плачет редко! А тут я даже не знал, что делать!

Я встала с пола, осторожно погладила его по плечу и сказала:

— Не думаю, что нам будет просто, Линк, но мы постараемся со всем справиться.

Умыв зарёванную мордашку Эжен, мы оделись и пошли искать недорогую лавку с игрушками.

Вечером, в назначенное время, я дождалась в приёмной, когда мэтр Форшер проводит последнего посетителя.

Его коляска уже стояла у подъезда, и он продиктовал массивному кучеру адрес. Ехали мы не слишком долго и, поскольку было ещё достаточно светло, я с любопытством разглядывала район.

В основном, здесь были небольшие домики на одну семью, в полтора-два этажа. Сами земельные участки были крошечные, но

район достаточно чистый, не для простых работяг. К одному из таких домиков мы и подъехали.

На дверях висел ярко начищенный медный молоточек, и мэтр постучал им по специальной медной пластинке. Дверь открыла чистенькая, симпатичная горничная и, глядя на солидную шубу мэтра, пригласила нас в дом. Через несколько минут ожидания в прихожую вышел хозяин.

Я благоразумно держалась за спиной кёрста Форшера и не лезла в разговор, однако, достаточно быстро поняла, о чём именно спрашивает кёрст. Его интересовало, полностью ли арендуют этот дом.

Выяснив, буквально в течение пары минут, всё, что хотел, мэтр извинился за вторжение, и мы поехали по следующему адресу. Там мы и нашли искомое. Двухэтажный домик имел аккуратный вид и второе, боковое, крылечко.

Горничная, которая открыла нам дверь, выглядела достаточно разбитной и вульгарной. Обладательница пышного бюста и кокетливых улыбок пригласила нас в небольшую прихожую и позвала хозяина. Арендатором этого домика был неприятный пузан с большой плешью, старательно прикрытой жидкими прядями волос и сальным взглядом.

Когда кёрст Форшер представился, заявив, что он является представителем законных наследников, пузан несколько возмущённо заявил, что арендную плату вносит всегда в срок и долгов за ним нет!

— Нас интересует не долги кёрст Пужон. Скажите, арендуете ли вы весь дом или только его часть?

— Во второй половине дома, ну, той, что с отдельным входом, иногда ночевал сам хозяин, — тут кёрст Пужон неприятно ухмыльнулся: — Чаще всего, разумеется, не один! — его ухмылка стала совсем мерзкой.

Вежливо поблагодарив кёрста Пужона за информацию, мэтр провёл меня к боковому крылечку, и в его руках я увидела связку ключей, не ту, которой запирала дом, а ту самую, которую в своё время я лично передала в руки оценщикам, на которой были ключи от кабинета папаши и от его бюро. Нагнувшись и посмотрев на замок, мэтр Форшер безошибочно выбрал один из ключей и легко открыл дверь.

Прихожая была совсем крошечной и грязноватой, слой пыли указывал на то, что здесь никто не живёт постоянно. Самым неприятным был кислотоватый, душный воздух, хранящий запах нечистого тела, едких духов и перегара. Комната, в которую мы вошли, наводила на мысль о дешёвом борделе.

В центре стояла огромная кровать с несвежим бельём и скомканным одеялом. На небольшом столике у окна засохшие остатки ужина на двоих, над которыми назойливо жужжало несколько жирных мух, бордовые атласные портьеры, когда-то дорогие и красивые, были украшены несколькими пятнами и прожжены в двух местах.

В комнате было слишком темно. Я подошла и раздёрнула их, обнажив грязное окно.

Пустые винные бутылки в большом количестве были натканы по углам и катались по полу. В углу стоял дамский туалетный столик, щедро усыпанный то ли пудрой, то ли пылью, с залапанными флаконами и баночками, на красивую резную ширму наброшен роскошный дамский халат, отороченный порванным кружевом.

Самым непонятным мне предметом было огромное передвижное зеркало на колёсиках, стоящее наискосок от кровати. Через минуту я сообразила, зачем оно нужно. Паззл сложился — сюда папенька водил девок, а в зеркало, в процессе, любовался на себя и своих любовниц. Я покраснела и отвела глаза, он, конечно, не мой отец, но мне всё равно было неловко.

Действия мэтра Форшера поразили меня. До этого момента мне он казался этаким пожилым крючкотвором, а здесь, в этой удушливой атмосфере, он словно помолодел и стал напоминать охотящегося пса. С минуту постояв на пороге комнаты, он пошёл вдоль левой стены, по периметру, тщательно осматривая грязноватые обои и простукивая её тростью.

Сейф нашёлся в изголовье кровати. Так же безошибочно подобрав ключ, мэтр Форшер собрал все бумаги, найденные там, передал мне в руки небольшой мешочек с монетами, взятый с верхней полочки сейфа и, брезгливо оглядев комнату, сказал:

— Поехали, кёрста Эжен. Завтра я займусь вашими делами.

Глава 13

Утром я не трогала детей и дала им возможность выспаться, потому завтракать мы сели довольно поздно, около полудня. Я собиралась вывести их на прогулку и хоть немного осмотреть город. Однако, к концу завтрака в номер постучали.

На пороге стоял подросток лет четырнадцати, крепкий и толстощёкий, одетый в зелёный суконный костюм и такую же зелёную шапку с золотистой кокардой. Через плечо у него висела довольно большая кожаная сумка.

Я невольно вспомнила знаменитые строчки: «Кто стучится в дверь ко мне с толстой сумкой на ремне, с цифрой пять на медной бляшке, в синей форменной фуражке? Это он, это он, Ленинградский почтальон». Улыбнулась, глядя на его важное лицо, и дождалась вопроса.

— Кёрста Элен Дюрайн?

— Да.

— Распишитесь.

Мальчишка протянул довольно потрёпанный разлинованный блокнот и слегка обгрызенный карандаш. Я чиркнула какую-то загогулину, надеясь, что это сойдёт за подпись. Мальчишка порылся в сумке и вручил мне небольшой узкий конверт без марок и адреса, зато с восковой печатью.

На конверте каллиграфическим почерком было написано: «Кёрсте Элен Дюрайн, гостиница «Лаундгранд»». Я порылась в кармане и вручила просиявшему почтальону корн. Не знаю, нужно ли было это делать, но мне кажется, что система чаевых существует везде.

В записке мэтр Форшер просил меня навестить его, по возможности, сегодня или завтра, в связи, как он написал: «со вновь открывшимися обстоятельствами дела».

Оставив Эжен на Линка, я отправилась в контору мэтра. Ждать пришлось недолго и, как только очередной посетитель удалился, кёрст принял меня.

— Кёрста Элен, я, признаться, ещё не нашёл времени заняться вашими бумагами, но сегодня утром у меня была посетительница,

которая предъявила мне копию завещания вашего отца.

— Посетительница?! Кто она такая и как узнала о вас?

— В газете «Новости Сент-Тирона» есть раздел, где в обязательном порядке перечисляются все наследственные и опекунские дела и имя законника, который ими занимается.

Мэтр помолчал и, как мне показалось, чуть смущённо продолжил:

— Думаю, кёрст Эжен, что эта женщина, трок Брюкон, ну, как бы это сказать... Это приятельница вашего отца.

Стало ясно, что кёрст Форшер говорит о любовнице папашки, но всё ещё не понятно, зачем он меня вызвал. Мэтр устало потёр виски, вздохнул и положил передо мной лист плотной веленевой бумаги, исписанной крупным и чётким почерком.

— Вот, кёрст Элен, завещание вашего отца. Оно находилось в той же папке, что и документы, подтверждающие собственность на дома. Прошу учесть, что второй экземпляр находится у той самой трок Брюкон.

Я пробежала глазами завещание, а потом прочитала второй раз, более внимательно. Краска залила мне лицо. Даже подыхая, папашка ухитрился напакостить своим детям.

Согласно этой бумажке наследниками его имущества являлись всего два человека. Я, как его старшая дочь, и эта самая девка — Брюкон. О младших детях в завещании не было ни слова!

В общем-то, для меня было не важно, кто именно из его детей был бы назван наследником. В любом случае, достаточно взрослой считалась только я. Но этот козлина оставил своей любовнице один из домов!

Если раньше я думала, что, живя в одном доме и продолжая получать арендную плату за второй, я смогу, пусть не шикаюя, поднять детей, то своим завещанием папенька обеспечил нам полуголодное существование.

Мэтр Форшер сочувственно посапывал в кресле напротив, наблюдая за моим лицом. Мне кажется, что так же, как и я, он испытывал брезгливость и раздражение.

— Если обратиться в суд...?

Мэтр развёл руками:

— Это ничего не даст, кроме скандала и грязи. Завещание составлено по всем правилам и подписи свидетелей на месте.

Несколько мгновений подумав, я сказала:

— Пусть подавится! Кёрст Форшер, сейчас я пойду к детям, а вы, пожалуйста, известите меня, когда будут готовы документы и освободится наш дом, жить в гостинице с нашими доходами — слишком дорого.

Возможно, мэтр ждал от меня какой-то более эмоциональной реакции, может быть — слёз, а может даже и истерики. Однако, в этот раз он встал с кресла и, придерживая под локоть, лично проводил меня до дверей кабинета, приговаривая:

— Вы удивительно сильная девушка, кёрста Элен! Я постараюсь закончить ваше дело в максимально короткие сроки! Сегодня же вечером я посету кёрсту Эгреж и получу её отказ от опеки. Обещаю!

Кёрст Форшер, похоже, действительно задействовал все свои связи и через неделю в его конторе я получила на руки разрешение «старшей в роду». Согласно этой солидной бумаге, я получала все права совершеннолетней гражданки и становилась опекуном Линка и Эжен. Кроме того, вступала во владение своим собственным домом, тем самым, где было любовное гнездышко папаши.

Возможно, таким образом он старался унижить свою жену, даже после собственной смерти давая ей понять, что она в его глазах — ничтожество, не достойное наследства. Никто же не ожидал, что они погибнут одновременно.

Вряд ли папаша так уж беспокоился о старшей дочери, но мне было наплевать на его замыслы. Этот дом был больше и немного дороже, а остальное меня мало волновало. Плюс был ещё и в том, что я смогу сдавать большую часть дома — хоть какие-то деньги.

Вместе со всеми этими документами я получила и расписку о погашении всех долгов. Это была отличная новость — визиты трока Валима мне больше не угрожали! Сверху мэтр положил мешочек с остатком денег и ключи от нашего нового дома. На прощание я попросила у кёрста Форшера несколько советов и с благодарностью расплатилась с ним.

Сумму для оплаты его услуг кёрст назвал столь незначительную, что я удивилась. Я предполагала, что его услуги будут стоить на порядок дороже. На мой вопросительный взгляд кёрст, как будто стесняясь своей доброты, сердито и даже чуть раздражённо ответил:

— Должны же вы хоть иногда встречать порядочных людей! А насчёт ваших вопросов, я всё разузнаю в ближайшее время, обещаю. И напишу вам на новый адрес.

У меня на глаза навернулись слёзы — так неожиданна и приятна была доброта мэтра. Пожалуй, в этом мире он был первым человеком, кто пожелал мне помочь. Мне хотелось обнять сердитого старика, но я не рискнула. Только пролепетала тысячу благодарностей.

Пока возвращалась в «Лаундгранд», к детям, обдумывала, что и как нужно рассказать Линку. Последнее время он меня беспокоил. Несколько раз пытался выпрашивать у меня, что будет происходить в нашей жизни.

Я отмалчивалась не потому, что собиралась делать что-то в тайне, а просто боялась дать беспочвенные надежды. Сейчас же я торопилась в гостиницу, чтобы, наконец-то, поделиться хорошими новостями и снять с него хотя бы часть тяжёлых мыслей о будущем.

Вернулась в номер и, разложив на столе свою «добычу», начала рассказывать Линку, какая бумага что именно значит. Эжен мирно спала на маленькой тахте, а я шёпотом говорила:

— Завтра с утра я пойду убирать эту часть дома, а ты ещё пару дней побудешь с Эжен в номере. Там нужен небольшой ремонт, возможно, придётся прожить здесь ещё несколько дней. Если честно, я видела только одну из комнат. Так что пока не знаю, сколько и чего там есть. Потом мы переедем в новый дом и будем там жить. У нас есть немного денег, кроме того, каждый месяц мы будем получать десять фанков — это аренда за вторую половину дома. Потом, ближе к осени, ты пойдёшь в школу — скоро мэтр Форшер пришлёт письмо, где посоветует, в какую именно.

— А Эжен?

— Эжен ещё слишком мала для школы, поэтому будет оставаться со мной.

Линк помолчал, хмуря светлые брови и думая о чём-то своём, а потом неуверенно спросил:

— Элен, а ты понимаешь, что этих денег слишком мало, чтобы прожить целый месяц? Папа давал маме двенадцать фанков в месяц и нам почти никогда не хватало на дрова.

— Понимаю. Но я думаю, что для Эжен и работы по дому у нас будет горничная. А я смогу немного зарабатывать для того, чтобы мы жили лучше. Больше ты не будешь мёрзнуть и голодать. Никто из нас не будет, обещаю!

— Зарабатывать?!

Кажется, я смогла удивить Линка. Он так таращился на меня, что я засмеялась и ласково потрепала его светлые отросшие волосы. Надо, кстати, будет сводить его к парикмахеру.

— Зарабатывать, Линк. Я немного умею шить и у меня есть несколько идей.

— Элен, ты же кёрста, папа всегда говорил, что кёрстам неприлично работать!

Я вздохнула и принялась объяснять:

— Линк, наша мама готовила, убирала и мыла посуду. Она была кёрст. И она работала. Или ты не считаешь это работой?

Линк несколько смутился, но потом, похоже, решил, что нашёл хороший довод.

— Мама работала только дома. Она же не ходила на работу, как молочница или продавщица! А за мытьё посуды дома никто не заплатит.

— Линк, даже дома можно найти работу, за которую будут платить.

Линка явно одолевали сомнения, однако, возражать он мне не стал, очень по-взрослому вздохнул и сказал:

— Может быть, не надо мне в школу, это дорого...

— Обязательно надо! Иначе вырастешь и станешь, как папа!

От такого довода он окончательно растерялся и ляпнул:

— А что папа? Папа же очень хорошо жил!

Прямо сказать ребёнку, что считаю его папу редкостным козлом, я не могла, потому спросила:

— Ты вырастешь, женишься и заставишь свою жену жить так, как мама? Ты точно хочешь быть похожим на отца?

Линк яростно затряс головой и, похоже, вспомнил, что мамы больше нет. Отвернувшись к стене, он сопел, сдерживая слёзы, а мне было безумно жалко мальчишку. Я подошла и обняла его, крепко прижав к себе и успокаивающе поглаживая по спине, сказала:

— Работать не стыдно, Линк. Стыдно жить, как паразит.

Плечи ребёнка расслабились, и он заревел, а я продолжала поглаживать его и тихонько шептать на ухо:

— Не бойся, всё у нас будет хорошо. Обязательно!

Глава 14

Утром, сразу же после завтрака, я отправилась рассматривать свой новый дом. Мне нужно было прикинуть, что я могу сделать сама, на что нужно будет нанять рабочих и оценить, в какую сумму встанет весь ремонт — можем ли мы вообще себе это позволить.

Доехать до моего дома извозчик не смог — какие-то работяги долбили прямо посреди улицы едва оттаявшую землю у соседнего дома. Пришлось идти пешком, благо, что для прохода они накидали в уличную грязь достаточно широкие доски.

Открыв дверь, я оставила её нараспашку — пусть проветривается. Да и день сегодня был солнечный, так что смогу ходить без свечки.

Окинула взглядом крошечную прихожую. Белёные стены были украшены целой коллекцией разнообразных пятен. Вот тут явно запустили бутылкой — на стене вмятина, желтоватые брызги и потёки вокруг, а вот это пятно — гораздо интереснее по происхождению, такое ощущение, что в стену кинули или пирожное, или кусок жареного мяса — от жира даже побелка отслаивается.

Из четырёх дверей, что были в прихожей, мне была знакома только одна — за ней скрывалась та самая спальня. Узкая грязноватая дверь вправо вела на небольшую кухню — медная раковина, покрытая зеленоватыми пятнами патины и грязью, источала омерзительный запах.

Над раковиной был один единственный кран, я с сомнением посмотрела на него и повернула. Чуть похрипев, водопровод выдал мне приличную струйку холодной воды. Это меня порадовало, даже наличие только холодной воды в доме — уже огромный плюс!

Вдоль стены выстроились в ряд довольно жалкие образцы кухонной мебели — обшарпанный буфет с почти непрозрачными от пыли и нагара стёклами, длинный стол, заваленный грязной посудой. Я с сомнением посмотрела на эту кучу и обнаружила, что одна часть состоит из разрозненного фарфора, а другая — вполне крестьянская керамика, вздохнула — всё это придётся отмывать и разбирать.

Под стол были засунуты три табуретки, на полу постелен домотканый коврик, когда-то, наверное, красивый, а сейчас покрытый

таким слоем земли, что цвет разобрать было невозможно.

Приличный кусок узкой кухни занимала дровяная чугунная плита. Интересно, где можно купить дрова, а главное, где их хранят? Надо посмотреть задний двор дома, может быть, есть какой-то сарай? А пока я вернулась в прихожую, чтобы исследовать, что скрывается за оставшимися двумя дверями.

Однако, минуто поразмыслив, вышла на улицу — надо разобраться с местом для хранения дров. Это очень важно! Тем более, что отапливают каминами, которые так плохо держат тепло. Мёрзнуть дети больше не будут никогда.

Участок перед домом был совсем крошечный — примерно метровой ширины полоса земли вдоль идущей к дверям дорожки. Но, дойдя до входа в дом, дорожка не заканчивалась, а шла дальше, и, завернув за угол, я обнаружила странную решетчатую пристройку к задней части дома.

С трудом открыв неуклюжий заржавевший замок, запиравший хлипкие двери, заглянула. Да, вот здесь и хранятся дрова. Правда сейчас их было совсем мало. Даже не уверена, что нам хватит их на эту весну.

В двух метрах от сарая заканчивался мой участок земли, забор, отгораживающий меня от соседей, был сложен из таких же кирпичей, как и дом. Именно сюда, на этот забор, и выходило окно из той большой комнаты, что папенька использовал под спальню.

Вид, конечно, так себе. Разумеется, в целях экономии клали забор не сплошняком, а пашечкой, но сильно красивее он от этого не стал. Ну, ничего страшного, можно будет посадить какие-нибудь вьюны или кустарники и прикрыть эту убогую ограду. Впрочем, бог весть, когда у меня дойдут до этого руки. Я развернулась и пошла открывать остальные двери.

Одна из них меня искренне порадовала — туалет. Да, без унитаза, да, без душа или ванны, зато в пустом углу есть сток в полу — я безразлично передёрнулась — наполовину забитый чужими волосами.

Генуэзская чаша, вделанная в пол, тоже нуждалась в чистке, но прекрасно уже то, что мне не придётся бегать с горшками — подбадривала я себя. На самом деле, грязь и запустение этого дома производили очень гнетущее впечатление.

Четвёртая дверь неожиданно преподнесла сюрприз — за ней находилась не очередная комната, а узкая тёмная лестница на второй этаж. Слой пыли говорил о том, что ей не пользовались давным-давно.

С некоторой опаской я поставила ногу на скрипнувшую ступеньку и немного потопталась, не рискуя сразу идти дальше. Однако, дерево было хоть и скрипучим, но достаточно крепким.

Вспомнив, где в первый свой визит я видела огарок свечи, прошла в большую комнату, взяла жестяной подсвечник, чиркнула, и появился маленький огонёк.

Стараясь не трогать руками грязные перила, поднялась и обнаружила, что на втором этаже расположены ещё три помещения, два из которых вполне годились под комнаты, а в одном из них, самом маленьком, с форточкой вместо окна, можно будет сделать кладовку. Или, например, спальню для горничной — я до сих пор не была уверена, что справлюсь с хозяйством сама.

Только сперва нужно будет вывезти отсюда целый грузовик хлама! Я окинула взором груды сломанных стульев, непонятных предметов, каких-то ветхих мешков с загадочным содержимым, старых кастрюль, битых горшков и просто тряпья, накиданного на пол.

Хотя, о каких это грузовиках я тут мечтаю?! Мусор на свалку придётся вывозить телегами. И это тоже нужно посчитать. Кроме того, стены на втором этаже были даже не оштукатурены — просто голый кирпич. С этим тоже надо будет что-то решать. Стиль лофт появится в местных интерьерах лет через двести, не раньше. Да и не самый это подходящий стиль для детских комнат.

Да, я взяла детей под опеку, но, во-первых, я совершенно не представляла, как их воспитывают. Во-вторых, если с Линком я могла разговаривать, то его сестры я просто опасалась. Говорить она почти не умеет, объяснить, что ей нужно — не может, зато умеет плакать. Так что мысли мои о совместном существовании рядом с ними были далеко не радужные. Мне, если честно, было страшно.

Не знаю, сколько я простояла на втором этаже, разглядывая эти груды мусора и прикидывая, что будет выгоднее — нанять помощниц и отмыть дом, заплатив им, или пока жить в гостинице и делать всё самой? Гостиница обходилась не так и дёшево. Линк, всё же, слишком мал, чтобы дать совет по найму рабочих.

В голове у меня крутилось слово — поденщица. Из дамских романов я смутно помнила, что это такие работницы, которых нанимают временно, но сколько им платить и как договариваться, не представляла.

От раздумий меня оторвал какой-то стук и мужской голос:

— Почтенные кёрсты, с кем бы я мог поговорить?

Я спустилась в прихожую и при ярком солнечном свете, бьющем в распахнутую дверь, увидела только тёмный громоздкий силуэт. Задула свечу и заметила, что как я не береглась, рукав платья покрыт пылью и прилипшим куском старой паутины. Мне стало неловко.

Не знаю, кто этот гость и чего он хочет, но пригласить его в дом я точно не могу. Подсвечник я поставила прямо на пол, судорожно отряхнула с рукава прилипшую грязь, в два шага пересекла прихожую и вышла на низкое крылечко.

Мужчина под моим напором спустился на ступеньку ниже, и теперь я отчётливо видела, что это молодой человек, не больше двадцати пяти-двадцати семи лет. Из-под элегантного суконного кепи, чем-то напоминающего наши жокейки, над ухом забавно выбивался каштановый вихор.

По одежде я ещё не могла определить, к какому классу принадлежит человек. Кёрст он или трок? А ошибаться мне не хотелось. Ещё раз внимательно осмотрела его с ног до головы. Брюки из хорошей шерстяной ткани, чистые ботинки, значит, приехал, а не пришёл пешком, однако, на нём не шуба или пальто, а что-то напоминающее собой суконную куртку до середины бедра. Вещь аккуратно сшита, да и крой не самый простой, но я так и не определила его социальный статус.

Не сказать, чтобы прямо писанный красавец, но лицо приятное. Чуть неловкая улыбка образовала ямочку на левой щеке. Только одну. Вторая обошлась без такого «украшения». Прямой нос, рыжеватокarie глаза и чуть оттопыренные уши. Он с интересом посмотрел на меня, аккуратно поклонился и сказал:

— Добрый день! Я хотел бы видеть хозяина дома.

— Добрый день! Тогда вам придётся поговорить со мной.

Глава 15

Он так искренне удивился, что я чуть не засмеялась. Секунду помявшись, тот, тем не менее, настойчиво продолжил:

— Простите, юная кёрст, но неужели в доме нет кого-то постарше?

— Почтенный кёрст, никого старше меня в доме нет, и именно я являюсь хозяйкой этого дома.

Его явно что-то смущало в этом заявлении, он мялся и не мог решиться, тогда я добавила:

— Или вы будете разговаривать со мной, или... — я выдержала небольшую паузу: — Простите, но у меня много дел.

Мужчина решился:

— Почтенная кёрста, я являюсь ведущим инженером газовой компании «Гейзер». Нашей фирмой разработана удивительно удобная газовая колонка, которая, если вы только захотите, даст вам возможность пользоваться горячей водой. Она с лёгкостью подогреет воду, бегущую из вашего крана.

— Почтенный кёрст, это, конечно, очень заманчиво, но мой дом отапливается дровами.

Он приподнял свою кепи, вежливо поклонился и сказал:

— Позвольте представиться, Марсель де Лонг, — и вопросительно посмотрел на меня.

Пришлось назваться:

— Элен Дюрайн.

Он ещё раз поклонился, надел кепи и начал заливаться соловьем:

— Кёрста Дюрайн, если вы только захотите! В течение двадцати-двадцати пяти дней наша фирма подведёт газ к вашему дому. Вы просто не представляете, дорогая кёрст, насколько удобнее станет ваша жизнь! Дело даже не в том, что газ — это модно и современно! А в том, что газом можно отапливать и освещать дома, и вы больше никогда не будете возиться с закупкой дров, угля и свечей. Вам достаточно будет просто чиркнуть спичкой, и все удобства будут к вашим услугам!

Я чуть поморщилась, похоже молодой человек принадлежал той сильно нелюбимой мною породе людей, которые продавали пенсионерам неработающие «чудо-утюги», «волшебные» пилюли от всего на свете и «вечные» сковородки, мгновенно прогорающие от контакта с плитой. Парень помялся и добавил:

— Конечно, кёрст, вы можете обратиться к нашим конкурентам. «Вулкан» тоже может провести вам газ. Но! — он с самым серьёзным видом поднял палец вверх, подчёркивая важность своих слов, — Патент на колонку принадлежит мне, а потому «Вулкан» не может сделать вашу жизнь столь же удобной, как, например, мы, — он приподнял кепи и чуть поклонился.

Я задумалась. Сложно проводить аналогии с моим миром, но вообще-то в романах Эмиля Золя и Драйзера встречались такие продавцы, кажется, они назывались коммивояжеры. И изначально, эта работа была вполне уважаемой. Помнится, отец донны Флор у Жоржи Амаду тоже этим занимался. Может быть, стоит расспросить поподробнее? Горячая вода в доме — вещь незаменимая.

Я, если честно, просто не знала, что делать. Пригласить его в дом просто невозможно — слишком отвратительно выглядело то, что внутри. Но молодой человек, похоже, понял мои сомнения и протянул мне белый прямоугольничек визитки, со словами: «Если вы надумаете, кёрста Дюрайн, я буду рад лично составить для вас план».

Он уже собрался было уходить, но тут я решила спросить о самом главном, уточнить, стоит ли мне вообще навещать в эту фирму:

— Скажите, кёрст де Лонг, а сколько будет стоить такое новшество? Ну, хотя бы примерно.

Молодой человек чуть порозовел и начал подробно объяснять, что точную цену я смогу узнать только после составления плана и решения, чего конкретно и сколько в дом понадобится.

— Кёрст де Лонг, мне нужна будет горячая вода на кухне и в ванной и перестройка камина под газовый. Для отопления большой комнаты на первом этаже и двух маленьких — на втором. Это всё.

Мои слова его, похоже, сильно удивили.

— Кёрста Дюрайн, немалую часть стоимости будут составлять газовые рожки. То, чем будет освещаться дом!

— Благодарю за предложение, но мне газовое освещение не нужно.

— Кёрста Дюрайн, но ведь свечи не дадут такого яркого освещения, как газ. В общем-то, освещение — и есть то, из-за чего люди его прокладывают!

Но тут я собиралась стоять насмерть — я совершенно точно знала, что газовое освещение очень вредно. Свечи, конечно, то ещё удовольствие, но, возможно, здесь уже изобрели керосиновые лампы? В любом случае, что угодно, только не газ!

Молодой человек ещё что-то пытался мне доказывать и даже, кажется, был слегка обижен моим нежеланием слушать о прелестях газового освещения, но, в конце концов, поняв, что я не сдамся, назвал мне цифру. Посмотрев на моё ошарашенное лицо, он чуть виновато пожал плечами, несколько смущённо улыбнулся и сказал:

— Увы, кёрста Дюрайн, новинки прогресса всегда очень дороги. Это, конечно, не окончательная цифра, но примерно столько будет стоить газификация дома.

Я закрыла за ним дверь, прошла в комнату, передёрнула плечами — слишком уж мерзко было здесь находиться — и вернулась на кухню. Достала обшарпанную табуретку, села и задумалась. Стук в дверь прервал мои размышления. На пороге вновь стоял Марсель де Лонг, который торопливо мне начал объяснять:

— Понимаете, кёрста Дюрайн, вы можете, например, ставить не две колонки, а только одну, тогда это выйдет несколько дешевле. А если вы позволите мне взглянуть на ваш дом... Иногда газовой печью можно отапливать сразу несколько комнат — это зависит от их расположения. Тогда цена будет ещё немного ниже.

Он вопросительно уставился мне в глаза. Я задумалась. Цену он, конечно, назвал аховую, но ремонт в доме всё равно придётся делать. И будет обидно через год, когда финансовое положение улучшится, снова развозить грязь, а коммивояжер, тем временем, чуть робко улыбнулся и сказал:

— Вы позволите мне взглянуть на ваш дом?

— Нет! — я выкрикнула это так резко, что, смутившись, он вытянул перед собой обе руки ладонями ко мне, показывая, что не настаивает.

— Простите, кёрста Дюрайн, я вовсе не хотел вас задеть или обидеть. И я ни в коем случае не настаиваю...

Мне стало очень неловко за свой вскрик, и я, несколько смущаясь, объяснила ему:

— Понимаете, кёрст де Лонг, я получила этот дом в наследство и зашла в него в первый раз. Он... Понимаете, он просто в ужасном состоянии! Здесь нужен большой ремонт, но пока я не представляю ещё, за что браться!

Немного помолчав, он аккуратно спросил:

— Кёрста Дюрайн, раз уж вы всё равно собираетесь делать ремонт, то, может быть, как раз сейчас-то и есть самое время осмотреть дом? Такие масштабные работы, как проведение газа, лучше делать одновременно с ремонтом — это сэкономит вам не только силы, но и деньги.

Минуту подумав, я мысленно махнула рукой, в конце концов, кто он мне такой, этот парень? Продаст он мне свои газовые колонки и больше мы с ним не увидимся, поэтому я пошире распахнула дверь и решительно сказала:

— Проходите кёрст, если не боитесь испачкаться.

К его чести, надо сказать, увидев бордельное лежбище в комнате, он не позволил себе ни одной кривой ухмылки. Достав из кармана складную рулетку, блокнот и карандаш, он поднялся на чердак, осмотрел комнаты, что-то померял, тщательно записывая каждую цифру, заглянул на кухню и в ванную, покрывая лист колонками записей, и примерно через полчаса, закончив всю эту возню, вынес вердикт:

— Конечно, совсем точно вам назовёт цифру только наш бухгалтер, но если вы настаиваете на отказе от освещения... Значит две колонки — в ванную и на кухню, газовая плита — рекомендую заказать у нашей фирмы, и газовая печь — тут, надо сказать, вам очень повезло, её можно будет провести через все три комнаты... Так вот, это всё обойдётся вам от восьмидесяти до девяносто ферков.

— Это вместе с плитой?

— Да, кёрста Дюрайн, вместе с плитой на четыре конфорки. Ещё она включает в себя и духовку.

Я вздохнула. Сумма, конечно, существенно уменьшилась, но, если учитывать ремонт, то мы рисковали остаться почти без налички. Однако и отказываться совсем я не стала.

— Кёрст де Лонг, я ещё не знаю цену ремонта жилья, поэтому решить что-то сейчас ещё не могу. Как вы понимаете, в финансах я несколько ограничена.

Он чуть поколебался и сказал:

— Если вы ещё не определились с выбором мастеров... В одном здании с нами снимает офис трок Сурж. Он, конечно, человек грубоватый, но отзывы я о нём слышал только хорошие.

Я поблагодарила кёрста де Лонга, проводила его и решила, что хотя бы барахло в комнатах смогу перебрать сама — вдруг найдётся ещё что-то полезное или даже что-то, что можно будет продать.

Судя по озвученным цифрам на газ, сумма на ремонт будет тоже огромная. Напомнив себе знаменитую фразу Матроскина: «Общественный труд в мою пользу — он облагораживает человека!», я отправилась на чердак.

Чихая от пыли и раскладывая по разным кучам тряпьё, дерево, металл и битую керамику, я несколько мрачно утешала себя:

— Надо радоваться, что не в первобытное общество попала! Водопровод вон есть, унитаз есть... И даже поезда... А-а-ап-чхи! Может быть, ещё и чай нормальный найдётся?

Помогало слабо, надо сказать. Зато несколько утешило то, что нашлись два стула с ободранными сидениями, но в остальном — целые. А обивку можно и поменять — какая-никакая, а экономия.

Глава 16

Считала я и прикидывала долго.

Советовалась с Линком — больше было не с кем. Слушая его рассуждения, лишний раз убеждалась в том, что нужно поступать не так, как он советует, а так, как мне казалось правильным. Мальчишке всего двенадцать лет, и он изрядно напуган полуголодным существованием.

Мысль о том, что придётся потратить совершенно бешеную, по его понятиям, сумму на такую вещь, как удобства, его просто ошарашивала. Он привык носить на себе груды тряпья, ночевать в холодной мерзкой неотапливаемой комнатёнке и считал, что главное — когда достаточно еды.

Всё это было вполне понятно и объяснимо, но, даже если продолжать жить так же, рано или поздно деньги всё равно закончатся. В представлении Линка та сумма, что была у нас сейчас на руках — просто гигантская, и её хватит на несколько лет.

В общем-то, в этом Линк был прав. Ведя очень скромное хозяйство, не покупая мясо и экономя на дровах, я вполне могла дорастить детей на эти деньги. Но сама мысль вести такой образ жизни казалась мне очень отвратительной.

Когда-то, в той жизни, именно так я и начинала — экономила каждую копейку, не позволяла себе ничего лишнего и копила деньги на собственное жильё. Однако здесь и сейчас у нас, как ни странно, была гораздо более выигрышная позиция.

У нас в собственности было жилище. Если постараться, можно сделать его комфортным и уютным. Даже после ремонта останется достаточно денег, чтобы прожить ещё год-полтора. Или же, вложив часть их, раскрутить собственное небольшое дело. И это был тот шанс, упускать который я не собиралась. Даже невзирая на то, что к этому плюсу шли два существенных минуса — сам Линк и его сестра.

Мысль о детях по-прежнему тревожила меня. Я всё ещё слабо представляла себе, как буду их воспитывать. Более того, я сама за собой заметила, что непроизвольно скидываю все контакты с Эжен на её брата. Линк кормил её, играл с ней и гулял, сажал на горшок и

укладывал спать, я же в это время старалась находить себе другие дела.

Было в этом что-то неправильное и несправедливое по отношению к Линку. Забрать детей от опекуныши — это моё решение. Почему же он должен за него расплачиваться?

Вечером, когда дети уснули, я ворочалась на тахте до тех пор, пока не приняла чёткое решение, что и как делать дальше. Как ни странно, в этот раз мне не понадобилась моя «Маска силы».

Может быть, это и было правильным. Нравится мне или нет, но эти дети на долгие годы становились моей семьёй. А в семье отгораживаться масками — это... Это неправильно. Пусть моя мать не была мне близка, но я постараюсь, чтобы Линк и Эжен стали.

Утром я сообщила брату суть своих ночных размышлений и постаралась донести до него, почему мы будем действовать так, а не иначе. Не знаю, стоило ли это делать, но он растёт и должен учиться на своих или чужих ошибках. Вот и пусть учится.

Очередной раз оставив детей в гостинице, я отправилась не в наш дом, где уже закончила разборку хлама в комнатах, а по адресу с визитки, которую мне оставил тот газовщик. Как его там, кёрст де Лонг, кажется?

Только отправилась я не к нему, а к тому самому троку Суржу. Горластый — вот первое впечатление от этого человека.

Крошечная конторка находилась в полуподвальном помещении роскошного многоэтажного дома. Весь первый этаж был отдан под богатые заведения.

Здесь находилась фирма «Гейзер», модный швейный салон «Элегант», приёмная какого-то законника, но самая огромная и кричащая вывеска была прилеплена сбоку здания над полуподвальным офисом. Золотые буквы на ярко-алом фоне даже не «говорили», а громко «орали» — «Самый лучший ремонт».

Я с некоторым сомнением покосилась на вывеску — «дорогобогато» — совсем не в моём вкусе. Может, стоит поискать другого мастера? Однако принять решение я не успела.

Дверь распахнулась и в проёме возник пожилой рыжий толстяк с солидной лысиной, багрово-красным лицом, где почти терялись крошечные голубые глазки, рыже-седыми бровями и бакенбардами, клочками торчащими в разные стороны.

Чёрный деловой костюм выглядел так, как будто он в нём спит — мятый и лоснящийся. Зато штиблеты отблёскивали дорогим лаком, а на толстое пузо свисала широкая золотая цепь.

— Что, юная кёрста, вам нужны услуги папаши Суржа? А то я в окно смотрю, а вы всё зайти стесняетесь! — мужчина не говорил, а вещал.

Я опустила глаза вниз и заметила, что на уровне земли находится небольшое узкое окно, очевидно, в него этот «папаша» и разглядел мои ноги. Поняв, что сбежать не удастся, я вздохнула и ответила:

— Да, трок Сурж, мне необходим ремонт, но...

— Никаких «но», юная кёрста! Никаких «но»! Лучшие бригады мастеров — все у меня работают! И я лично за всем слежу! — значительно вздев кверху толстый палец, провозгласил толстяк.

С трудом поклонившись, он распахнул дверь так, что я увидела тёмную узкую лестницу, ведущую вниз, и торжественно провозгласил:

— Прощу! О делах я говорю только в своём офисе!

Именно офис, небольшой и удивительно уютный, и дал мне надежду на то, что мы сможем договориться. Вывеска была ужасна, да, а вот рабочий кабинет трока обставлен очень удобно и эргономично. Тем более, что в своём маленьком кабинете трок Сурж понизил громкость голоса почти вполовину.

Говорили мы долго, но результатами я осталась более чем довольна — сразу по окончании беседы трок нанял извозчика, повесил на дверях офиса табличку, где карандашом указал время возвращения, и вместе со мной отправился оценивать поле деятельности.

Заглянул на кухню, внимательно осмотрел разнокалиберную отмытую посуду, надраенную раковину и огромную плиту, лично, с помощью рулетки, перемерял длину и ширину стен, занёс данные в большой блокнот и занялся ванной.

На чердаке, одобрительно рассмотрев несколько куч рассортированного мной барахла, посопел и сказал:

— Разберёмся!

На всё про всё ушло больше двух часов, трок был въедлив и задавал много вопросов не только о ремонте, но и о будущей обстановке. Ключи от дома он попросил оставить до завтра. К обеду трок Сурж отвёз меня в гостиницу, заявив напоследок:

— Так что, кёрст Элен, сегодня я схожу в «Гейзер», с бухгалтером побеседую, уточню кое-что. Вечером я ещё раз загляну в ваш дом — посоветуюсь кое с кем. Завтра я жду вас после обеда, ежели по сумме договоримся, то послезавтра, с Божьей помощью, можно и начать! И не переживайте, лишнего не спрошу!

Мы всё ещё жили в гостинице и каждый день платили по три фанка. Этот расход очень раздражал меня, но и тут трок Сурж обещал помочь.

После обеда, чётко решив следовать своим ночным мыслям, я первый раз осознанно отправилась гулять вместе с Линком и Эжен. Нельзя делать из мальчишки воспитателя для сестры. Конечно, совсем освободить его не получится, но раз уж мы — семья, то и делить заботы нужно на всех.

Нам повезло — день был солнечный и неподалёку находился бесплатный парк. С большим интересом я разглядывала угловатые коляски на металлических колёсах, которые торжественно возили кормилицы, играющих под присмотром бонн и гувернанток малышей.

В основном меня интересовала детская одежда. Была она сложная, многослойная и, на мой взгляд, очень неудобная. И мальчишки, и девочки были одеты в копии взрослых костюмов, с единственным отличием — всё это было короче.

Из-под девичьих платьев и пальтишек виднелись расшитые панталончики и тёплые чулки. Мальчишкам полагались не брюки, а тёплые штанишки до колена и некое подобие курток, отягчённых пелеринами и капюшонами. При условии, что всё это шилось из толстой шерсти, бархата и сукна, вес выходил немаленький.

Бегать и прыгать детям не разрешалось, и они чинно, за ручку, ходили со своими наставницами по длинной аллее только-только начинающих зеленеть деревьев. Единственным развлечением были качели. Самая обычная доска, на которую усаживали двоих малышей, несколько пар сидений на цепочках и пара ярко раскрашенных качающихся коняшек, которых облюбовали самые маленькие.

Всё это удовольствие располагалось на огромном деревянном помосте и было огорожено низеньким заборчиком, вход туда охранял смазливый молодой человек, любезный и говорливый, успевающий и шепнуть комплимент хихикающей няньке, и получить с неё бронзовый корн, и перевернуть на низеньком столике песочные часы.

Этих стекляшек у него было около десятка и деревянное основание каждой было выкрашено. К красному коньку — красные часы, к зелёным качелям — зелёные.

Надо сказать, дела у него шли неплохо — больше половины мест было занято, а у входа нетерпеливо переминалась очередная нянька с мальчиком, поджидая, когда освободится облюбованное им сидение.

Я с удивлением заметила, с какой завистью Линк смотрит на эти примитивные развлечения. Надо отдать ему должное — никаких жалобных взоров в мою сторону не было.

Даже Эжен, прилипшая к заборчику, огораживающему эту «роскошь», не хныкала и ничего не просила. Просто стояла и смотрела, держась ручками за деревянные плашки.

— Линк, а тебе какие качели нравятся?

С недоверием оглянувшись на меня, он ткнул рукой в сторону стойки, где поскрипывали качели на цепочках, и тихо ответил:

— Вон те! — потупился и добавил: — Но за это же платить надо!

У меня запершило в горле. Въевшаяся в плоть и кровь мальчика нищета подавляла в нём всё детское. Несколько раз глубоко вздохнув-выдохнув, я повела их ко входу на помост. Ошалевший от радости Линк убежал к вожделенным цепочкам, смело заявив:

— Я сам! Я знаю, как надо! Я всегда смотрел и знаю, как надо!

Эжен, поколебавшись, выбрала себе красного коня. Я встала сзади неё и, поставив ногу на специальную широкую педаль, начала медленно и аккуратно раскачивать конструкцию, следя, чтобы малышка крепко держалась.

В общем-то, свалиться с такой сидушки было сложно, но девочка, желая поделиться радостью, всё время оглядывалась на меня и, очевидно, боясь, что удовольствие закончится, командовала:

— Исё! Исё! Матли!

В целом, прогулка удалась. Только на обратном пути Линк очень серьёзно мне выговорил:

— Всё же, Элен, третий раз платить было не надо, — потом подумал и добавил: — Но это очень-очень здорово!

Глава 17

К моему приходу трок Сурж подготовился весьма основательно. Говорил он долго, а я всё больше и больше понимала — надо соглашаться.

— ... с «Гейзером» мы это обсудили. Печь, колонки и плиту они установят сами, если мы с вами договоримся. Вот смотрите, — он протянул мне лист дешёвой сероватой бумаги: — это мои расчёты. Тут всё: штукатурка стен в двух комнатах, замена рамы — видели, что она совсем сгнила? В трёх местах нужно менять половые доски, ну и, разумеется, побелка и покраска. А вот туалет я бы предложил вам выложить специальной плиткой — дороговато, но практично. Да и возле плиты на кухне не помешал бы такой прямоугольник из плитки. Дорого выйдет отциклевать паркет в большой комнате, но сам он в хорошем состоянии, менять выйдет дороже.

Посмотрев сумму, стоящую в конце листа, я сочла её вполне приемлемой. Перечисленный объём работы, который берёт на себя трок Сурж, был велик. Правда, я собиралась немного поторговаться — просто для приличия. Слава богу, что не успела. Уловив мой одобрителный кивок, трок продолжил, протягивая мне ещё один лист такой же бумаги:

— А вот это... — он как бы чуть смутился и даже слегка понизил голос: — небольшая помощь вам.

На листке бумаги значились три адреса, каждому прилагалось имя. Я вопросительно глянула на трока.

— Трок Крип, — пояснил толстяк, — он скупкой старья занимается, мебели в том числе. Ну и продажей тоже, и ремонтом. Вот у вас там два стульчика стоят — можно ему продать, а можно и договориться — вам обтяжку новую сделают. Тряпьё он ваше всё выкупит, да и металл заберёт по честной цене. А на эти деньги, ежели пожелаете, можете у него мебель присмотреть, хоть она и не новая будет, зато крепкая. Вечерком я его сводил к вам в дом, вот он такую записку вам велел передать.

Передо мной лёг клочок бумаги, где корявым почерком была расписана стоимость всех моих «богатств», сваленных в кучи на

втором этаже. Отдельно — сумма за шерстяное тряпье, отдельно — за льняное, отдельно — за два грязных шёлковых платья. Столбик с небольшими цифрами продолжили металлы, ломаная мебель и огромная резная кровать вместе с зеркалом из большой комнаты.

Общая сумма, подбитая на этой бумажке, меня сильно порадовала. Конечно, тряпки и деревянный лом стоили не так и дорого, зато огромное зеркало на колёсиках обещало покрыть чуть ли не пятую часть ремонта, да и за кровать сумма была, на мой взгляд, более чем приличная.

Второй адрес принадлежал некой кёрст Фронг.

— Это очень достойная пожилая кёрст! У неё есть небольшая комнатка, которую она сдаёт. Пятнадцать фанков в месяц вместе с завтраком. В гостинице, оно и понятно, любому жить дорого.

Сумма мне показалась просто замечательной, особенно если учесть, что в три фанка, которые ежедневно мы платили в гостинице, еда не входила.

Надо будет только уточнить у кёрст, смогу ли я готовить на её кухне обеды и ужины. Если посчитать, сколько мы сэкономим за те полтора-два месяца, что будет идти ремонт, то цифры покажутся ещё более симпатичными.

Третий адрес принадлежал Марте. Не кёрст и не трок. Я вопросительно глянула на трока Суржа.

— А это, кёрст Элен, поденщица. Поможет отмыть вам после ремонта всё, да и вещи разложить. Я с ней давно работаю, женщина она добросовестная, плату берёт умеренную, и кто после ремонта её нанимал — все были довольны. Конечно, можете и сами поискать, может, кто дешевле возьмёт, — он с сомнением поджал губы.

В «Гейзер» мы отправились вместе. Этот офис ничем не напоминал маленькую конторку трока Суржа. Здесь всё было дорого и элегантно, начиная от лощёного секретаря в приёмной, кончая массивными солидными дверями с начищенными медными табличками. Одна из них меня слегка удивила. «Главный инженер М. де Лонг».

К нашему приходу договор был готов, и пухловатый молодой человек, помощник бухгалтера, носящий забавные нарукавники из чёрного сатина и очки в тоненькой серебристой оправе, любезно разъяснил мне, что и в какие сроки будет сделано.

С самым кёрстом де Лонгом я столкнулась уже на крыльце, когда мы покидали офис. Мы оба чуть смутились. Я — потому что при первой встрече всё же ошиблась с его социальным статусом, а он — не знаю почему. Мы поздоровались, и я, чтобы прервать неловкую паузу, сказала:

— Я всё же решила воспользоваться вашими рекомендациями, кёрст де Лонг.

— Уверен, вам не придётся об этом жалеть. — он легко улыбнулся.

Трок Сурж, который приветствовал кёрста де Лонга гораздо радостнее, чем я, ухватил меня за локоть и повёл в свою контору, подписывать договор с ним, приговаривая:

— Пойдёмте, кёрста Элен, пойдёмте. Я вам сейчас подскажу, к кому следует обратиться, чтобы вещи перевезли и вас с детишками.

С кёрстой Фронг я пошла знакомиться сразу же после визита в контору «Самый лучший ремонт». Дама произвела на меня очень хорошее впечатление. Чуть полноватая, добродушная блондинка, с мягкими чертами лица и такими же мягкими манерами.

Дом был невелик и стоял на тихой зелёной улочке ближе к окраине города, но весь район был чистенький, с большим количеством клумб и играющих во дворах детей. В общем-то, чтобы переждать время ремонта, это место показалось мне вполне подходящим.

На пухловатых щеках кёрсты, когда она улыбалась, появлялись милые ямочки. Чуть вьющиеся на висках волосы были строго зачёсаны, связаны в узел и спрятаны под забавный кружевной чепец с рюшами.

Дама носила чёрное платье — она представилась как вдова. Спросить, почему она не носит чёрную повязку на лбу, как я и дети, я постеснялась.

— Стирать вам, если захотите, кёрста Элен, будет моя служанка Сола, но о цене с ней вам придётся договариваться отдельно. Уборку в комнате тоже делает она, через день. Это входит в оплату.

Саму Солу я не застала — хозяйка отправила с каким-то поручением, поэтому и комнату, и весь домик мне показывала кёрста.

Комнатка для жильцов, которую она предлагала, действительно была невелика, зато радовала глаз чистотой и кокетливой опрятностью.

Две узенькие кровати под белыми пикейными покрывалами, обшитыми нежно-розовыми рюшами. Уютный диванчик с белым пледом, даже два чуть скрипучих стула горделиво носили белоснежные чехлы.

Напротив диванчика стоял комод с большим количеством ящиков и ящичков. На чисто вымытом полу широкая пёстрая дорожка, идущая от дверей до самого окна, стол в комнате был, но совсем маленький, однако кёрста сказала, что есть мы сможем в общей гостиной.

Я легко договорилась о том, что буду готовить на её кухне, к заявленной цене добавить пришлось только один фанк — на дрова для плиты, как пояснила кёрста.

— На завтрак я обычно подаю молочную кашу, свежие булочки и домашний джем.

Столовая, где нам предстояло есть, содержала солидный, массивный буфет, большой овальный стол под скатертью в бело-голубую клетку и очаровательные голубые занавесочки на узком окне. За стол могли свободно усесться шесть человек.

— Сейчас у меня есть ещё одна жиличка, но это очень тихая, спокойная женщина, да и комната её находится далеко от вашей, так что вы друг другу не мешаете, — предупредила меня кёрста Фронг.

В общем-то, до других жильцов мне не было дела, поэтому все условия почтенной кёрсты меня вполне устроили. Я внесла задаток, получила расписку, и весь вечер у нас занял переезд и обустройство на новом месте.

От крошки Эжен кёрста Фронг пришла в восторг и немедленно утащила её к себе в комнату, пообещав какой-то сюрприз.

Малышка, в целом, не отличалась излишней доверчивостью, но, похоже, ямочки и общая уютность кёрсты покорили её. Это дало нам с Линком возможность спокойно разложить вещи и немного осмотреться. Новое жильё ему понравилось.

— Элен, а у нас будет такая же комната там, ну, где мы будем жить?

Первый раз за всё время Линк задавал вопросы о будущем.

— Наша часть дома, Линк, меньше, чем у кёрсты Фронг, зато у тебя будет отдельная комната.

— А у Эжен?

— И у неё.

— У нас будет целых две комнаты?

— У нас их будет целых три, — задумчиво ответила я.

Меня посетила необычная мысль. Конечно, я, на свой лад, стараюсь сделать для детей лучше, но это ведь их жизнь. А Линк уже достаточно большой, чтобы иметь своё мнение.

Может быть, мне стоит спросить именно у него, в какой комнате он захочет жить? Какого цвета обои ему нравятся? Какую он захочет кровать? Почему же такая простая и очевидная вещь не пришла мне в голову раньше?

И, может быть, стоит обсудить с братом то, чем я собираюсь зарабатывать на жизнь? Мысли у меня на этот счёт были разные, но одна казалась особенно перспективной и интересной.

Глава 18

На удивление, наша жизнь в комнатке кёрсты Фронг очень быстро приобрела чёткий ритм.

За первым завтраком мы познакомились с кёрстой Тиан. Невысокая, очень худенькая женщина около сорока лет с отчётливыми седыми прядками в тёмных гладких волосах.

Держалась она очень отчуждённо и замкнуто и, как мне показалось, изо всех сил старалась не привлекать к себе внимание. Платье её было чистым и аккуратным, но явно знавало и лучшие времена. Да и белоснежный кружевной воротничок носил следы мелкого ремонта.

На время завтрака к Эжен была отправлена служанка Сола, которой и вменялось в обязанность покормить маленькую кёрсту кашей. И я, и Линк испытывали некоторое неудобство, но кёрста Фронг так искренне удивилась появлению малышки в обеденном зале, что мы не сочли возможным спорить с ней.

— Нет-нет, кёрста Элен! Сажать за общий стол таких маленьких детей не положено!

Я первый раз задумалась о том, что и сама не знаю бытовых правил этого мира и не смогу научить детей.

Как и обещала хозяйка, на завтрак подали кашу. Сама я никогда не была любительницей такого завтрака, но эту кашу явно варил волшебник! Она была потрясающе вкусной, а золотистая лужица сливочного масла только добавляла ей аромата.

Благоухали ванилью тёплые булочки с глазками изюма, клубничный джем в небольших креманках радостно искрил под яркими лучами солнца, падавшими в окно.

Ели молча, но молчание это вовсе не было тягостным. Кёрста Фронг с ласковой улыбкой поглядывала на шустро работающего ложкой Линка. А я поняла, чего не хватает в моей маленькой семье.

Конечно, кормить детей досыта, давать им мясо, овощи и молочку — важно, но не менее важно и то, как это делается. Сейчас, в этой уютной комнате, за столом, покрытым чистенькой клетчатой

скатёркой, царила очень тёплая атмосфера — и это было именно то, что я организовать не сумела.

Чем дальше в лес, тем больше я задумывалась о том, что нам требуется женщина с хорошими манерами, у которой смогут учиться не только дети, но и я.

А пока, отодвинув эти мысли на будущее, мы с Линком и Эжен сходили на прогулку. Привели уставшую малышку домой и уложили на тихий час под присмотром кёрсты Фронг, а сами отправились по магазинам.

Нам нужно было закупить достаточно много — нормальное постельное бельё, чтобы не спать на чужих простынях, различные шторы и занавески для детских и для зала, полотенца, скатерти и прочее.

Действовали мы чётко по плану. Обходили две-три-четыре лавки, записывая для себя цены на нужные изделия в течение нескольких дней. Потом я вычерчивала на листе таблицу и сводила все данные.

И только через неделю мы совершили первые покупки, экономно выбирая лучшие цены. По договорённости с хозяйкой дома их сложили в одну из маленьких полупустых кладовок.

Следом наступил черёд мебели. Часть мы выбрали у трока Крипа, частью — купили новую. Если учесть, что оставлять более, чем на два-три часа в день Эжен на попечение кёрсты Фронг мне было просто неловко, то за короткое время мы успели сделать достаточно много.

Впрочем, сама кёрста совсем не возражала против присмотра за спящей малышкой:

— Ах, кёрста Элен, вы не понимаете, сколько удовольствия доставляет мне девочка! Она у вас такая умница!

Пожалуй, самым большим открытием для меня стало то, что ритм жизни, которому я подчинялась многие годы, разительно отличается от принятого здесь. Например, когда мы покупали бельё, никого не смутило то, что доставили его не в этот же день, а только на третьи сутки.

Нет, безусловно, торопиться нам было некуда, но такое отношение к жизни проглядывалось во всём. Продавцов в мебельном совершенно не смутило, что, отобрав две детские кровати, я собиралась забрать их только через месяц. На них просто повесили табличку «Куплено».

Вообще, все дела и проблемы в этом мире решались гораздо медленнее, чем я привыкла, но и гораздо спокойнее, без лишней нервозности и избытка адреналина. Постепенно и я начинала привыкать к тому, что спешка нигде не нужна.

Через пару недель, выбрав солнечный денёк, мы с Линком и Эжен съездили посмотреть, как движется ремонт в нашем доме. Много уже было сделано, и даже канава, в которую укладывали газовые трубы, к этому времени была засыпана.

Газовую печь — округлую кирпичную колонну — довели почти до второго этажа, одно из окон, то, где собирались менять раму, было просто заколочено ужасными досками.

Больше всего порадовала кухня. Массивная чёрная колонка уже висела на своём месте и солидная плита была установлена точно там, где я указала. Рабочие выкладывали на стене кухонный фартук из бежевой плитки. Когда подключат газ, мы получим максимум удобств!

Всё было замечательно, кроме одного — деньги таяли. Решив не дожидаться переселения в свой дом, на следующий же день я занялась приобретением необходимых мне вещей.

В лавку трока Крипа мы с Линком пошли сразу же, как только кёрста Фронг начала укладывать Эжен. К моему приходу трок подготовился основательно — меня ожидали два здоровых мешка.

— Вот, кёрста Элен, как договаривались — выбирайте сами.

Кликнув продавца, крепкого молодого парня, трок Крип велел:

— Ты, Бурт, помоги кёрсте выбрать, что ей надобно. Потом меня крикнешь — я о цене сам договорюсь.

Трок, кряхтя и потирая поясницу, скрылся где-то в подсобных помещениях, а Бурт, молодецки эхнув, вывалил передо мной на широченный стол-прилавок кучу изношенного мехового хлама разной степени сохранности.

Облако пыли поднялось такое, что Линк сморщился и чихнул. Достал из кармана носовой платок — как я его учила, аккуратно утёр нос и, с некоторым недоумением глядя на «богатство», неуверенно спросил:

— Ты думаешь, Элен, что из этого можно что-то сделать?

Я кивнула и, вздохнув, начала перебирать рухлядь. Здесь были кокетливые меховые дамские пелеринки, заношенные до полного или

частичного облысения, несколько драных горжеток, деформированные шляпы и шапки.

Перебрав всю эту кучу, я отложила для себя лёгкую детскую шубейку, слегка затёртую по краям, но всё ещё подходящую для моих целей. Когда-то её сшили из кролика, ну, или зайца белого цвета. Сейчас же грязный, местами вытертый мех был омерзительно-серым.

Вторым моим приобретением стала дамская горжетка, почти полностью плешивая в области шеи, но по краям мех всё ещё был достаточно густым. Во втором мешке вещи были значительно лучшего качества и сохранности, потому из него я не стала брать ничего — это выйдет слишком дорого.

Слегка поторговавшись с прижимистым троком Крипом, я выкупила то, что мне нужно, а драный мешок достался мне бонусом — для упаковки добра. С этим мы и вернулись в нашу комнату, застав момент пробуждения Эжен.

Я очень мало знала о детях и даже не догадывалась, что девочке не хватает таких простых вещей, как ласка и нежность. Сейчас же, когда раздумываясь со сна малышка молча забралась мне на руки и, крепко обняв за шею, положила кудрявую головку на плечо, в душе у меня что-то сжалось и в горле запершило.

Кёрста Фронг, убедившись, что Эжен под присмотром, забрала свою корзинку с вязанием и, строго напомнив нам: «Вам пора готовить ужин, кёрста Элен. Потом кухня будет занята», погладила малышку по головке и удалилась.

Я села на диван и, прижимая к себе тёплое детское тельце, тихо поглаживала её по спинке, боясь нарушить эту минуту доверия. Линк как-то неловко присел рядом, и я, перехватив сестрёнку, притиснула его к своему боку. Так мы и сидели молча, ощущая странное единение и нежность друг к другу.

На ужин я приготовила рубленые котлеты с картофельным пюре, после еды и Линк, и сестрёнка получили по конфете — небольшой кулёчек фруктовой карамели я купила в лавке и, спасая от разорения, прятала в комнате кёрсты Фронг.

После дети отправились из обеденного зала в нашу комнату. Я же, решив, что сейчас самое время, отнесла посуду на кухню и, прихватив в собой мешок от старьёвщика, поспешила, с разрешения хозяйки, в крошечную прачечную.

Надо сказать, что моя просьба кёрсту удивила:

— Вы можете поручить это Соле, кёрста Элен.

— Нет-нет, эти вещи я предпочту постирать сама, если вы, конечно, разрешите.

— Ну, как вам будет удобно.

Мех я стирала аккуратно, приготовив чуть тёплый мыльный раствор и тщательно прочёсывая его жёсткой щёткой. А вот из мешка вырезала несколько самых целых кусков и остальное просто выкинула. Надеюсь, к завтрашнему вечеру всё это высохнет.

Глава 19

Сегодня, после утренней прогулки, уложив спать Эжен, мы с Линком никуда не пошли. Выпросив разрешение у кёрсты Фронг, мы аккуратно сняли со стола скатерть в обеденном зале, и я села работать, а Линк, удобно устроившись рядом, переживать за меня и задавать вопросы:

— А вот это зачем? А потом с этим что делать?

За образец я взяла того самого, полюбившегося Эжен, медвежонка. Посмотрев на неуклюжую фигурку, решила кое-что изменить.

Глазомер у меня всегда был хороший, поэтому, взяв несколько листов самой дешёвой серой бумаги, я аккуратно перерисовывала детальки, которые мне понадобятся, внося изменения в размеры и формы по ходу работы.

Рисовала я минут пятнадцать, а потом Линк, вооружившись ножницами, внимательно вырезал бумажные лекала. По характеру, я всегда была немного педантом и подумала, что, если моделька получится удачной, стоит сохранить выкройки. И вообще, нужно заводить папку и собирать все их в одном месте.

Размер игрушки я увеличила в два раза. Расстелили на столе кусок просохшей мешковины и крошечным обмылком, подобранным мной в прачечной, обвели по контуру все детали. Вырезать опять помогал Линк — ему было так интересно, что от усердия он высовывал язык, обрезая неровно торчащие нитки.

С сомнением посмотрев на часы, я поняла, что сшить сегодня всё просто не успею, Эжен проснётся меньше, чем через час. Но под умоляющим взглядом Линка сметала первые несколько деталей — голову медведя и два круглых ушка.

Брат явно был разочарован результатами нашего труда. Понять его было легко — без набивки, с не пришитыми ушами, без носика и глаз медвежья мордочка выглядела жалко и уродливо, тем более что шила я не «на века». Всё же, это ещё не сама игрушка, а только пробный образец.

У мальчика было очень выразительное лицо, и он ещё совершенно не умел скрывать свои эмоции. Однако я высоко оценила то, что он не стал ныть или критиковать мою работу.

Тяжело вздохнув, но оставив все свои мысли о нашей неудаче при себе, он молча помог мне собрать обрезки ткани, ножницы и прочий хлам и даже принёс веник — мы немного насорили.

На обед еда у нас осталась со вчерашнего дня, но, решив слегка подсластить Линку горькое разочарование, после супа и котлет я снова повела детей на прогулку.

Погода стояла просто замечательная, в воздухе терпко пахло первыми, ещё клейкими листочками, а солнце припекало так, что я подумала о необходимости панамок.

Дети в нашем излюбленном парке были одеты уже совсем полетнему. Я внимательно присматривалась к фасонам одежды и никак не могла решить — простительно ли будет, если я внесу в одежду для малышей некоторые изменения?

На мой взгляд, чулки с подвязками смотрелись на детских ножках просто ужасно, конечно, смешные панталончики с рюшами скрывали, что эти самые чулки просто примотаны к ногам! Но каждый вечер, раздевая Эжен перед сном, я с ужасом смотрела на красноватые рубцы, остающиеся на детских ножках выше колена. Линк раздевался сам, но и у него я замечала подобное.

Сегодня мы не пошли к качелям, а отправились в другую сторону парка — судя по разговорам детей, попадавшихся нам навстречу, там прилетели утки.

Озеро меня насмешило. Это была мутноватая круглая лужа, явно искусственного происхождения, метров десяти в диаметре, и по ней торжественно, не забывая гордо побрякивать, плавал толстый яркий селезень в сопровождении пяти невзрачных уток. К берегу они подплывать опасались, потому что десяток гомонящих и размахивающих руками детей их явно отпугивал.

В сумочке, которая мне досталась после матери Линка и Эжен — слегка потёртом бархатном мешочке, я всегда носила с собой кучу мелочи.

Пару носовых платков — чтобы вытереть Эжен нос и, иногда, руки, ключи от дома, кошелёк с бронзовыми корнами — на случай,

если придётся купить какую-либо мелочь или нанять извозчика, пару карамелек и прочую ерунду.

Сегодня, выходя из дома, я прихватила с собой булочку с изюмом, которую не съела за завтраком — на свежем воздухе у детей всегда прекрасный аппетит, а Эжен такая худышка, что подкормить её лишний раз не помешает. Однако, в этот раз я решила найти булочке другое применение.

Дети, боны и гувернантки гомонили у озера там, куда в него упиралась широкая песчаная дорожка. Я же, подхватив Эжен на руки и велев Линку идти следом, сошла с неё и, опасливо косясь на не слишком просохшую землю, опасаясь поскользнуться, прошла по берегу метров десять до удобного места.

Достав плюшку, я растерянно посмотрела на уток — они плавали, не приближаясь к берегу и не обращая на нас внимания.

Когда я тащила детей сюда, в голове у меня сложилась умильная картинка — увидев выпечку утки подплывут к нам и дети будут бросать им крошки, наслаждаясь общением с пугливыми птицами. Однако, всё пошло совершенно не по плану.

Во-первых, я не представляла, как подзвать к себе птиц, мне казалось, что, увидев подношение, они приплывут сами, во-вторых, я никак не могла сообразить, как к ним обращаться? Звать их цып-цып-цып — глупо, они, всё же, не курицы. Кроме того, Линк поняв, что я собираюсь скормить булочку уткам, был искренне шокирован.

Он ни разу не голодал с того дня, как я появилась в этом мире, но сейчас, заметив, как он прикусил чуть задрожавшую нижнюю губу, я отчётливо поняла, насколько недооценила введшиеся ему в кровь привычки.

Булочка — это еда. Это — вкусная еда, которую я собралась скормить глупым птицам.

Возражать он не осмелился, признавая за мной право старшей, но эмоции, написанные на его лице, меня пугали. Сделав вид, что я притащила их сюда просто полюбоваться птичками без лишнего шума, я молча разломала булку пополам и отдала детям.

Я не слишком уверена, но думаю, что местные правила приличия не позволяют кёрстам есть на улице. Во всяком случае, даже напрягая память, я не могла вспомнить ни ребёнка, грызущего на прогулке

конфету, ни хорошо одетого мужчину или женщину, жующих, например, пирожок.

Это лишний раз напомнило мне, что в семью нам срочно требуется женщина, знающая местный этикет. Иначе я рискую вырастить детей сытыми и здоровыми, но обладающими манерами гопников.

Несколько расстраиваясь от этой неудачи и понимая, что таких сложностей, мелких и крупных, будет ещё масса, я терпеливо ждала, пока дети доедят, но тут то ли сочла нужным вмешаться госпожа удача, то ли надо мной сжалился местный бог.

Линк справлялся со своей половинкой достаточно шустро, в то время как Эжен в силу возраста ела неаккуратно, роняя на одежду крупные крошки. Возможно, именно это и заинтересовало селезня.

Ведя за собой свой серенький послушный гарем, он подплыл к берегу и требовательно крякнул. Даже Линк с маленьким кусочком выпечки в руке замер, любуясь нахальным красавцем.

Ярко-чёрная шапочка на голове переходила в переливающиеся на солнце чёрно-сизо-зелёные крепкие шею и грудь. Сильные крылья были оторочены тонкой белоснежной каймой. Крупный яркий клюв и маленькие суровые глаза главаря довершали картину.

Не дождавшись реакции, он возмущённо захлопал крыльями и крякнул несколько раз подряд, поражаясь нашей глупости. Вышедшие вслед за ним на берег «дамы» заверещали противными тонкими голосами, поддерживая своего повелителя.

Эжен от неожиданности сделала шаг назад, поскользнулась и неловко шлёпнулась на весеннюю траву, однако, быстро сообразила, чего хочет этот глянцевого красавца. Протянув на маленькой открытой ладошке солидный кусок мякиша, она с восторгом забормотала:

— Асьми! Асьми!

Однако, владелец гарема, хоть и отличался требовательностью, явно был трусоват. Стоя в паре метров от нас, он хлопал крыльями, крякал довольно противным голосом и даже пытался шипеть, слегка выворачивая шею, но рисковать собой не желал. «Дамы» неуклюже переминались сзади.

Я посмотрела на Линка и поняла, что ему тоже хочется рассмотреть красавца поближе. Пожалуй, он даже был готов расстаться с последним огрызком плюшки.

Подхватив Эжен подмышки, я поставила её на ножки. Моё движение слегка вспугнуло стайку вместе с предводителем, но жажда наживы оказалась сильнее — потоптавшись у воды, селезень снова нерешительно двинулся к нам.

На открытой ладонке Эжен я раскрошила часть выпечки и показала рукой, как надо кинуть птицам. Гомон стих — они принялись выискивать крошки в траве.

Надо сказать, что на берегу они выглядели значительно более неуклюжими, чем на воде, однако малышка всё равно была в восторге. Похоже, она никогда не видела живых птиц так близко. Неловкими движениями, кидая в них остатки крошек, Эжен с восторгом приговаривала:

— Матли! Матли! Пички!

Личико у неё покраснелось, сзади на платье я видела грязное влажноватое пятно — след от падения, ладонки были липкими от сахарной посыпки, но восторг, который она испытывала, сторицей окупал все эти мелкие неприятности.

Группа нянь и детей на том берегу восторженно и несколько завистливо смотрела на нас, гомон почти стих, зато топала ногами, кричала и что-то требовала нарядная девочка лет десяти. Я отчётливо слышала:

— ...хочу! А я — хочу!

Похоже, она добивалась от своей гувернантки булки для кормления птиц. Линк не выдержал...

Робко шагнув, он экономным движением, как будто что-то солил, начал крошить свой маленький огрызок, и красавец-предводитель не оставил это без внимания! Недоверчиво обогнув по дуге меня и Эжен, вразвалочку оправился принимать новый подарок. На лице Линка расцвела робкая улыбка.

Вся эта сцена заняла максимум пять-семь минут, но доставила детям столько удовольствия, что они почти не расстроились, когда, склевав всё, что им насыпали и даже часть весенней травки у нас под ногами, утки вернулись в воду. Эжен, правда, пробовала звать их назад:

— Пички! Пички!

Однако, коварный селезень, получив своё, больше не обращал на нас внимания, и стайка, выплыв на середину озера, продолжила отдых.

Когда мы вернулись к посыпанной светлым крупным песком дорожке, уходить домой нам пришлось под неодобрительными взглядами гувернанток и завистливыми — детей.

Чтобы смягчить Линку переживания от слишком сильных эмоциональных качелей, мы зашли в лавочку, и я купила им маленький бумажный фунтик сушёных фиников, пообещав отдать после ужина.

Надеюсь, жадность брата, вызванная совсем не природной склонностью, а просто голодными годами, скоро пройдёт. Тем более, что я ни разу не замечала в нём желания в чем-то обделить меня или Эжен. Напротив, в семье он всегда в первую очередь заботился о малышке.

Глава 20

Наше возвращение домой вызвало у кёрсты Фронг некоторое недовольство. Нет, почтенная дама не позволила себе никаких высказываний, но по её поджатым губам я понимала, что и грязное платье Эжен, и довольно расхристанный вид Линка ей не нравятся.

Восторга от этого понимания я не испытывала — меня саму несколько давили принятые в этом мире правила. Я боялась по незнанию нарушить какую-нибудь мелочь столь демонстративно, что это будет иметь плохие последствия. Именно поэтому я и решила на разговор с хозяйкой.

Время я выбрала перед ужином, именно в тот момент, когда она готовила. И это оказалось не лучшим решением.

Я давно заметила, что готовит кёрста всегда сама, не допуская к этому делу никого. Именно она была «автором» тех волшебных булочек, которые подавали каждое утро. Как я понимаю, таким образом она зарабатывала себе на безбедную жизнь.

Начать я решила с похвалы её кулинарным талантам — она как раз колдовала над кастрюлькой с тушёным мясом.

— Кёрста Фронг, я просто в восторге от вашего умения готовить, — однако, вместо привычной милой улыбки, я увидела нахмурившееся лицо, раздутые от гнева ноздри и получила холодную отповедь:

— Кёрста Дюрайн, я прошу вас покинуть мою кухню. Вам здесь не место.

Всё это, произнесённое холодным тоном, так ошарашило меня, что я покорно кивнула и вышла, совершенно не понимая, что это сейчас было? Что случилось с ласковой и добродушной кёрстой?!

Вечером, после ужина, когда Эжен тихонько возилась на диване со своим медведем, я решила поговорить с Линком. Может быть, он сможет подсказать?

Однако версия, которую он выдал, просто взорвала мне мозг. Выслушав меня и немного подумав, он как-то по-взрослому вздохнул, очевидно, сетуя на мою недогадливость, и сказал:

— Я думаю, ей было стыдно.

— Стыдно? Почему?

— Ну, ты же её застала в неловкой ситуации.

Я окончательно перестала что-либо понимать. Кёрста не брила подмышки, не сидела с маской из клубники на лице и не поправляла чулок. Что неловкого может быть в приготовлении ужина?! Несколько снисходительно Линк пояснил:

— Она же кёрста! — он заглянул мне в глаза и, догадавшись, что я ни черта не понимаю, пояснил: — Это унижительно. Ну, когда кёрста работает — это унижительно.

— Подожди, кёрста готовила ужин себе, и это унижительно?!

— Конечно. У кёрсты должны быть слуги.

— А если у неё нет слуг или не хватает денег?

— Настоящая кёрста не будет работать на людях.

Пожалуй, больше всего меня потряс даже не ответ, а лёгкая снисходительность в голосе Линка, с которой он объяснял мне эти прописные истины.

Ему всего двенадцать лет, и он уже совершенно точно знает, что прилично кёрсте, а что нет. Даже живя в условиях нищеты и видя, как работает мать, он впитал в себя пренебрежение к работающей женщине.

При этом, странным образом, продолжая любить маму и жалея её. Такие отношения сильно напоминали мне романы о викторианской Англии. Именно там цвело махровым цветом дикое ханжество. Однако, любой человек, идущий против системы, подвергался остракизму.

Мне надо было всё хорошенько обдумать, но самый главный вывод я уже сделала — дорого это будет или нет, но я должна найти для нас всех женщину, которая научит хорошим манерам. Пусть, с моей точки зрения, эти манеры — чистый бред, но с волками жить — по волчьему выть. Я не собиралась растить из детей революционеров и изгоев.

Конечно, я очень постараюсь привить им мысль о том, что труд не может быть постыдным, но считаться с принятыми здесь нормами нам придётся всем.

Сейчас эти мысли, абсолютно правильные, в общем-то, вызывали у меня только раздражение и внутренний протест. Мне была крайне неприятна двойственная оценка места женщины в обществе, и я

успокаивала себя тем, что изо всех сил постараюсь найти свою нишу в этом мире.

Хотя бы для того, чтобы проложить дорогу детям, не ставя нашу маленькую семью на путь вечных конфликтов с социумом. Боюсь только, что самой смириться со всем этим мне будет сложнее, чем детям.

Сразу после завтрака, отправив Линка посидеть с Эжен, я несколько неуклюже извинилась перед кёрстой Фронг и завела с ней разговор о том, что так сильно волновало меня.

— Кёрста Фронг, к сожалению, я понимаю, что и мои манеры, и манеры детей далеки от совершенства. Просто так сложилось, что мы не получили уроков правильного поведения в семье. Я очень боюсь, что не смогу дать детям то, что им положено праву рождения — место в обществе. Вы не могли бы мне помочь советом?

Надо сказать, что я совсем не удивилась, когда решение кёрсты Фронг полностью совпало с моим.

— Вам нужна хорошая гувернантка для детей, кёрста Эжен. Я не осмелюсь интересоваться вашей финансовой состоятельностью, но, если вы сможете себе это позволить, это и будет лучшим решением.

Кёрста как-то печально вздохнула и сменила официальный тон на более дружественный:

— Понимаете, кёрста Элен, я не сержусь на вас... Хотя безусловно это была очень неловкая ситуация. Поймите, деточка, в вашем возрасте такие вещи нужно бы уже знать. Верю, что ваш поступок вызван скорее непониманием, чем легкомыслием... — она снова вздохнула, — Но вам бы ещё и самой не помешала гувернантка.

— Кёрста Фронг, я так слабо разбираюсь в людях и ценах...

— Да, да, я понимаю, — она согласно покивала головой, — Я подумаю, точнее, поговорю с одной достойной кёрстой. Если вы немного подождёте, то через пару дней получите ответ.

Поблагодарив хозяйку, я получила от неё забавную просьбу:

— Вы позволите мне сегодня уложить Эжен спать днём? — кёрста ласково улыбнулась и добавила: — Общение с малышкой — большая радость для меня.

После прогулки, оставив Эжен слушать перед сном сказку кёрсты Фронг, мы с Линком вновь расположились в обеденном зале. Сегодня

дела у нас шли побыстрее и буквально через час мы набили тряпочную фигурку заранее припасённой шелухой гречихи.

— Вот смотри, здесь будут глазки, а сюда я пришью нос...

Похоже, Линк не мог себе представить окончательный результат работы и потому, поколебавшись, спросил:

— Почему у него такая странная морда?

Ответить на этот вопрос было не так и просто. Я действительно довольно сильно изменила выкройку головы медведя и сделала это не по ошибке, а вполне осознанно. Дело в том, что, внимательно рассматривая в лавках детские игрушки, я заметила их излишнюю натуралистичность.

Да, многие из них были выполнены с большим мастерством. Да, костюмы кукол поражали воображение и тонкой работой, и дорогими материалами. Но, на мой взгляд, игрушкам не хватало какой-то детскости. Той самой умильной мультяшности, которая присутствовала в куклах и мягких игрушках в моём мире.

Где-то я читала, что увеличение размеров головы относительно тела игрушки делает её милее. Типа, человек сразу видит, что перед ним игрушка-ребёнок, а не модель взрослого животного. И, волею-неволей, умиляется. Это я тоже учла при раскрое меха.

Медведь, столь полюбившийся Эжен, на самом деле был довольно уродлив. Сшитая из сукна голова состояла из приличного количества мелких деталей именно для того, чтобы добавить игрушке натуралистичности, вытянуть морду и сделать медведя похожим на живого. Пасть даже была прошита алой шёлковой нитью. Это, как я понимаю, означало не просто пасть, а окровавленную.

Грубо говоря, игрушка представляла собой не милого, привычного всем мишку, а некое подобие тканевой скульптуры. Свою же выкройку из мешковины я сделала с расчётом на то, чтобы добавить игрушке столь необходимые няшность и мимимишность.

Но воплощение зверя в грубой мешковине не давало Линку рассмотреть потенциал. Он видел перед собой всего лишь «неправильного» медведя. Я ласково потрепала его по светлым волосам и сказала:

— Это далеко не всё, Линк.

Сейчас я сама видела все недочёты фигурки, поэтому, отложив пока модель из мешковины, взялась за бумажные выкройки и

подровняла их, доводя до нужных мне параметров. После этого посадила многострадального медведя на стол и достала высохший белоснежный мех.

В той жизни с натуральным мехом я работала редко, для этого были другие ателье. Но, худо-бедно, азы знала.

Самым сложным для меня оказался выбор ножа. То, что предлагали магазины, не подходило от слова совсем, а резать мех ножницами — значит испортить его. Поскольку я собиралась сделать мягкие игрушки основой своего дохода, то и инструмент мне сразу нужен был максимально подходящий.

Единственное, что подошло более-менее — хирургический скальпель. Его я выкопала во время наших с Линком путешествий по магазинам в лавке старьёвщика. Этот скальпель был частью довольно большого набора чудовищно выглядящих железяк. Одна пила для костей чего стоила!

Представив, что вот этим здесь делают операции, я молча поклялась себе беречь здоровье своё и детей пуще всего. Поскольку набор уже был не целый, да и покупателей на этот металлолом не находилось давно, торговец, пусть и нехотя, согласился мне продать два подходящей формы ножа оттуда. Вот одним из них, наточенным до бритвенной остроты, я и пыталась сейчас резать плотную мездру.

Работа продвигалась медленно — слишком мало у меня было опыта ремонта меховых изделий. Однако к концу дневного сна сестрёнки я успела сшить две задние лапы. Линк, молча переживавший за меня, попросил дать и ему занятие. Решив не спорить, выдала пару обрезков и показала, какой должен быть шов.

Пока он возился со своими клочками, я вывернула лапки и посмотрела, как они будут выглядеть. Решила, что вполне нормально, но нужны ещё пяточки и пальчики. Нашить их лучше из тонкой чёрной кожи.

Такой у меня не было. Значит, наша завтрашняя прогулка опять пройдёт по лавкам старьёвщиков. Кроме того, чистый белоснежный мех смотрелся так здорово, что я задумалась о глазах. О красивых стеклянных глазах. Пришить пуговицы и испортить такого очаровательного пушистика будет просто обидно.

В лавках с игрушками у самых дорогих моделей глазки были выполнены из раскрашенных деревянных бусин, у тряпочных —

красиво вышиты, у фарфоровых кукол — просто рисованные. А мне хотелось глазки из стекла, такие, чтобы казались живыми.

Возможно, придётся искать производителей стекла. Я ведь до сих пор даже не знаю, насколько велик мой новый город. Конечно, это — местная столица, но мир отличается от моего сильно. Есть ли здесь такое производство или придётся выписывать откуда-то? А если дорого обойдётся ещё и пересылка? Чем дороже составляющие, тем больше будет стоить конечный результат.

Я вздохнула и отложила иголку. Слишком много всяких «если», но сейчас нам пора идти в комнату — скоро проснётся Эжен.

Глава 21

Кроме проблемы кукольных глаз, была еще и проблема набивки. Мягкие игрушки здесь набивали опилками. От этого куклы становились тяжелыми и твердыми.

Гречневой шелухи у меня было не так и много. Я выпросила ее у молочницы, которая поставляла сливки, сметану и свежие яйца в ту лавочку, где я обычно закупалась. Сама она, кажется, использовала ее в качестве прикорма для живности, но я-то знала гораздо лучшее применение для этой ценной штуки — дома я много лет спала на подушке, набитой такой шелухой. Так что, когда я только подержала в руках игрушки из лавки, сразу поняла, чем их нужно набивать. Теоретически, можно использовать и крупу. Ну, например, рис или пшено, но это выйдет и дороже, и хуже.

Обидно было еще и то, что в таком большом городе как Виргонт нет своей стеклодувной мастерской. До ближайшей, которая располагалась в соседнем городе Майне — несколько часов на поезде. А билеты — довольно дорогие. Сидячее место во втором классе обойдется минимум в десять фанков.

О ценах мне довольно подробно рассказала кёрста Фронг. В Майне у нее жила родственница, которую она навещала два раза в год.

— О, кёрста Элен, там очень удобные мягкие кресла, на столике — белая скатерть и можно попросить чай — это входит в стоимость билета. Ехать, примерно, пять-шесть часов. Купе рассчитано на четверых и если попадутся приятные попутчики — можно прекрасно скрасить дорогу беседой! Очень, очень комфортно добираться! Я-то еще помню те времена, когда ездить можно было только дилижансом — теснота, дорожная пыль летом и холод зимой. Даже сравнивать невозможно!

— Да, прекрасно. Только вот — дорого. А нет ли билетов подешевле?

— Кёрста не может ездить в третьем классе! Это — немисливо! — возмущенно ответила хозяйка. Подумала и суховаты добавила: — Да и без сопровождения юной кёрст не пристало путешествовать.

Поэтому первая полностью сшитая мной игрушка имела глаза из пуговиц. Правда тут я пошла на хитрость. Большие пуговицы обтянула красивой голубой тканью, а зрачок просто вышила черным шелком. Крупный, влажно поблескивающий нос был скроен из черной лаковой кожи. На шее я аккуратно завязала бантом голубую атласную ленту — пусть он будет милашка и красавчик.

Всю эту неделю Линк терпеливо сидел рядом со мной и с интересом наблюдал, как из странных по форме кусочков меха и маленьких обрезков ткани появляется такое симпатичное существо. Симпатичным он его, кстати, признал не сразу. Только тогда, когда я пришила глаза.

Он робко дотронулся до шелковистого белоснежного меха, погладил пальцем глянцевого черного носа и, наконец-то, признал:

— Когда ты его доделаешь — он будет очень красивый. — и неуверенно спросил — Правда?

— Правда, Линк. Думаю, Эжен он очень понравится.

То, что у малышки никогда не было игрушек такого качества я прекрасно понимала, потому очень хотела сделать ей подарок на новоселье.

Дошитого медведя мы спрятали в комнате кёрсты Фронг. Она, кстати, тоже довольно высоко оценила игрушку, и я решила попробовать выкроить из остатков меха что-нибудь на память для нее.

Действовала по той же самой схеме. Сперва — рисунок деталей на бумаге, потом — перенос выкройки на мешковину, правка, и только потом можно приступить к новой игрушке.

В этот раз я шила котенка. Самого обычного котенка, с большой головой, пестрой окраски, с белоснежным галстуком на шее и такими же лапками и кончиком хвоста, с ярко-зелеными глазами и длинными черными ресницами. Мультяшный персонаж получился таким забавным, что Линк не удержался. Умоляюще глядя мне в глаза, он первый раз повел себя как ребенок:

— Элен! Ну, пожалуйста-пожалуйста! Ну, я очень-очень прошу!

Он вскочил со стула, прижимая к себе мехового звереныша, которому я даже не успела повязать атласный бантик на шею. Сперва я несколько растерялась — я не привыкла к такому детскому поведению, но отказывать Линку не стала. Мальчишке всего двенадцать лет, и вряд ли у него были игрушки лучше, чем у Эжен. Пусть забирает.

От темно-серой горжетки остался еще приличный кусок, и, если мне не хватит белого меха на кошачьи лапки, значит у котенка кёрсты Фронг лапки будут серые. Ничего страшного. А на белую грудку и кончик хвоста мне хватило. Так что и второй котенок выйдет очаровашкой.

Пожалуй, стоит еще упомянуть о нашей новой гувернантке. Признаться, выбор кёрсты Фронг меня очень удивил. Я бы даже сказала — насторожил.

Разговор наш происходил без свидетелей. Очевидно, деликатная кёрста давала мне возможность самой принять решение. Отказываться я не стала, но первые дни смотрела на кёрсту Тиан с некоторым подозрением — с самых первых завтраков она мне казалась довольно холодной и отчужденной женщиной.

Однако, упомянутая кёрста легко и быстро нашла общий язык с Эжен, Линк, возможно в силу привычки, слушался ее беспрекословно, а мне все замечания она делала исключительно наедине и при закрытых дверях — берегла мой авторитет.

В то же время она умела сделать мне замечание так, чтобы не вызвать внутреннего протеста. Дала мне несколько советов по поводу моей манеры одеваться, а главное — намекнула, что мы уже можем не носить эти чертовы траурные налобные повязки. Признаться, за одно это я была готова ей простить многое!

Как будущей работодательнице кёрста Фронг сочла возможным сообщить мне краткую биографию кёрсты Тиан.

Дама рано овдовела и одна растила сына. Полгода назад он погиб в результате глупого спора. После смерти обнаружилось, что дела его весьма расстроены, осталось множество долгов и векселей. Кёрсте пришлось продать свой небольшой домик, уладить денежные дела и начать искать себе приличное место.

— Вы же понимаете, кёрста Элен, что в таком возрасте, без рекомендации, это довольно сложно! Конечно, кёрста Тиана не молода и ей бы гораздо больше подошло место компаньонки. Но вы знаете, у нее странное предубеждение против этой должности. Хотя, возможно, она просто не желала оставаться в том кругу, где ее знали в благополучные времена.

Во всяком случае после того, как дама уладила свои дела, она поселилась за скромную плату в маленькой комнатке кёрсты Фронг и

все это время, по словам хозяйки, поведение ее было безупречно, а манеры весьма деликатны.

Разговаривать с самой кёрстой Тиан мне было довольно сложно. С одной стороны, я ее работодатель, который будет платить зарплату. С другой — я становилась ее ученицей. Однако, кёрста выбрала очень верный тон в разговоре, и в конце концов мы договорились.

Про себя я решила, что, если увижу, как она третирует детей — уволить никогда не поздно. Однако, ничего похожего не произошло и Линк с Эжен приняли ее так, как будто она всегда была частью их семьи.

Один из первых советов кёрсты Тиан заключался в следующем:

— Это очень правильно, кёрста Элен, что выходя из дома вы всегда берете с собой брата. Девушке вашего возраста не стоит появляться в общественных местах одной.

Вообще-то, я брала Линка с собой только для того, чтобы он не скучал, пока Эжен спит. Но я оценила и совет гувернантки, и то, как деликатно она его дала. Пожалуй, с ней вполне можно ужиться.

Теперь нам с Линком было гораздо удобнее. Мы с чистой совестью оставляли малышку на кёрсту Тиан, а сами могли позволить себе некоторый вольности — обошли все окрестные лавки старьевщиков и скупили приличное количество мехового хлама.

В одном из ателье, переговорив с хозяйкой, я за копейки приобрела мешок мелкого цветного лоскута. Самые большие из них были размером с ладонь. Однако, ткани здесь стоили очень дорого, а эти разноцветные клочки вполне подойдут для оформления глазок, всевозможных бантиков, нарядных фартучков и штанишек на игрушки.

Кроме того, мы еще дважды ездили посмотреть, как движется ремонт. Возле дома мы столкнулись с трок Суржем, который устроил разнос одному из рабочих. Со мной, впрочем, трок общался вполне вежливо и сам вызвался показать нам с Линком результаты.

На удивление, при всей неспешности местной жизни, дело двигалось и если наш переезд и отложится, то не больше, чем на неделю-полторы — мне пришлось внести пару изменений в изначальный проект ремонта, ведь теперь с нами будет жить еще и кёрста Тиан. Однако трок Сурж заверил меня, что «всё исполнит в лучшем виде».

Так что домой мы возвращались в прекрасном настроении.

Глава 22

Через три недели, в самом конце весны, мы, наконец-то, переезжали в свой собственный дом!

Тепло поблагодарив кёрсту Фронг, я подарила ей на память пушистого котенка, чем вызвала у добродушной хозяйки слезы на глазах.

— Благослови вас пресветлый Айлюс, кёрста Элен! — хозяйка дотронулась до бровей и губ и часто-часто закивала головой, прижимая к груди пушистый подарок. — Заглядывайте иногда на чашечку чая, дорогая моя. Мне будет приятно знать, что у вас все в порядке.

Марта, очень высокая и крупная женщина лет тридцати пяти, та самая поденщица, которую рекомендовал мне в свое время трок Сурж, оказалась теткой исполнительной и добросовестной. Четыре дня на пару с ней, мы готовили дом к переезду — чистили его после ремонта, отмывали следы побелки с окон, драили полы, приводили в порядок кухню. Работала тетка на совесть и к оговоренной плате я добавила серебряный ферк — думаю, полезно иметь на подхвате такую работницу.

Эта же Марта посоветовала мне, в качестве прачки свою соседку:

— Она, кёрста Элен, вдова с двумя детишками. И стирает на совесть, да и старшенький ей уже помогает, а плату берет обыкновенную. Так что, я к вам ее пришлю договориться?

— Присылай Марта. Договоримся.

Нравится мне это или нет, но стирать кёрста не должна — по местным меркам это совершенно неприемлемо. А пока нас ждали довольно радостные хлопоты — мы раскладывали привезенные с собой вещи, я готовила на новой плите праздничный ужин — в обед обошлись бутербродами, так как работы было много.

Впрочем, никто и не возражал. Эжен совершенно счастливая, бегала по дому, с любопытством рассматривая новую мебель, заглядывая в каждую комнату и требуя от Линка показать ей, что видно из очередного окошка.

В доме еще отчетливо пахло краской, но мне нравилось то, что у нас получилось. В самой маленькой комнатке на втором этаже окно увеличили. Теперь это будет спальня Эжен. Там поместилась аккуратная подростковая кровать, покрытая белой эмалью, небольшой беленький комод и несколько полок прямо у входной двери — здесь будут располагаться ее игрушки. Стены ее комнаты до середины были обиты панелями из светлого дерева — обыкновенные сосновые доски, покрытые лаком. Шторы цвета топленого молока из легкого полотна и небольшой бежевый коврик на полу, простой и дешевый, но на первое время сгодится.

Вторая комната, размером побольше, была приготовлена для кёрсты Тиан. Здесь разместилась удобная кровать-тахта, довольно элегантный шкаф для одежды, пусть не новый, но в отличном состоянии и небольшое уютное кресло рядом с маленьким столиком. Портъерами служила плотная шерстяная ткань цвета кофе с молоком, в тон покрывалу на тахте.

Я купила ее очень удачно, на распродаже, за весьма скромную сумму — на ткани, в нескольких местах был замечен брак. Однако, благодаря наличию клочков ткани все непроряды и дефекты я аккуратно прикрыла стайкой шелковых бабочек — шоколадных, кремовых и бежевых.

Третья комната, ближайшая к лестнице, была приготовлена для Линка. Беленые стены, клетчатые сине-белые шторы, на кровати такое же покрывало и небольшой письменный стол с одним из тех стульев, что я нашла на чердаке. Его покрасили, сменили обивку и выглядел он как новенький.

Самым удачным в комнате Линка было то, что возле двери находилось что-то вроде небольшой ниши. Там повесили такие же клетчатые шторы, как на окне и устроили удобный шкаф. Счастливым Линк, с помощью Эжен, которая, разумеется, больше мешала, но очень-очень старалась, лично развесил на плечиках два своих костюма, разложил несколько неровной стопкой белье и чулки и с восторгом любовался почти пустым гардеробом, попеременно приглашая то меня, то кёрсту Тиан разделить с ним радость.

Я разрывалась между приготовлением обеда, бесконечной беготней на второй этаж и распаковкой собственных вещей. В отличии от счастливых обладателей маленьких комнат, мне пришлось

выгородить для себя кусок зала. Благо, что он был просторным и имел два окна.

По моей просьбе там поставили перегородку на половину помещения. Вторую половину я завесила собранными в красивые складки плотными шторами. Все же это смотрелось полегче, чем полностью глухая стена с дверью. Отгороженный для меня «загончик» представлял собой коробку, примерно двух метров ширины на четыре с половиной длины.

Вдоль короткой стенки я поставила кровать, торцом к ней большой шкаф, а в угол возле окна, по моему указанию, столяр изготовил большую треугольную полку. Только прибили ее достаточно низко для того, чтобы я могла использовать ее как письменный или швейный стол.

В каждой комнате обязательно находилось безопасное место для керосиновой лампы — подальше от штор и деревянной отделки.

Остатки зала я отвела под гостиную-столовую. Бумажные обои, которые я встречала в магазинах, были с крупными тяжелыми рисунками, неоправданно пестрые и пафосные. Идти против местной моды было довольно бессмысленно, никто еще не слышал о таком элегантном стиле как, например, ар-деко или прохладном, но уютном сканди, потому стены нашей гостиной затянули относительно дешевой льняной тканью светлого персикового оттенка.

За овальный стол, покрытый белой скатертью можно было одновременно усадить шесть человек. Еще туда влез небольшой диванчик, набитый конским волосом, и пара удобных кресел. Обивку на мебели поменяли и, в целом, она обошлась не так и дорого.

Паркетный пол поблескивал свежим воском, бархатная портьера цвета молочного шоколада напоминала мне о своей сумасшедшей стоимости. А найденная на чердаке белая фарфоровая вазочка, которую я гордо водрузила на стол, радовала глаз небольшим пестрым букетиком — кроме сорняков на заднем дворе обнаружилось некоторое количество уцелевших цветов.

Планы у меня были огромные! Нужно приводить в порядок задний двор, пусть он и крошечный. Нужно, похоже, подыскать горничную в дом — я уже поняла, что не смогу вести хозяйство сама. Уметь-то я умею, и готовить, и стирать, и убирать, но тогда у меня не будет времени заниматься делами. А денег, даже с учетом полученных

от квартирантов за этот месяц, осталось очень немного — заначка прилично истаяла.

Особого страха я не испытывала — понимала, что мои игрушки однозначно будут пользоваться спросом, но ведь и скопировать их не так и сложно!

Для меня это значит следующее — я должна выйти на местный рынок с большой партией игрушек. С тем, чтобы сразу заключить договоры хотя с парой крупных магазинов.

И к тому моменту, как я обнародую своих зверюшек, у меня должно быть налаженное производство — как минимум — паратройка швей, договор о поставке нужных мне глазок и место, где все это будет производиться. Так что, в целом, положение было весьма сложное.

Во всем доме из мебели была только одна вещь, которую изготовили под заказ просто потому, что ни в местных магазинах, ни среди б/ушной мебели не было ничего похожего. Я говорю о самом обыкновенном высоком детском стульчике. Таком, на котором ребенка можно посадить за общий стол. Столяр, помнится, очень удивился и несколько раз уточнил размеры.

Сегодня, вопреки всем правилам, ужинать мы сели все вместе. Уставшая за день Эжен, потирала глаза и было件нятно, что сразу после еды малышка уснет. А пока она, с большим удовольствием держала в ручках кусочек наливного пирога с мясной начинкой и кусала, рассыпая вокруг кучи крошек, под неодобрительным взглядом кёрсты Тиан.

Остальные, как и положено взрослым людям, пользовались ножом и вилокй. Кроме пирога я успела приготовить творожный десерт с фруктами, но на него у малышки уже не хватило сил — перед десертом я решила раздать заранее приготовленные в честь новоселья подарки. Предварительно, влажным полотенцем, я протерла Эжен перепачканную моську и липкие ладошки. Заодно отодвинула подальше остатки еды.

Первой своего медведя получила Эжен и взрыв восторга, который она испытала добил ее — крепко обняв меховую игрушку, она уснула сидя. Керста Тиан, улыбнувшись, покачала головой:

— Кёрста Элен, думаю девочку пора уложить.

Я согласно кивнула и откинув перекладинку, что не давала Эжен выпасть с высокого стула, подхватила ее на руки вместе с медведем. Кёрста заторопилась вперед меня — расправить кровать. Управились мы быстро и вернулись к Линку буквально через пару минут.

Подарки для кёрсты Тиан и Линка были гораздо более практичные. Гувернантка получила отрез темно-серого шелка на хорошее платье, а Линк — новый костюм, уже не с коротенькими, до колен, штанишками, а с нормальной длины брюками, как у взрослых.

Как мне казалось раньше, мальчики-подростки довольно равнодушны к одежде, но то, что костюм как бы возводил его в ранг взрослого Линк оценил. Сперва он несколько недоверчиво приложил к себе брюки, потом посмотрел на меня и спросил:

— Это правда мне? Такой... настоящий?

Я улыбнулась. Даже сейчас этот ребенок старался вести себя как мужчина. О его радости я догадывалась только по заблестевшим глазам.

— Да, Линк, это тебе. Ты уже достаточно взрослый и вполне можешь это носить.

— Элен, а можно... Ну, прямо сейчас можно?! — он умоляюще посмотрел на меня.

Я с улыбкой кивнула головой и Линк, забыв спросить разрешения у гувернантки, выскочил из-за стола и топая побежал на верх — примерять.

Несколько растерянная и от подарка, и от всей этой суматохи кёрста Тиан заговорила:

— Кёрста Элен, вы не думаете, что вы слишком балуете детей?

— Нет кёрста Тиан, у них должно быть детство. Нормальное детство, с сюрпризами, подарками и непослушанием. Никто из нас не идеален, потому иногда я считаю нужным закрыть глаза на нарушение этикета. Не волнуйтесь — засмеялась я — это будет не часто.

Через несколько минут Линк спустился вниз чуть ли не со слезами на глазах:

— Элен, смотри! — он слегка приподнял ногу. Тут улыбнулась даже кёрста Тиан:

— Юный кёрст, не стоит так расстраиваться. Укоротить брюки можно за один вечер, и я обязательно помогу вам это сделать.

Мы обе встали из-за стола, одернули на Линке прекрасно сидящую бархатную курточку и присев на корточки подвернули брюки на нужной длине.

Внезапно кёрста Тиан так, и не поднявшись с колена, посмотрела мне в глаза и с улыбкой сказала:

— Говорите, иногда нужно баловать? Ну, тогда я бы предложила к этому костюму сшить для юного кёрста хороший галстук-бабочку!

Глава 23

Мою поездку в Майн мы обсуждали почти две недели. Спорили и даже слегка ссорились.

— Поймите кёрста Тиан, наши финансовые дела не столь блестящи, а эта поездка мне необходима.

— Кёрста Элен, то, что вы предлагаете совершенно недопустимо! В крайнем случае, вам следует взять с собой Линка!

— Я не вижу разницы, кёрста Тиан. Везти Линка, как ребенка, на коленях, всю дорогу я не смогу. Мне придется покупать ему такой же билет как себе. Я не могу позволить такие бессмысленные расходы!

Я даже обдумывала вариант поехать третьим классом, одеть какое-нибудь старое платье, взять в руки корзинку и не привлекая чужого внимания спокойно доехать. Было только одно препятствие — я боялась. Слишком неуверенно я себя чувствовала в этом мире, слишком мало знала о неписанных законах и правилах.

Потому, дабы не длить конфликт с кёрстой Тиан, я навестила кёрсту Фронг и спросила, когда она собирается навестить свою родственницу в Майне и не возьмет ли она меня туда попутчицей. Этот вариант устроил всех. Узнав, что я поеду с кёрстой Фронг кёрста Тиан одобрительно кивнула головой и заявила:

— Совсем другое дело!

Для меня был один единственный минус — поездка кёрсты Фронг состоится не ранее конца лета.

В помощь для ведения хозяйства я пригласила к нам Марту. Оплачивать ей целый день мне было накладно, потому, когда у нее не было работы, она приходила к нам на пару часов — подметала и мыла полы, протирала пыль и, уходя, забирала белье для стирки.

Таких дней набиралось два-три в неделю. Готовить я все же предпочитала сама и кёрсте Тиан пришлось закрыть на это глаза. Более того, увидев, сколько я работаю, она стала помогать мне. После обеда, уложив Эжен, она шла и мыла посуду. Это не входило в ее обязанности, но я была ей очень благодарна за помощь.

Деньги потихоньку таяли, но примерно месяцев семь-восемь мы еще можем протянуть на том же уровне. Я вздохнула и выделила

небольшую сумму на благоустройство заднего дворика. Разумеется, пришлось обращаться к трою Суржу, зато дровяной сарай разобрали и увезли доски в качестве платы, так что в целом вышло не так и дорого.

Натянули тент в широкую бело-голубую полоску, поставили простой уличный столик и два деревянных кресла, напоминающих шезлонги. Марта выдрала все сорняки, а на рынке я купила, по ее же совету, пару недорогих кустиков и несколько горшков с цветами.

Вдоль старого кирпичного забора я сама лично прикопала длинную плеть растения под названием «вдовый виноград». Он уже дал небольшие побеги, а цветочница на рынке утверждала, что этот вьюн, хоть и не дает плодов, зато за пару лет заплетет любую ограду.

Теперь, во время дневного сна Эжен, мы с кёрстой Тиан иногда пили там чай. Для Линка и Эжен рядом стояли удобные скамеечки — пару раз мы и ужинали на открытом воздухе.

Эжен, надо сказать, своей почти не пользовалась, а вот Линк частенько устраивался там с книжкой, забравшись в мое кресло с ногами. За это его отчитывала кёрста Тиан, а я всегда считала нужным заступиться. Мне казалось, что так читать удобнее. Книг у нас было очень мало, так как стоили они довольно дорого. Однако, у тех же старьевщиков изредка попадались потертые приключения или сказки, и, хорошенько поторговавшись, я их приобретала.

Самым неприятным открытием оказалось то, что наш сосед-арендатор, тот самый плешивый кёрст Пужон, не только полюбил подглядывать за нами в окно со второго этажа, но и, как мне казалось, напрашивался на более тесное знакомство. Например, однажды кёрст заявился к нам «просто по-соседски», как он объявил, и стоя возле столика, за которым мы пили чай, начал пространно рассуждать на тему добрососедских отношений, упомянув о том, как ему, старому холостяку, было бы приятно посидеть рядом с благовоспитанными кёрст.

Просто от растерянности я пригласила его выпить с нами чашку чая. Весь разговор во время чаепития свелся к рассказу о его финансовом состоянии и жалобам на одинокую холостяцкую жизнь. Слушать это было неприятно, чувствовался какой-то подтекст, но поскольку кёрст Тиан сидела с абсолютным покерфейсом и только вежливо кивала ему головой, когда он обращался к ней, то я решила следовать ее тактике.

Сперва я, признаться было, подумала, что этот отвратный мужик, надумав сэкономить на арендной плате и имеет некие матримониальные планы. Ну, типа — женится на мне и не платит за дом. Однако вечерний разговор с кёрстой Тиан меня изрядно удивил.

— Кёрста Элен, вы, безусловно старшая в роду, и я не смею вам указывать... Но я бы не советовала вам больше приглашать кёрста Пужона на чаепитие.

— Да я, в общем-то, и сама не в восторге от него, а уж его брачные планы и вовсе меня не радуют.

Кёрста Тиан как-то печально улыбнулась и сказала:

— Милая кёрста Элен, этот мужчина вовсе не имеет брачных намерений. Скорее, увидев ваше скромное финансовое положение, он пытается соблазнить вас возможным браком, с тем, чтобы вы стали его любовницей. С его точки зрения, вы достаточны молоды, неопытны и беспомощны, чтобы клюнуть на это. А воспользовавшись вами, он все равно никогда не женится. Для него важно финансовое благополучие жены, а у вас, простите, только крошечный доход, зато двое детей на руках.

Меня передернуло от омерзения. Не верить кёрсте у меня не было причин и с этой точки зрения мой арендатор смотрелся совсем уж пакостно. Конечно, я взрослая женщина и, безусловно, встречала у тех же Мопассана и Золя истории о соблазненных и брошенных девушках. Но там антигерой, хотя бы, был молод и хорош собой.

Пусть я слишком мало знаю о социальных отношениях в этом мире, но получается, что этот самый Пужон соблазнял меня просто деньгами, как уличную девку. Я помолчала, оценивая информацию и ответила кёрсте Тиан:

— Я постараюсь найти нам нового арендатора. Мне ни к чему слишком близкое соседство с этим человеком и возможное пятно на репутации.

Мое решения явно обрадовало кёрсту Тиан, и она одобрительно закивала головой:

— Так будет лучше, кёрста Элен, значительно лучше!

В целом, наша жизнь протекала достаточно спокойно. Примерно раз в неделю мы с Линком обходили лавочки старьевщиков, стараясь

чередовать их. У нас уже было выработано несколько привычных маршрутов и еще ни разу мы не возвращались домой без «добычи».

Мех я всегда стирала сама — благо в доме были и горячая, и холодная вода. У меня скопилась небольшая коллекция щеток и расчесок с разной длиной и частотой зубцов, для вычесывания меха. Постепенно выгороженная в зале комнатка заставлялась плетеными корзинами и большими картонными коробками с чистыми и уже отсортированными пушистыми кусками.

Сортировала я и по цвету, и по размеру. Кроме того, на полке возле письменного стола появились картонные папки подписанные: «Кошка», «Котенок», «Щенок», «Медведь», «Мишка» и «Мышка».

Пришлось строго запретить Эжен входить в мою комнату. У малявки разбегались глаза и, хотя первый медведь, белоснежный красавец, названный Пуффи оставался ее любимцем, она была совсем не против прихватить себе еще что-нибудь. Ее не смущало даже то, что все игрушки были безголовые. Головы я даже не набивала.

Во-первых, запас шелухи у меня оставался совсем крошечный — я ждала нового осеннего урожая. Во-вторых, у них, конечно, были вышиты и улыбающиеся рты, и, иногда, прикреплены красные высунутые языки, но они все были еще и безглазые — я мечтала о стеклянных глазках.

Только начав тратить на игрушки большую часть дня, я поняла, как прогадала с ремонтом. В моей комнате, вдоль длинной стены, пришлось набить три широкие полки, на которых я и складировала пушистые, но безголовые изделия. Я боялась, что до конца лета перестану помещаться в своей клетушке. Именно тогда мне первый раз и пришла в голову мысль не искать нового арендатора.

Кёрст Пужон был письменно извещен о том, что ему следует подыскивать себе новое жилье еще неделю назад. По договору он мог жить до конца лета — именно такой ответ я и получила от него. Значит к осени мы сможем перебраться в ту половину дома, а эту — сдать. Соответственно, у меня прилично уменьшится арендная плата — те самые деньги, на которые я могла твердо рассчитывать.

Если честно, мне было страшновато принять такое решение, но в то же время я понимала, что этой половине места нам категорически не хватает. Разве что — понизить уровень жизни, уволить кёрсту Тиан, детей перевести в одну спальню и начать экономить на мясе, молоке и

фруктах. На это я не пойду, пока есть хоть какая-то надежда выцарапаться из нищеты!

В любом случае, еще было время на то, чтобы решить, какую часть дома я буду сдавать в аренду и как жить дальше.

А пока я получила небольшую записку, которую принес рассыльный городской почты, от кёрсты Фронг. Почтенная дама писала, какого числа она собирается выезжать в Майн и сообщала, что если я не передумала и по-прежнему заинтересована в поездке, то она ждет меня в ближайшие три дня для окончательного разговора.

Глава 24

Поездка в Майн состоялась в довольно жаркий день и оказалась для меня не столь комфортной как описывала кёрста Фронг — в вагоне было очень душно.

Вообще, сами вагоны были довольно непривычной конструкции. Дверей в каждом купе было две, одна напротив другой. Первые открывались прямо на перрон, вторые — на переход между купе. Вдоль всего вагона крепилась узкая металлическая дорожка, огороженная тяжелыми поручнями. Именно по этой дорожке на открытом воздухе прямо во время движения поезда проходил проводник.

Нашими попутчиками оказались пожилой пыхтящий кёрст и моложавая женщина с неприятными манерами. Кёрста происходила из той породы людей, которые любят скандалить по любому поводу и была недовольна решительно всем — жарой в вагоне, наличием в купе мужчины, ценами на билеты, нерасторопным проводником и, похоже, жизнью в целом. Визгливым голосом она отчитывала бедного служителя железной дороги за отсутствие льда в холодном чае, который себе заказала:

— Я, любезный, не для того такие деньги плачу, чтобы в этакую жару теплым питьем давиться!

— Так это... сударыня, это... лед только пассажирам в первый класс положено! У них там, в вагоне, хранилище специальное есть.

— Вы, любезный, для того здесь и поставлены, чтобы об удобствах пассажиров позаботиться! Я на вас жалобу подам!

— Так это... сударыня... по правилам это... не положен лед в этом классе!

Щупленький мужчина, одетый в строгую серую форму с маленьким золотистым значком-паровозиком на груди, потел и оправдывался, слушая визги кёрсты. Наконец, выоравшись и испортив настроение всем, она угомонилась и милостиво протянула ему билет. Проводник взял плотный листок желтого картона в руки, чем-то забавно щелкнул и вернул его даме. Кёрста Фронг подала наши билеты, которые прокомпостируют тем же способом. Пообещав

позднее принести прохладный напиток, проводник с облегчением ускользнул из купе.

Истеричная кёрста попыталась завести разговор с толстяком, но он, что-то неодобрительно буркнув, отгородился от нее свежей газетой.

Тогда дама обратила свое внимание на нас. Приторно улыбаясь кёрсте Фронг, она попыталась завести разговор о том, что обслуживание становится хуже год от года, а вот когда она плыла на судне компании «Аквитус», то там: «... стюарды буквально в лепешку разбивались. Разумеется, я путешествовала первым классом...», она оглядела всех присутствующих в купе, пытаюсь понять, все ли слышали, все ли обратили внимание, как она крута и богата. Я отвернулась и открыла книжку, прихваченную в дорогу. Выслушивать ее самовосхваления не было никакого желания.

Судя по всему, моя реакция кёрсте не понравилась, потому что она вновь обратилась к кёрсте Фронг с ехидным вопросом:

— Давно ли малолетним пигалицам их гувернантки позволяют вести себя столь непочтительно?

Этим вопросом кёрста низводила меня до малолетки, а кёрсту Фронг до моей гувернантки. Я уже было собиралась ответить, однако, меня опередила моя спутница. Кёрста Фронг очень спокойным голосом, великолепно игнорируя визгливый голос попутчицы, обращаясь ко мне заметила:

— Позвольте дать вам совет, кёрста Элен.

Я с некоторым удивлением взглянула на кёрсту Фронг и послушно кивнула головой:

— Разумеется, кёрста Фронг, ваши мудрые советы не раз выручали меня.

— Если ваши финансы не позволят вам путешествовать первым классом, никогда не изливайте свое недовольство на попутчиков — это неприлично.

В кресле рядом с кёрстой Фронг, радостно фыркнул толстяк, пытаюсь сдержать смех. Очевидно, и его раздражал этот концерт. На щеках моложавой кёрсты загорелись нервные пятна румянца и она, глубоко вдохнув, открыла было рот, собираясь что-то высказать кёрсте Фронг, но тут наконец заговорил толстяк:

— Мне редко доводилось встречать столь мудрых женщин, почтенная кёрста. Позвольте представиться, кёрст Винтор Эдвенчер.

Он встал с кресла, придерживаясь рукой за столик и немного неловко поклонился. Дама рядом со мной фыркнула и отвернулась к окну, а между кёрстой Фронг и кёрстом Эдвенчером завязалась легкая и неторопливая беседа.

Резким отличием от привычных мне железнодорожных путешествий было то, что никто не доставал жареную курицу и вареные яйца — есть в вагоне, на ходу, считалось неприличным. Зато была большая, почти на полтора часа остановка в маленьком городке, где все желающие успели перекусить в довольно большом привокзальном ресторане. К вагонам третьего класса рванули голосящие женщины с корзинами и ведрами на разные голоса выкликая: «Пира-а-ашки горячие!», «Варе-о-оний яйца!», «Све-е-ежие булочки!», «Молоко! А вот кому молоко?».

В целях экономии и я, и кёрста Фронг, обошлись в ресторане скромной яичницей из пары яиц и горячим чаем. Непривычно мне было и то, что до туалета нужно было идти во время движения поезда по той самой, расположенной вдоль вагона железной галерее, зато сам туалет вызвал восторг своими размерами и чистотой, наличием пипифакса — /так здесь называли туалетную бумагу/ и даже широкого рулона бумажных полотенец. Но все равно, из-за жары, путешествие было довольно утомительным и когда в сумерках мы сошли в Майне на перрон, у меня все еще звучало в ушах: «Чу-чу-чу-чух».

На ночь мы остановились в недорогой гостинице, сняв номер на двоих. Кёрста Фронг была довольна — это выходило дешевле, чем комната на одного.

Договоренность у нас была такая — до визита к ее родственнице, мы посещаем стекольную мастерскую, а там уже по обстоятельствам. Так что с самого утра, попросив служащего нанять нам извозчика, мы отправились на окраину города.

О том, что я приехала лично, а не попыталась решить вопрос в письмах, я не пожалела. Мне пришлось долго и подробно объяснять в крошечном офисе при фабрике какой именно заказ я хочу разместить.

Пожилой кёрст Герон, владелец мастерской, оказался очень дотошен и долго допытывался, зачем мне пуговицы такой странной расцветки. Потом, очевидно решив, что это придурь богатенькой

кёрсты, попытался заломить цену, но тут я встала насмерть. На моей стороне было то, что таких мастерских в городе было целых четыре, так что цену я снижала до тех пор, пока она не стала для меня приемлемой.

После нашего визита у кёрста Герона остался целый лист бумаги с утвержденными размерами и расцветкой. Копию листа я увезла с собой. Этот мини-каталог послужит нам для дальнейшей переписки. Все нарисованные образцы нем были пронумерованы и в дальнейшем мне нужно будет просто сформировать заказ следующим образом: «Образец № 1 — 20 пар, образец № 2 — 30 пар и т. д.». Поняв, что это не единоразовая прихоть, кёрст Герон несколько смягчился и стоимость доставки почтой мне удалось возложить на него.

— Сейчас, кёрста Элен, мы заканчиваем работу над заказом для новой гостиницы. Если вы задержитесь в городе на пару дней, то сможете увезти первую партию сами.

Я понимала, что почтенный кёрст хочет слегка сэкономить на доставке — почта была достаточно дорогим удовольствием. Однако, возражать не стала — в любом случае мне предстояло пробыть в Майне не менее четырех дней. Ехать назад без кёрсты Фронг я не могла.

За эти дни я успела познакомиться с пожилой тетушкой кёрсты Фронг, капризной старухой, живущей в небольшом домике. По просьбе своей спутницы я каждый день наносила визиты вместе с ней:

— При посторонних, кёрста Элен, тетушка ведет себя более сдержанно — тяжело вздохнув сказала кёрста Фронг. — Она очень одинока и бросить совсем я ее не могу — с извиняющейся улыбкой добавила она.

Однако, все послеобеденное время кёрста Фронг с удовольствием сопровождала меня. Конечно, ей казались странноватыми мои покупки, но бросить такой «Клондайк» даже не сняв сливки, я просто не могла.

Мы обошли с десяток лавок старьевщиков и швейных мастерских, поскольку груз был очень легким, хоть и объемным, то на два наших билета я могла провести его бесплатно. Так что моя коллекция драных шуб, горжеток и пелерин существенно пополнилась. Конечно, все это «богатство» еще предстояло распороть, выстирать и вычесать, но

исходники доставались мне достаточно дешево и это не могло не радовать.

В обратный путь мы отправились обремененные багажом и полной дамской сумочкой разноцветных глаз. Попутчики в этот раз были более удачные, кёрста Фронг с удовольствием болтала с пожилой дамой, обмениваясь какими-то секретами домоводства, а я всю дорогу размышляла, где найти мастериц, сколько им платить, где они будут жить.

Была одна опасность — увидев мои игрушки, и самостоятельно сшив парочку, любая мастерица может засесть дома и изготавливать такие же, украсть идею слишком просто. Потому, я предпочла бы, чтобы жили они у меня. Таким образом, я могла бы наблюдать за ними и отсрочить появление конкурентов.

Все эти размышления подталкивали меня к одному — искать арендаторов мне не нужно. Выгоднее будет поселить на втором этаже мастериц, а большую комнату полностью отдать под мастерскую. Самый большой минус был в том, что придется проводить газ во вторую половину дома и это съест, как минимум, две трети оставшихся денег.

Если бы я была одна, то мне не пришлось бы так терзать себя подсчетами и размышлениями. Сама я могла бы справиться с любой ситуацией. Однако, у меня была семья и именно на мне лежала ответственность за двоих детей. Потому я боялась принять решение. И даже «маска силы» мне не помогала. Здесь требовалась не сила и уверенность, а точный расчет.

Иногда мелькала мысль, что я зря ввязалась во все это. Груз долга, который навалился, ощутимо давил. А потом я вспоминала, что кроме меня у этих детей нет вообще никого. Да и у меня в этом мире — никого кроме них.

Глава 25

Из минусов района, в который мы переехали, было то, что парк находился слишком далеко от нас. Хотя и здесь, между домами, были небольшие островки зелени.

У Линка появились приятели — Гайт и Саймон — забавный толстячок в круглых очках, и дорогом костюме. У его родителей здесь был свой двухэтажный дом, отец работал в газовой фирме, а мама, несколько высокомерная кёрста, занималась хозяйством и детьми.

Семья Гайта была попроще. Дом они арендовали, отец работал в какой-то непонятной конторе и, как я поняла, в скором времени они ожидали большое наследство, потому и не хотели обустраиваться в городе капитально.

Тем не менее оба приятеля учились в одной школе «Учебный корпус кёрста Эм. Джайдинга для юношей». Здание школы находилось на соседней улице, и я уже пару раз видела его — солидный трехэтажный особнячок, где обучались все окрестные мальчишки.

Заведение было платным и весьма недешевым, но сейчас все школяры были распущены на каникулы, так что разговор об устройстве туда Линка и об оплате пройдет ближе к осени. А пока юные кёрсты от души пользовались летними каникулами, построили шалаш на небольшом пустующем участке, частенько забегали к нам на задний двор — покачаться на качелях и враждовали с компанией с соседней улицы. Но пока все было в меру и обходилось без драк.

Наш социальный статус для окружающих был не очевиден. С одной стороны мы, безусловно, дети кёрстов, с другой стороны — мы живем в достаточно стесненных условиях и даже не имеем горничной, потому отношение соседей к нам было настороженным — бедность и нищету здесь не уважали, даже побаивались их.

Соседи не могли не видеть, что я сама хожу по лавочкам и магазинам, занимаюсь покупкой продуктов для дома. Скорее всего они догадывались, что и готовлю я сама. А для кёрсты труд, как мы помним, находится под негласным запретом. Да и детей в магазин, за какой-либо мелочью, посылать было не принято — для этого существует прислуга.

Пожалуй, на нашей улице я была единственной, кто закупался продуктами сам. Немного спасало положение то, что дом принадлежал нам целиком, так что в глазах местного общества совсем уж нищими мы не были. Да и наличие гувернантки шло нам в плюс. Нравилось мне это или нет, но с такими глупыми предрассудками приходилось мириться — весь мир не переделаешь...

Однако, хоть и не часто, но Линку приходилось бегать в магазин. Сам он не видел в этом ничего плохого и никогда не отказывал мне в помощи. Но, например, мать Саймона запретила своему сыну сопровождать в этот момент Линка. Узнала я об этом не сразу, из случайно услышанного разговора мальчиков и несколько расстроилась.

Нет, конечно, со мной здоровались на улице, но никто не пытался подружиться, или пригласить на чашку чая. Нельзя сказать, что это мешало мне жить, но и не слишком радовало — дети не должны чувствовать себя изгоями с самого детства. А рано или поздно, если я не начну прилично зарабатывать, они почувствуют эту отчужденность на себе.

Грея притащил с улицы Линк.

Кёрста Тиан ушла гулять с Эжен, я занималась приготовлением обеда и поняла, что хлеба осталось маловато. Наказав Линку купить плетеную булку с маком к чаю и каравай черного, отправила его в магазин. Он вернулся очень скоро, грязный, без денег, которые ему были даны на покупку хлеба и с разбитой губой. К животу летнего полотняного костюма он прижимал пищащий комок грязи, и от этого комка по светлой ткани расползлось омерзительное пятно.

— Линк!

— Они его топили, Элен... Прямо в бочке топили! Ты же не выгонишь...

И он разрыдался. Кухонным полотенцем я протерла ему лицо и выслушала сбивчивый рассказ, о том, что он дошел до лавки, купил хлеб, а на обратном пути увидел, как мальчишки топят щенка в бочке с дождевой водой.

— Понимаешь?! Они его туда бросали, а когда он захлебывался вытаскивали! Ну и вот...

Это «вот» я прекрасно себе представляла и осуждать Линка не могла. Действовала я быстро. Прямо на пол высыпала остатки картофеля из корзины. Забрала у Линка из рук грязного пищащего

щена и сунула его туда — на время. Может, не слишком милосердно, но раз выжил — потерпит еще чуть-чуть.

— Иди мыться Линк.

— Элен, а он...

— Его тоже нужно мыть, поэтому поторопись.

На самом деле я просто не хотела, чтобы кёрста Тиан узнала в каком виде вернулся Линк — она бы не одобрила это. Я отключила газ под кастрюлей, где тушились ребрышки с картошкой и побежала наверх за чистой одеждой.

Кёрста Тиан с Эжен вернулись через час и застали вполне умилительную картину. Линк баюкал на руках завернутого в полотенце маленького щенка. Эжен радостно пискнула и потянула ручонки, но Линк ревниво отвернулся, не давая малышке дотронуться.

Когда мы отмывали его, я определила возраст — полтора-два месяца. Глазки уже открыты, но зубы еще молочные, острые, как иголки. Его скверно кормили и, похоже, рано оторвали от матери. Он не был ранен, только наглотался воды.

Пока я бегала за одеждой для брата, малыша пару раз стошнило, и он начал сильно дрожать, хотя на кухне было очень тепло, даже жарко. Однако полтазика теплой воды убрали дрожь и я, аккуратно, медленно, стараясь не напугать еще больше, промыла ему шерстку.

Кормить сразу не рискнула, а после мытья он, угревшись, уснул на руках у Линка. Я успела вымыть таз после купания и протереть на кухне пол, дверь на улицу распахнула — быстрее высохнет.

К возвращению гувернантки и Эжен с прогулки все следы «преступления» были замечены. Строго посмотрев на сверток со щенком, кёрста Тиан спросила:

— Это что?!

— Это — Грей! — твердо ответила я.

Нельзя сказать, что он действительно был очень уж похож на Грея. Щен явно был полукровкой, но сама ситуация настолько болезненно отозвалась во мне, что другого имени я не желала.

Этот тощий малыш стал той самой точкой невозврата, моментом полного слияния с этим миром и с этой семьей. Я вдруг поняла, что мне больше никогда не пригодится моя «маска силы». Только не здесь, не в моей новой семье! Они — мои родные и я больше никогда не буду отгораживаться от них, думая о том, что дети вырастут, станут

самостоятельными и тогда я буду свободна. Мне больше не нужна была эта свобода, сильно похожая на одиночество.

Этот вечер я запомню на всю жизнь. Накормленный щенок, развеселившись, прыгал по гостиной, а Эжен, смешно изображая испуг, со смехом убегала от него, приговаривая:

— Баусь! Баусь!

Расхрабрившись, он даже пробовал лаять, тонюсеньким писклявым голосом, чем очень смешил Линка. Похоже, оттаяла даже кёрста Тиан, с улыбкой взирая на эту суматоху и не делая замечаний.

С обидчиками Линка я разобралась просто — в течении недели подкараулила каждого из них на улице и пообещала оторвать голову и руки если еще хоть раз кто-то из них обидит моего брата.

— Понимаешь меня?! Я не побегу жаловаться твоим родителям, я сама лично это сделаю. А теперь — пошел вон!

Мой монолог не менялся, а эти «детушки», очевидно обсудив возможные последствия, оставили Линка в покое. Заодно и Гайту с Саймоном стало легче жить. Больше до осени у них конфликтов не было. Не знаю, как они уживутся в школе, но лето повеселевший Линк и оба его приятеля закончат спокойно.

Сейчас моя коллекция игрушек приобретала законченный вид. На каждую модель были пришиты подходящие глазки, голова набита и прикреплена к туловищу. Общее количество готовых игрушек перевалило за пятьдесят и мне срочно нужно было что-то решать с их продажей.

Немного поразмышляв, я отправилась к кёрсту Форшеру. Я прекрасно помнила цену визита к законнику, но и понимала, что только он может помешать мне наделать глупостей. Для демонстрации я прихватила с собой столько мелких игрушек — мышек, роскошных бархатных, с парчовыми брюшками, лягушек, и неведомых фантазийных «сусликов», сколько влезло в мою сумочку. Дополнительно я несла большую шляпную коробку, в которую поместился средних размеров медведь.

Мне показалось, что кёрст Форшер был рад моему визиту. Он расспрашивал, как мы устроились и как идут наши дела. На маленький зверинец, который я выставила у него на столе, кёрст смотрел с большим любопытством и, даже взяв в руки, поближе изучил медведя.

— Рад за вас, кёрста Элен, рад. Но вот боюсь, что ответить сейчас на ваши вопросы я не смогу. Понимаете ли — тут он слегка смутился — детей у меня нет, а племянники уже слишком взрослые. Так что в игрушках я разбираюсь не слишком хорошо. Нет, конечно, кое-какие мысли у меня есть! Однако, мне нужно время, милая кёрста! Скажем, через недельку, вас устроит? И еще, не могли бы вы мне оставить эти образцы?

Просьба показалась мне несколько странной, но помня сколько для меня сделал кёрст Форшер, отказывать я не стала. Все игрушки остались в конторе законника, а я решила побаловать детей пирожными — все же покупные сладости были для них не частым удовольствием.

Еще в те времена, когда мы жили в гостинице неподалеку, я обнаружила очень уютное заведение, где подавали прекрасные пирожные со взбитыми сливками. Вот их-то я и попросила упаковать с собой, целых четыре штуки — гулять так гулять! Именно коробочку с пирожными на выходе из кафе у меня из рук и выбил симпатичный кёрст лет двадцати пяти-двадцати семи, который слишком увлекся разговором с кёрстом Марселем де Лонгом.

Глава 26

Сразу, как я вернулась домой кёрста Тиан попросила Линка посидеть с Эжен и увела меня в зал — поговорить.

— Кёрста Элен, пока вас не было дома, я разговаривала с кёрстом Линком. У меня для вас плохие новости — его знания по математике — ниже всякой критики.

Признаться я немного растерялась от такого заявления. Читал Линк довольно бегло и время за книгами проводил с удовольствием, потому мне как-то и не пришло в голову проверять у него другие знания. Хотя, если вдуматься, то чего-то подобного ожидать стоило — несколько растрепанных книг у них дома было, а вот систематически заниматься с ним той же математикой или географией было просто некому. «Слава Айлюсу, — мрачно подумала я — что он хоть читать умеет!»

Пока я размышляла, как можно решить очередную навалившуюся проблему с минимальными затратами, кёрста Тиан продолжила:

— Позвольте дать вам совет?

— С удовольствием, кёрста Тиан.

— Мы не можем нанять мальчику репетитора, но, если вы поищите в лавочках старьевщиков подходящие учебники, — она немного поколебалась — я могла бы немного позаниматься с ним. Я же вижу, что у вас просто не хватит на это времени. — с чуть смущенной улыбкой добавила гувернантка.

Больше всего меня в ее словах порадовало выражение «мы не можем». Не могу сказать, что считала обязательным «вживление» кёрсты Тиан в семью, но то, что она решила не оставаться просто обслуживающим персоналом, и так близко стала воспринимать наши проблемы говорило о том, что детишки успели забраться к ней в душу.

После беседы кёрста Тиан пообещала на днях подготовить небольшой список учебников, которые могут понадобиться.

— Я, конечно, не настоящий учитель, но кёрст Линк очень разумный ребенок и я думаю, что совместно мы справимся!

К вечернему чаю, как небольшой бонус, я выставила пирожные со взбитыми сливками.

Разумеется, по строгому требованию кёрсты Тиан Грей во время еды в столовую не допускался. Не взирая на уговоры Линка. И тут я полностью поддержала гувернантку! Баловать плюшевого миленького щенка — приятно, но на выходе может получиться безобразно воспитанный пёс. А собаки растут быстро, и позже наказывать Грея за свои же ошибки в дрессуре будет стыдно, а исправлять их — сложно. Потому Грей сейчас печально вздыхал на своей подстилке в прихожей и изредка скреб дверь, не теряя надежды.

У меня вызывало умиление перемазанная белым нежным кремом моська Эжен — девочка уже довольно уверенно орудовала ложкой. Однако, у кёрсты Тиан ситуация эта вызывала совсем другие чувства. Уложив детей спать, она вернулась в комнату, где я обычно немножко работала по вечерам и снова вернулась к проблемам воспитания.

— Кёрста Элен, решать, конечно, вам, но с моей точки зрения крайне нежелательно кормить девочку за общим столом. Считается неприличным сажать детей до восьми лет со взрослыми.

Я вздохнула — некоторые бытовые правила этого мира вызывали у меня раздражение, но, если я хочу, чтобы жизнь детей сложилась удачно, я должна научить их положенным нормам этикета. Глядя на то, как я размышляю и стараюсь принять верное решение, кёрста Тиан, похоже, просто пожалела меня:

— Мы могли бы немножко сместить распорядок дня с тем, чтобы я кормила кёрсту Эжен отдельно, до того, как поедем мы сами.

Заметив, что я хмурюсь, понимая сколько мелких сложностей такое решение вызовет, она мягко добавила:

— Поймите, кёрста Элен, это делается не только для некой красоты и аккуратности за общим столом. Когда я буду сидеть рядом с юной кёрстой во время завтрака и обучать только ее, девочка гораздо быстрее научится и правильно держать столовые приборы, и не пачкаться, и прилично вести себя за едой. А в качестве небольшого послабления — кёрста улыбнулась — мы можем допускать малышку на какую-то одну трапезу. Например — на ужин, который у нас всегда перетекает в семейные посиделки.

Пусть мне это не сильно нравилось, но я понимала, что кёрста права и согласно кивнула головой:

— Вы меня убедили, кёрста Тиан.

— Прекрасно! Тогда завтра я покормлю Эжен до обеда, потом уложу малышку спать, а уж потом и мы сможем пообедать спокойно.

При таком раскладе больше всего мне не нравилась ситуация с завтраком. Кёрста Тиан кормила малышку в ее комнате, а потом оставляла ее поиграть. Одну.

Конечно, я внимательно и не один раз осмотрела комнату, стараясь представить, что может повредить ребенку, конечно, дверь запиралась снаружи, чтобы Эжен не спускалась по довольно крутой лестнице. Да и вообще, она была довольно спокойным ребенком, который, тихо и охотно, мог занять себя разными игрушками, однако, завтрак всегда нервировал меня больше всего. Я начала подумывать, что нам не хватает прислуги.

Кроме того, поддержание дома в чистоте требовало больше усилий, чем поддержание той же чистоты в маленькой квартире. Я все более остро ощущала, что как нам необходима горничная. Не Марта, приходящая пару раз в неделю, да и то — не регулярно. А женщина, которая будет с нами постоянно, на кого можно оставить малышку на час или два, кто разделит со мной ведение быта.

Необходимо срочно искать мастеров и начинать зарабатывать! В общем-то, в моей торопливости не было ни чего странного — в любом мире на комфортную жизнь требовались деньги.

Перед выходными я получила городской почтой небольшое письмо. И оно вызвало у меня серьезные затруднения — я совершенно не представляла как следует поступить. Проблема была довольно личной и обсуждать такие я не привыкла, но не в силах принять правильное решение сама, отправилась с полученной запиской к кёрсте Тиан.

Гувернантка выслушала мой несколько сбивчивый рассказ и принялась задавать наводящие вопросы:

— А как вы познакомились с кёрстом де Лонгом?

На мой короткий монолог кёрста слегка нахмурилась и произнесла:

— Кёрста Элен, конечно, вы имеете все права старшей в роду, но на такие знакомства в обществе будут смотреть косо.

Черт бы их всех побрал с этими дурацкими правилами и тонкостями! Как же меня это раздражало! Однако, я вынуждена была копаться в этих тонкостях если собиралась и дальше жить спокойно.

— Кёрста Тиан, получается, что такой способ знакомства, как у меня с кёрстом де Лонгом неприличен?

— Пока вы не совершили ничего непоправимого, кёрста Элен, но в будущем таких знакомств следует избегать. Судя по нашему разговору, этот молодой человек — она слегка взмахнула письмом, которое продолжала держать в руках — вызывает у вас симпатию и интерес. В этом нет ничего предосудительного, но есть ряд условностей, которые вы должны соблюдать.

Дальше кёрста разразилась небольшой лекцией, на тему — что я могла позволить себе, будучи старшей в роду, а что — категорически нет.

— Вы должны быть очень аккуратны! Право старшей в роду для девушек используют столь редко, что такие кёрсты всегда вызывают повышенный интерес людей и пристальное внимание к своей особе.

Для себя из этой лекции я четко уяснила одно — я всегда должна вести себя так, как будто за мной наблюдают.

С кёрстом Персивалем Эрнстоном нас познакомил кёрст де Лонг. Тогда, несколько дней назад, выбив у меня из рук коробку с пирожными, молодой человек несколько раз извинился, и сразу же заказал мне точно такую же упаковку. Он был достаточно любезен и, «во искупление вины», как он объяснил, заказал нам троим по бокалу прохладного лимонада.

Официантка в кокетливом голубом передничке выставила на стол запотевший кувшин с плавающими в нем кусочками льда и ловко наполнила три низких широких бокала.

Беседа завязалась как-то незаметно. С фразы кёрста Эрнстона:

— Всегда знал, что юные девушки — сладкоежки, но даже не предполагал, что настолько. Неужели у ваших родителей на стол не подают десерт?

— Я старшая в роду кёрст, и такие пирожные любят мои сестра и брат.

Я сделала паузу и добавила:

— Впрочем, я действительно сладкоежка.

— Простите, кёрста Элен, — молодой человек явно чувствовал себя слегка смущенно — смерть родителей не тема для легкой беседы. Однако, он быстро оправился и с большим интересом расспросил меня о детях.

Кёрст де Лонг, для которого эта информация уже не была новостью — подписывая договор с его фирмой я уже предъявляла свидетельство старшей в роду, слушал наш разговор с интересом и даже спросил, в какую школу я собираюсь отдавать Линка.

В общем-то ничего серьезного в этой дружелюбной болтовне не было, не считая того, что кёрст Эрнстон во время беседы старался смотреть мне в глаза. Я чувствовала, что симпатична ему. Разговор с двумя кёрстами был несколько сумбурный, но, когда новый знакомец попросил у меня разрешения нанести визит в наш дом, я ответила отказом.

Вовсе не потому, что он мне не понравился, а потому, что не знала допустимо ли это.

Сама я выкинула это мелкое происшествие из головы практически сразу, как вышла из кондитерской — мне совершенно точно было не до личной жизни. Однако, в том самом письме, которое я получила сегодня, кёрст Эрнстон просил меня оказать ему честь и позволить пригласить себя в ту самую кондитерскую.

Поскольку приглашение было назначено на утренние часы, кёрста Тиан сочла его вполне приличным.

— Я не вижу ничего плохого в такой встрече, кёрста Элен, но как я вам уже говорила, старшая вы в роду или не старшая, а одной девушке вашего возраста появляться в общественных местах не стоит. Если вы намерены принять приглашение, советую взять с собой Линка. Кроме того, — добавила кёрста мягко, — вам совсем не помешает немного развеяться. У вас слишком много забот, Элен.

Я поколебалась — не сразу смогла решить, стоит ли идти. Потом подумала о том, как напряженно держаться соседки, едва кивая при встрече. О том, что все они значительно старше меня, замужем и имеют уже своих детей. А ведь отношение ко мне не может не сказаться на отношении к детям.

Надо как-то вживаться в это тесное общество, притираться к его правилам и манерам, а не сидеть бирюком, запершись в доме. Дела у меня начнутся только после визита к кёрсту Форшеру, на второй день недели. Может быть, действительно, стоит попробовать немного отдохнуть?

Кёрсту Эрнстону я ответила, что буду утром гулять в парке Сен-Морсор вместе со своим братом. Если кёрст желает — он может

присоединится к нам.

Линк унес письмо к ближайшему почтовому отделению, а я вытряхнула свой гардероб и задумалась — может быть, стоит что-то обновить?

Глава 27

Платье для прогулки я выбрала самое легкое, какое у меня только было. Все же летняя жара давала о себе знать.

Белый ситец в мелкий голубой цветок, удобный покрой, юбка средней длины и широкий пояс, который завязывался сзади бантом. Шляпки для ношения здесь были не обязательны, что меня радовало, а для защиты от солнца кёрста Тиан предложила мне воспользоваться своей очаровательной парасолькой.

На Линке был белый полотняной костюм, Грей блистал черной кожаной шлейкой с медными клепками и, в целом, наверное, мы смотрелись очень неплохо. Точно сказать не смогу, потому что зеркала в рост в доме просто не было.

Извозчик уже дожидался и через двадцать минут мы входили в ворота парка. В связи с выходным народу в парке было немного — в такие дни семьи с детьми или шли в гости или принимали гостей у себя. Кёрст Эрнстон уже дожидался нас, терпеливо сидя на скамейке, на самом солнцепеке. Я познакомила их с Линком, он предложил мне руку, и мы свернули в тенистую аллею, ведущую вглубь парка — кёрст решил показать нам самое большое озеро.

— По легенде, кёрста Элен, именно у этого озера произошла судьбоносная встреча всевышнего Айлюса и Аверона Рогерамского. Конечно, тогда Аверон еще не был ни Рогерамским, ни Великим... Впрочем, что я вам рассказываю! — засмеялся он. — Вы и сами безусловно все это знаете.

Я натужно старалась сохранить на лице милую улыбку. Разумеется, ничего этого я не знала и первый раз подумала о том, что учить надо не только Линка и Эжен, но и мне самой не помешало бы знать хотя бы основные исторические вехи и географические названия. По сути, я не знала даже названия соседних стран.

Заняв все свое время работой с игрушками, без конца высчитывая себестоимость и думая, где и что купить дешевле, я полностью упустила такие вещи, как местная религия, легенды и история. Сейчас же я шла, опираясь на руку красивого молодого человека и с ужасом

понимала, что я не знаю, о чем говорить. Более того, я не представляю какие темы вообще допустимы в беседе.

Прогулка, которая обещала быть легкой и интересной превращалась в какой-то натужный кошмар. Линк с удовольствием носился вокруг нас, обучая Грея приносить палку. Получалось это далеко не всегда. Точнее, бежал-то за палкой щенок всегда, но вот возвращать ее хозяину вовсе не желал, потому слушать наши разговоры Линку было не интересно — он был очень занят. А я даже не понимала, можно ли спросить, где работает кёрст Эрнстон.

Старые деревья давали глубокую тень, я закрыла парасольку, для чего мне пришлось убрать руку с локтя кёрста и теперь мы с брели параллельно на расстоянии примерно метра.

Здесь было очень красиво и тихо, легкий ветерок шевелил листву и, иногда, на густо затененной аллее мелькал яркий солнечный луч, пятном ложившийся то на крошечный сверкнувший осколок стекла, то на одну из скамеек стоявших вдоль аллеи.

Пахло разогретой травой, к запаху примешивались сладкие медовые нотки луговых цветов — в просвете деревьев мелькала декоративная полянка.

Чувствуя мое напряжение и замкнутость, кёрст старался разговорить меня, но почти все темы, которые он затрагивал, ставили меня в тупик.

Я не была в театре на зимней премьере нашумевшей оперетты, я не ездила в прошлом году, как, впрочем, и в этом на модный курорт, более того, когда отчаявшийся кёрст назвал пару модных магазинов я и тут не нашла что сказать — я там никогда не бывала. Моя улыбка становилась все более вымученной.

Мы потихоньку дошли до озера, действительно очень красивого, пусть и небольшого, я с удовольствием полюбовалась на медленно и плавно скользящих по воде черных лебедей — царственные птицы не обращали никакого внимания на бродящие по берегу редкие парочки.

Двинулись мощеной тропинкой вдоль берега, Линк и Грей скакали метрах в десяти перед нами. Молчание становилось почти натужным, но ситуацию, как ни странно, спас кёрст Пужон.

Чуть подвыпившая компания из трех мужчин и двух женщин, вывалилась на дорожку ведущую вдоль озера из какой-то боковой аллеи, отсекая от нас Линка. Время и место для пьянки было более

чем странное. Но один из мужчин запрокинув голову, сделал пару глотков вина прямо из большой, оплетенной соломкой бутылки и передал ее следующему.

Они стояли прямо перед нами, о чем-то шумно разговаривая и смеясь, и даже не собирались подвинуться, чтобы дать нам дорогу.

Третий мужчина выхватил бутылку со словами:

— Хватит тебе, Фернан!

Фернан достаточно громко отрыгнул, чем вызвал у своих друзей и женщин всплеск восторга и смеха. Я с ужасом узнала кёрста Пужона.

После того, как кёрст отстоял свое право жить в доме до осени, отношения наши были совсем уж натянутые и прохладные. Разумеется, случайно встречаясь во дворе мы здоровались, но на этом и все.

Я не могла забыть объяснений кёрсты Тиан, а он, очевидно, был недоволен тем, что его выселяют. Гости у него бывали нечасто, да и шумными они не были. Но сейчас, глядя на компанию, я поняла, что спутницы его — дамы облегченного поведения. Те самые, о которых не принято упоминать в приличном обществе. Об этом говорили и глубокие декольте, и яркая, чуть размазанная краска на лицах, да и их опьянение.

Встреча и сама по себе была очень неловкой, но арендатор сильно постарался сделать ее еще отвратительнее. Вместо приветствия он обратился ко мне со словами:

— О, Элен, не хотите ли выпить с нами?!

Конечно, другие посетители парка были далеко, но я чувствовала, как загорается у меня лицо и уши от стыда. Будь я дома, я бы знала, что делать, но сейчас...

Кёрст Эрнстон одним ловким и плавным движением, прихватив меня за локоть, задвинул себе за спину. Сделав шаг вперед он спросил:

— Вам не кажется, любезный, что вы перепутали юную кёрсту с кем-то другим?

Со спины я видела, как он напрягся и сжал кулаки. Кто знает, чем бы кончилась эта гадостная сцена, но тут одна из женщин, та самая, что только что отхлебнула из бутылки, с пьяным смехом обхватила шею кёрста Пужона руками и заявила:

— Котик! А вино-то у нас кончилось! А кто-то хвастался, что пить мы будем до упаду!

Ответить мой сосед ничего не успел — он выдирался из объятий смеющейся женщины, а кёрст Эрнстон обратился к одному из мужчин:

— Будьте любезны, пропустите нас.

— Пожалуйста, пожалуйста! — шутливо раскланялся пьяненький мужчина, неловко сдвигаясь к обочине. Ему было хорошо, никакого напряжения он уловить не успел и вовсе не стремился к конфликту.

Спутник подхватил меня под руку и провел в освободившееся пространство.

Я не такая уж хрупкая и впечатлительная натура, но от ожидания скандала и возможной драки, меня потряхивало. Линк бежал к нам навстречу, догоняя несущего в зубах ветку Грея. Брат совсем запыхался и раскраснелся, я достала из сумочки носовой платок, протерла ему потное лицо и сказала:

— Линк, я немного устала, поэтому сейчас мы дойдем вон до той скамейки — я показала вдаль — и немного передохнем.

— Кёрста Элен, — вмешался мой спутник — я бывал в этом парке достаточно часто, там в глубине есть хороший летний павильон, можно будет заказать мороженое и немного посидеть.

Честно говоря, мне было совершенно все равно куда идти, лишь бы подальше от продолжающей гоготать за нашими спинами компании. Я повернулась к спутнику и сказала:

— Спасибо вам за помощь, кёрст Эрнстон!

— Пустяки, чистой воды пустяки! Вы знаете его?

— Этот человек арендует у меня часть дома. Осенью договор кончается.

Павильон напоминал огромную деревянную веранду, открытую с трех сторон. Там было прохладно. Набегавшегося Грея привязали у крыльца, и он задремал в тени у невысоких ступенек. Линк с удовольствием поглощал мороженое из большой креманки, а я думала о том, насколько же беспомощной оказалась. Не знаю, хотел ли Пужон серьезного конфликта, но я была рада, что до его выселения осталось меньше двух месяцев.

Однако, ванильное мороженое потихоньку делало свое дело — я успокоилась и дальнейшую нашу беседу, как ни странно, спас вопрос кёрста Эрнстона:

— Приходилось ли вам, кёрста Элен, путешествовать по железной дороге?

Я кратко рассказала о своей поездке в Майн, и в процессе выяснила, что кёрст является инженером компании «Локомотиос».

Сперва он несколько недоверчиво отнесся к моим расспросам, но мне действительно было интересно услышать все, что связано с этой технической новинкой.

Всю обратную дорогу я только задавала вопросы и кёрст удивленно косясь на меня, охотно отвечал.

Это действительно было очень интересно! Практически, история локомотивов в этом мире началась всего тридцать лет назад и семья кёрста Эрнстона стояла у самых истоков. Это именно его прадед запустил первую самоходную тележку с зубчатыми колесами по зубчатым же рельсам — тогда считалось, что гладкие колеса по гладким рельсам катиться не будут.

— О, кёрста Элен, эта ошибка чуть не стоила деду всего состояния! Вы же понимаете, что такой эксперимент — очень дорогое удовольствие. Однако, дедушка не успокоился, а привлек к своей работе еще двух инженеров. Через шесть лет была образована первая компания по производству локомотивов, и дед стал основателем ее!

Уже на прощание, у порога нашего дома, куда он довез нас на извозчике кёрст Эрнстон, задержав на секунду мою руку в своих, сказал:

— Вы удивительная девушка, кёрста Элен! Я даже представить себе не мог, что тема паровозов будет вам так интересна.

Я засмеялась. На самом деле, мне не столь интересна была тема паровозов, сколько тема пассажирских вагонов. Именно это я и сообщила ему.

— Вагонов? — похоже кёрст слегка растерялся — А что не так с вагонами?

— Ну, мне кажется, они не слишком рационально устроены.

Он посмотрел на меня с любопытством и чуть насмешливо, но с любопытством, спросил:

— Вы хотите сказать, кёрста Элен, что знаете как обустроить вагоны лучше?

— Возможно и знаю!

Я с вызовом посмотрела ему в глаза. На что он очень серьезно ответил:

Глава 28

К кёрсту Форшеру я отправилась сразу же после завтрака. Разговор с ним и удивил, и слегка встревожил меня.

— Кёрста Элен, я собрал информацию по вашему вопросу. С моей точки зрения вам, кёрста, стоит основать свою торговую марку.

Я растерялась, ни о чем похожем я даже не думала. В моем представлении идеальной была бы маленькая мастерская, где две-три наемных работницы шили бы игрушки по моим эскизам. Разумеется, у меня сразу же назрел вопрос:

— Кёрст Форшер, а во сколько мне обойдется оформление документов и открытие собственной марки?

Кёрст вздохнув, положил передо мной список того, что мне необходимо. Сам список оказался не слишком велик, но каждый его пункт был весьма увесист. Начиная от стоимости оформления и заканчивая требованием иметь собственную мастерскую с адресом. Я покачала головой и сказала:

— Кёрст Форшер, у меня просто не хватит на это денег.

Кёрст нахмурился и неторопливо продолжил:

— Не отказывайтесь сразу, кёрста Элен. Когда я выяснял подробности, я подозревал, что ваши финансовые дела обстоят не лучшим образом и поэтому попутно обдумал пару вариантов. Например, такой — ваш дом принадлежит только вам, дети не являются наследниками. Понимаете? Дом находится в хорошем районе и не требует срочного ремонта, потому банк вполне может выдать вам неплохую сумму под залог недвижимости.

Заметив, что я хочу что-то сказать и отрицательно трясую головой, кёрст продолжил:

— Не торопитесь отказываться, не выслушав все! Есть другой вариант, сложнее, длиннее по времени и не такой надежный — вы можете нанять пару мастериц, сшить хотя бы сорок-пятьдесят таких игрушек и продать их в хороший магазин, а уж на эти деньги заняться оформлением торговой марки.

Кёрст помолчал и добавил:

— Это значительно более рискованный вариант, кёрста Элен. Придется действовать очень быстро и, возможно, доплачивать за скорость оформления документов. Если вы промедлите, кто-то достаточно шустрый может опередить вас и заключить контракты с магазинами на изготовление таких игрушек. Кто-то, у кого уже есть зарегистрированная торговая марка.

Я сидела молча, обдумывая все что услышала. Рисковать домом мне было откровенно страшно. Случись что — дети окажутся на улице. Однако, партия игрушек, которые я могла продать одновременно доросла уже почти до семидесяти штук. Зато я рисковала не успеть оформить свою торговую марку. Крепко потеряла виски, мне казалось, что есть, есть какое-то другое решение!

— Кёрст Форшер, мне никогда не приходилось раньше продавать что-либо в магазины... Скажите, а при продаже партии игрушек составляется ли какой-то документ, договор или что-то еще?

Удивленно вскинув седые лохматые брови, кёрст Форшер ответил:

— Боюсь, кёрста Элен, я не слишком осведомлен, как именно оформляются торговые операции. Но, безусловно, какие-то документы при этом составляются. Ну, хотя бы для того, чтобы потом высчитать налог.

— Кёрст Форшер, а нельзя ли будет в таком договоре прописать условие?

— Условие? Какое условие, кёрста Элен?

— Например — сроки поступления в продажу.

Законник растерянно помотал головой, показывая, что не понимает, о чем я говорю, поэтому я пояснила:

— Вот смотрите, кёрст Форшер... Допустим я привезу сегодня в магазин свою партию игрушек и там мы подпишем какой-то документ, где будет указана цена на них.

— Ну разумеется, кёрста Элен, какие-то внутренние документы в магазине существуют.

— Вот! Вы нашли хорошее слово — внутренние. А мне нужен не внутренний документ, а наоборот. Документ, в котором будет указано, что я продала партию игрушек, столько-то штук, по такой-то цене и что в продажу они поступят не ранее, чем через два месяца от момента подписания бумаги.

На мгновение глаза кёрста Форшера стали какими-то стеклянными — он обдумывал то, что услышал.

— Ага! — после значительной паузы он снова сказал: — Ага! Я понял! Это неплохое решение, кёрста Элен, совсем неплохое. Тут все упирается в одну тонкость — будет ли владелец магазина на столько скромн и честен, что сохранит вашу маленькую тайну? Вы же понимаете, он может и не пускать их в продажу в течении двух месяцев, а просто показать представителям торгового дома, с которым уже работает. Понимаете?

Я приуныла. Кёрст был прав, а я не смогла предусмотреть все. Кроме того, почтенный кёрст слишком слабо разбирался в торговле. И тут меня осенило — мне нужен совет кого-то, кто хоть немного знает торговую кухню. Кого-то более практичного и приземленного. Мне нужен совет трока Суржа!

Я забрала список со стола кёрста Форшера, сказала, что мне нужно подумать и собралась уже было уходить, когда кёрст начал торопливо выкладывать из ящика письменного стола мои игрушки — я про них чуть не забыла.

— Кёрста Элен, — несколько смущенно заговорил он — а не могли бы вы считать заказом вот такую игрушку. — он подтолкнул ко мне маленькую серую мышь и вопросительно глянул на меня.

— В каком смысле — заказом, кёрст Форшер? Я не поняла.

— Ну, как будто это вы сделали Мисту на заказ для меня! — и глядя на мое недоумевающее лицо, добавил — Я просто хочу купить ее!

Я засмеялась. Представить себе, что пожилой и солидный кёрст захотел иметь такой талисман, было почти невозможно. Но вот же — он стоит, смущается и хочет купить!

— Кёрст, я охотно подарю вам эту безделушку просто в благодарность за вашу заботу. Пусть я слабо разбираюсь в законах, но я же видела, что вы делаете несколько больше, чем обязаны. — я подтолкнула мышку по столу назад, к кёрсту Форшеру.

Все еще неловко пряча глаза, кёрст убрал мышонка в верхний ящик стола и почти шепотом сказал:

— Понимаете, в детстве у меня была похожая... Конечно, не такая красивая, гораздо проще...

Трока Суржа, к моему сожалению, на месте не оказалось. В конторе сидел какой-то хлипкий молодой человек, который снабдил меня листком бумаги и пером и клятвенно пообещал передать все троку сразу же, как он вернется. В записке я поблагодарила за отличную работу и спросила, не найдет ли он времени заглянуть к нам в гости сегодня или завтра, в удобные для него часы.

Может это было и не слишком правильно — приглашать в дом мужчину, но мне нужен был довольно длинный разговор и все советы какие только трок Сурж сочтет возможным мне дать. Втайне я надеялась, что среди его деловых знакомств найдется человек, с которым я смогу иметь дело.

Рассуждала я просто — не с одними же старьевщиками трок сотрудничает? Проще говоря, я хотела воспользоваться его деловыми знакомствами. Может быть, это и выглядело не слишком красиво — бесплатно пользоваться знаниями другого человека. Однако, я точно знала, что ремонт второй половины дома я тоже буду заказывать у него, так что эти советы можно будет рассматривать как небольшой бонус.

Если день не задался, то он не задался во всем! Не успела я выбраться из коляски извозчика, как меня окликнул кёрст Пужон:

— Кёрста Элен, рад вас видеть!

— День добрый, кёрст Пужон! — сухо ответила я.

Попыталась пройти мимо, но кёрст загородил мне дорогу и начал нудно извиняться за встречу в парке. Я вынуждена была стоять, слушать и улыбаться, а кёрст все нудил и нудил...

Наконец, видимо решив, что он все уже исправил, кёрст перешел к тому, что его действительно волновало:

— Кёрста Элен, я понимаю, что наше знакомство с вами произошло как-то неправильно. Я арендую этот дом уже семь лет и всегда прекрасно ладил с прежним хозяином — вашим папенькой. Возможно, нам с вами стоит забыть неудачную встречу в парке и начать заново? Например, сейчас у меня дома стоит коробка прекрасных пирожных! Позвольте кёрста, пригласить вас на чашку чая, и мы сможем спокойно обо всем договориться.

Понимая, что по местным меркам его предложение совершенно неприлично, я растерялась, не зная, как послать кёрста, а он посмотрел на мое ошарашенное лицо и, улыбаясь, добавил:

— Я прекрасно понимаю, милая Элен, как тяжело вам приходится с такой обузой! Заодно, я смогу подсказать вам адрес прекрасного пансиона. Скинув с плеч та-акой груз, — слово «такой» он выделил голосом — вы ощутите всю прелесть свободы!

Очевидно, что мое обалдение кёрст принял за колебания и удвоил количество «соблазнов»:

— Только подумайте! Сейчас вы почти лишены и светских знакомств, и возможности проводить время по своему усмотрению. А вы молоды и привлекательны, Элен. И очень неопытны... Иначе бы знали, что молодость, как и красота, у девушек проходит оч-чень быстро. И юной кёрсте всегда полезно иметь рядом солидного и обеспеченного друга!

Кёрст Пужон поймал влажными лапами мою руку и попытался поцеловать.

До того, как у меня появилась первая машина, я много лет ездила городскими автобусами. Что делать с придурками, которые, пользуясь теснотой и давкой, норовят облапать, знала прекрасно. Я даже не стала вырывать руку, а напротив, шагнула прямо на кёрста Пужона и, когда он пошатнулся от неожиданности, со всей дури наступила каблучком на кончик его лаковых ботинок.

— У-у-уй... — просипел на вдохе кёрст Пужон.

Я ласково улыбнулась, похлопала ресничками и кокетливо сказала:

— Простите меня, кёрст Пужон! Я такая неуклюжая!

Выждала паузу, пока он не перестал морщиться и глядя прямо в глаза добавила:

— Пошел вон, старый козел! В следующий раз так просто не отделаешься!

Глава 29

Трок Сурж нашел время навестить меня после обеда, на следующий день.

Не слишком довольная визитом, а потому — особенно чопорная, кёрста Тиан помогла мне быстро накрыть чай. Эжен спала, Линк из-за легкого дождика остался дома и валялся с книжкой в своей комнате, а мы беседовали в гостиной под бдительным оком кёрсты. Нельзя сказать, что все мои вопросы разрешились легко — трок Сурж не имел, к сожалению, нужных связей. Зато он посоветовал мне к кому можно обратиться.

— Сам он, как вы видели, кёрста Элен, предпочитает работать на себя. А вот его брат очень неплохо устроился — знаете магазин «Детская радость»? Так вот, младшенький его там — помощник управляющего. Эка скакнул!

Магазин я видела, когда жила с детьми в гостинице. Заходить в него, правда, не стала. Даже по фасаду здания было видно, что не с моими деньгами посещать такие заведения, а расстраивать Эжен зря — мне не хотелось. Сестренка еще слишком мала, чтобы понимать фразу — «нет денег».

Однако, для себя я решила — стоит посетить магазин одной, посмотреть ассортимент и цены. Возможно, кроме мягких игрушек я смогу подстраховаться еще чем-то? Например — более удобными моделями детской одежды. То, что носили местные дети, чьи семьи принадлежали к среднему классу, было дорого, но не удобно.

Самое забавное, что, когда я объясняла троку Суржу, что именно мне требуется — пришлось продемонстрировать ему несколько игрушек. И закончился этот показ тем же самым, чем кончился в кабинете с кёрста Форшера — трок Сурж захотел приобрести игрушку для своего сына.

Выбор его пал на ярко-рыжую зеленоглазую лисичку с белоснежным пушистым воротником. С удивлением потискав зверька, трок провозгласил:

— Надо же — легкая какая! Да и в руках держать приятно. Пожалуй, кёрста Элен, я, попозднее, у вас для сына еще один

подарочек закажу.

Разумеется, я немедленно подарила троку игрушку — мне было приятно отблагодарить этого громкоголосого толстяка за его помощь.

Днем мы с Линком нанесли очередной визит в лавочку трока Крипа. Грея, к сожалению, пришлось в этот раз оставить дома, и он проводил нас недовольным скулежом.

На самом деле это была не одна лавочка, а несколько темноватых помещений, соединенных общим складом. В одной из комнат торговали ношеным тряпьем, мехом, нитками и прочим. Совсем уж рухлядь сдавали на бумажную фабрику. В следующей комнате — разрозненные фарфоровые сервизы, кастрюли и горшки, глиняные миски и вазочки со сколом. Тут, кстати, можно было найти и абсолютно целую посуду — главное было — хорошо поискать. Третий зал, самый большой, отведен под реставрированную мебель.

Завидевший меня в окно Бурт, сноровисто выставил на прилавок мешки с меховой рухлядью, но сегодня я копалась в них значительно меньше. Отложив необходимое, я попросила пригласить самого трока Крипа.

Привычно держась за поясицу и несколько демонстративно покряхтывая, трок Крип окинул меня подозрительным взглядом и сказал:

— Ну, кёрста Элен, раз поговорить — пройдемте в кабинет.

«Кабинет» представлял собой крошечную сумрачную комнатку, добираться к которой пришлось лавирую между ломаной и целой мебелью склада. Трое рабочих, переругиваясь, меняли обивку на когда-то роскошном диване.

Линк рассматривал все это почти с восторгом — для него это было целое приключение. Умоляюще глядя на меня, он спросил:

— Элен, можно я тут останусь? Я просто посмотрю!

Я вопросительно глянула на трока Крипа. Старик недовольно пожевал губами и позволил:

— Близо не подходите, юный кёрст. А то еще, спаси Айлюс, пришибет!

Разговор с троком сложился не сразу. Прежде, чем он согласился выполнить мою просьбу, он дотошно выпросил зачем мне нужно это знакомство.

— Младшенький-то мой далеко шагнул! Пусть и трок, а с кёрстами работает и в приличном обществе находится!

— Зато, трок Крип, если я смогу договориться с вашим братом — я буду покупать у вас гораздо больше меховых изделий. Понимаете?

Трок снова пожевал губами, но в этот раз как-то задумчиво. И в конце концов пообещал познакомить меня со своим драгоценным «младшеньким».

Чтобы придать этому визиту официальный характер я оставила троку Крипу маленькую карточку со своим именем и адресом, на обратной стороне дописав приглашение на чашку чая.

Линк к этому времени уже выпросил у рабочих молоток и с удовольствием вбивал гвозди в какой-то старый стул. Уходить ему явно не хотелось — сумрачное помещение склада выглядело в его глазах не хуже пещеры Али-бабы.

На следующий день трок Крип-младший нанес мне визит. Это был совершенно иной типаж торговца, чем его брат.

Модно, но без излишеств одетый мужчина лет тридцати пяти, чуть полноватый и солидный. В нем не было угодливости продавцов в магазинах, но не было и ворчливости, и недоверчивости старшего брата.

Кёрста Тиан, не слишком довольная участвовавшими визитами мужчин в наш дом, оттаяла минут через пятнадцать от начала чаепития. Я вздохнула про себя с облегчением — она сочла трока Крипа достаточно воспитанным человеком. Значит, если будут нужны еще визиты и деловые встречи, возражать кёрста не станет.

Трок Крип далеко не сразу понял, кто у нас в доме главный — мне не хватило светских навыков представить кёрсту Тиан как гувернантку, потому и обращался он первое время к ней, как к старшей за столом. Пришлось пояснить, что делами здесь занимаюсь я.

Когда дело дошло до демонстрации игрушек, мужчина проявил редкостное внимание. Он тщательно обследовал все швы, одобрительно высказался о необычном крое и в целом, оценил модели достаточно высоко.

— Кёрста Элен, игрушки, безусловно, отменного качества и, в целом, у меня достаточно полномочий, чтобы пойти вам навстречу. Как раз через два месяца необходимой вам отсрочки, в город вернутся семьи с детьми, которые уезжали в свои поместья или проводили сезон

на море. Торговля оживет, это общеизвестно. Но мы — крупнейший магазин в городе. Сможете ли вы, кёрста, — он с сомнением посмотрел на меня — организовать за это время регулярные поставки в нужном объеме?

Разговор приобретал более четкий характер. Пришлось, извинившись, убрать со стола чайную посуду. Мы разложили на столе бумаги и начали устанавливать цену на каждую модель, обсуждать количество и сроки поставок.

Когда трок Крип уходил, голова моя гудела от изобилия цифр и расчетов, но в целом, предварительной договоренности мы достигли.

Кёрста Тиан, все это время тихо вязавшая в углу зала кружевную салфетку, с волнением в голосе спросила меня:

— Кёрста Элен, вы не боитесь?! Ведь это же... — она запнулась, подбирая нужные слова, — ведь это же — целое производство!

— Боюсь.

— И вы рискнете?!

— Сегодня я ничего решать не буду. Завтра, на свежую голову, проверю расчеты. Потом я узнаю, сколько мне придется платить мастерицам. Сколько будет стоить аренда помещения. И только потом приму решение.

Кёрста вздохнула, покачала головой, но отговаривать меня не стала, за что я была ей очень благодарна — сомнений у меня и своих хватало.

Следующие дни слились в пестрый клубок встреч и разговоров. Я довольно сильно умотала Линка бесконечными разъездами и, понимая, что это ненормально — таскать брата на деловые переговоры, начала задумывать о том, что в расходы придется включить еще и содержание женщины, которая будет сопровождать меня.

В данном случае, моя внешность очень сильно работала против меня же — некоторые просто отказывались от беседы и не всегда помогало даже то самое удостоверение «старшей в роду». Как довольно грубо заявил мне один владелец пригородного домишки, который я присматривала под мастерскую:

— Ха! А ежели у вас денег через месяц на аренду не хватит, да вы рыдать начнете, то что мне толку будет с вашей бумажки?! Нет уж, кёрста, ступайте с богом...

Тем не менее, просчитав все и вбив десять процентов на непредвиденные расходы, я все равно получала от тридцати до сорока процентов чистой прибыли. Слишком уж отличались мои игрушки, потому и цену на них я могла поставить очень привлекательную для меня. Теперь главное было найти мастериц, оформить документы и наладить непрерывный поток изделий — тогда у магазина не будет нужды подписывать контракт с другой торговой маркой.

Выходной день в этом мире был почти «священной коровой» — в этот день даже продуктовые лавочки работали только до обеда и не проводились никакие деловые разговоры. Именно поэтому, я смогла слегка выдохнуть и отправиться с кёрстом Эрнстоном, Линком и Греем на прогулку в парк — нам был просто необходим этот отдых.

Глава 30

К началу осени наше финансовое благополучие висело на тонюсеньком волоске.

Магазин вывез игрушки. Я открыла с помощью кёрста Форшера свою торговую марку. За небольшую сумму художник сделал очень симпатичный логотип — забавного щенка с одним задранном ухом. Заказала отпечатать картинку в одной из типографий и собралась вешать на каждую игрушку. Разумеется, моя торговая марка носила название — «Грей».

Игрушки все еще не пустили в продажу — трок Крип-младший держал свое слово. А я судорожно металась по делам, жалея, что в сутках всего двадцать часов.

В арендованном на окраине города домике ежедневно собиралось пять нанятых мастериц, которые сшивали детали игрушек, раскроенные лично мной. Еще одна девушка целыми днями разбирала и мыла старые меховые вещи. Теперь трок Крип не справлялся с поставками, и я познакомилась, кажется, со всеми старьевщиками города.

Пришло две тяжелых упаковки кукольных глаз, доставленных почтой из Майна. Брака оказалось почти десять процентов — я написала рекламацию на фабрику и пригрозила, что найду другого поставщика. Пока еще ответа не было.

Основная проблема была в том, что у меня практически кончилась наличка, но даже это было бы не так страшно — на днях будет дошита первая партия игрушек и начнутся продажи. Значительно хуже было то, что у меня не было денег нанять себе женщину для сопровождения и мне не на что было оплатить школу Линку.

Я с нетерпением ждала, когда уже свалит к черту кёрст Пужон, но даже на ремонт его половины у меня также не было денег.

Единственной отдушиной среди сумасшедшей работы и постоянных разъездов для меня стали еженедельные прогулки с кёрстом Эрнстоном.

Как правило, мы все также, с Линком и Греем, приезжали к центральному воротам парка, где он терпеливо дожидался нас и гуляли

привычным маршрутом по одевающейся в осеннее золото аллее, до озера с лебедями и любимого всеми нами заведения с мороженым.

Однако, осень вступала в свои права и уже дважды прогулки пришлось отменить из-за дождей. Это были самые печальные выходные, когда я не знала толком, как отвлечься от тяжелых мыслей.

Я понимала, что Кёрст ухаживает за мной и получала удивительное удовольствие от неторопливости процесса. Мы никуда не спешили! Медленно гуляя по парку, вели спокойные разговоры обо всем на свете, иногда немного спорили, но почти всегда Кёрст Эрнстон с улыбкой уступал мне.

Я читала, что когда-то такие ухаживания могли длиться не один год, но даже представить себе не могла, что это совсем не скучно, а напротив — совершенно волшебно.

Один из наших первых разговоров был посвящен устройству железнодорожного вагона. Я по памяти набросала схему, которая поразила Кёрста. Разумеется, с точки зрения эргономики для него этот вагон показался настоящим чудом. Бумажку с небрежным рисунком от руки он, с моего позволения забрал себе. Что ж, если в этом мире раньше появятся более безопасные вагоны — это только к лучшему.

Кёрст Эрнстон часто и с любопытством расспрашивал меня о моих делах с торговой маркой. При этом мне не слишком нравилась его реакция — он никогда и никак не оценивал ни мои достижения, ни мои потери. Просто вбирал информацию, не делаясь результатами размышлений.

Впрочем, за это лето у нас и без того появилось множество тем для разговоров. Начиная от дрессировки собак и моего отношения к охоте, включая обсуждения светских условностей, неожиданного зигзага моды — в этом сезоне мужчины носили алые шелковые галстуки, и кончая прочими, важными и смешными вещами.

Меня очень радовало его почтительное отношение. Кёрст никогда не пытался схватить меня за руку или потискать в какой-нибудь темной аллейке. Максимальная вольность, которую он себе позволял — поцеловать мне руку у порога нашего дома. Я впервые поняла смысл такого неторопливого знакомства.

Однако, выходной заканчивался, и я снова возвращалась в суету работы, мучительно думая о том, что Линку придется пропустить целый год без обучения.

В школу мальчишки начинали ходить с восьми лет, а Линку было уже двенадцать. Конечно, немного его учили дома. Сливки общества и вообще детей в школу не посылали, приглашая учителей на дом, но нам такой вариант не подходил.

Спасение пришло так неожиданно, что после я сочла нужным сходить всей семьей в церковь и помолиться Айлюсу. Не знаю, он ли помог или это просто случайность, но судьбе я была действительно благодарна. Если не считать моего переселения сюда, это было первое чудо в моей жизни!

В один из тех дождливых выходных, когда наша традиционная прогулка была отложена, я решила заняться уборкой в своей комнате, перебрать вещи и гардероб и устроится поудобнее.

С тех пор, как мастерская переехала на окраину города, полки из-под игрушек оставались пустыми, и моя спальня производила странное впечатление. Марта приходила только вчера, намыла полы и протерла пыль, а уходя, захватила с собой корзину с грязным бельем, так что у меня было чисто, но не уютно.

После обеда, когда Эжен спала, Грей, с довольным урчание, грыз в прихожей солидную говяжью кость, а кёрста Тиан проводила очередной урок математики с Линком, я тихо возилась за шторой, перебирая вещи.

Отложила одно зимнее платье — оно было совсем уж ветхим. С сомнением посмотрела на любимое летнее — тоже поизносилось, задумчиво покрутила белую ткань в голубой цветочек и подумала — может стоит вырезать пару салфеток? Края можно будет обвязать тонкой полосочкой кружева, а сама ткань выглядела довольно нежно. Однако, эту идею я осуществлять не стала — возни много, а стилистически они в комнату не впишутся.

И тут я вспомнила, что где-то на дне сундука, у меня лежат те самые резные фигурки, взятые из кабинета папаши. Порылась и нашла их, завернутые в старую сорочку. Сорочка присоединилась к кучке тряпья на выброс, а фигурки я расставила на одной из полок. Надо сказать, что помогло это мало — полки были достаточно большие и широкие, а эти микростатуэтки — крошечные, однако, убирать их я уже не стала.

Пожалуй, поищу в лавке трока Крипа-старшего какие-нибудь небольшие вазочки. Букеты из осенних листьев способны украсить

любое помещение. А на зиму в них можно будет ставить небольшие композиции сухоцветов.

В стену аккуратно постучали, отдернулась штора, заменявшая мне дверь и кёрста Тиан, сказала:

— Кёрста Элен, на сегодня мы с кёрстом Линком закончили занятие, но пусть он перепишет вчерашнее упражнение. В целом, могу вам сказать...

Кёрста выдержала странную паузу, глядя мимо меня и как-то очень тихо, почти шепотом спросила:

— Кёрста Элен, а вы не боитесь выставлять это?

Я даже не поняла, о чем она говорит и вопросительно глянула на нее. Видя мое недоумение, кёрста Тиан сочла нужным пояснить:

— У нас, конечно, дом не из самых богатых и вряд ли кому придет в голову искать здесь такие сокровища... Но все же, мне кажется, выставлять это на полку не слишком благоразумно.

Тут до меня дошло — кёрста говорит про те самые статуэтки.

Марагонские символы года, вырезанные из камня мастерами эпохи Цанго, стоили баснословных денег. Взволнованная кёрста Тиан сполна насладились моим недоумением и рассказом о том, как и где я получила эти сокровища.

— Что, даже не понимая их цены?! Просто так сложили в сундук и забыли?! С ума сойти! Вас берег пресветлый Айлюс, не иначе! Я не очень разбираюсь, кёрста Элен... Но если это не подделка — вы довольно богатая невеста!

Плохо было то, что коллекция была не полна, из шестнадцати необходимых, у меня было только одиннадцать, но даже их я не рискнула продавать вместе, чтобы не вызывать излишнего любопытства.

Однако, в первом же ювелирном магазине, куда я заявила, пожилой низенький оценщик, долго рассматривавший маленькую помесь крокодила со львом, вздыхая и бережно протирая фигурку бархатной салфеткой, предложил мне за нее сто тридцать золотых ферков. Я молчала, и он добавил:

— Сто пятьдесят, кёрста! Прямо сейчас — сто пятьдесят. Но больше не добавлю ни фанка. Решайте.

Минуту поколебавшись, я поблагодарила мужчину, забрала фигурку и ушла.

Я обойду с ней все самые дорогие магазины и продам максимально дорого. Раз уж такие деньги свалились на нас случайно, глупо начинать ими швыряться.

В центр города, к самым дорогим магазинам, я отправилась в сопровождении кёрсты Тиан. Линк остался дома с Эжен. Долго ходить нам не пришлось, цену везде называли чуть больше, чем первый продавец, но продажа произошла в том магазине, где оценщик сказал:

— Прекрасная работа по камню! Изумительная! И какая сохранность! Ах, кёрста, если бы их было хотя бы восемь, половина цикла, я дал бы сверху еще тридцать процентов на каждую!

Крепко сжав локоть тихо ахнувшей кёрсты Тиан, я сказала, что должна подумать. Сумма выходила огромная и мне стало страшновато. Мне нужен был хороший совет. Конечно, здесь не мой мир и не девяностые годы, но осторожность никогда не помешает.

Глава 31

Линк отправился в школу, одетый как юный денди — денег нам теперь хватало на все.

После небольшой консультации с кёрстом Форшером я продала все фигурки оптом и тем самым еще немного подняла стоимость каждой — коллекция, пусть и не полная, стоила дороже одного единственного экземпляра.

В общей сложности на наших счетах в данный момент лежала сумма в две тысячи четыреста золотых. Свою долю, как и доли детей, я разделила пополам и отнесла в два разных банка — так мне казалось надежнее. Процент по вкладу позволял мне жить ни в чем себе не отказывая, поднять и выучить детей, обустроить им место в жизни, да еще и оставалось на чай с пирожными.

Я вздохнула с облегчением и наняла еще несколько мастериц для работы с игрушками — у меня появилась новая мысль. Пусть останется цех, шьющий из меха, но пусть появится и новое направление.

Кёрст Пужон наконец-то съехал, и в той половине дома начался ремонт — проводили газ, меняли сантехнику, обои и делали многое другое. А я поручила кёрсте Тиан подобрать хорошую бонну для Эжен, повариху и пару горничных для постоянной работы. Она всяко лучше меня разбиралась в этом вопросе.

Через три дня состоялась несколько странноватая беседа. Выбрав время после ужина, когда Эжен тихонько возилась с Греем на ковре, а Линк в своей комнате корпел над домашним заданием, кёрста Тиан, потупившись, спросила:

— Кёрста Элен, вы собираетесь меня уволить?

Я так удивилась, что не сразу нашлась с ответом:

— Я?! Зачем уволить? Нет кёрста Тиан, совсем не собираюсь. Почему вы так решили?

— Скоро ремонт будет окончен, вы переедете туда, сможете нанять не только бонну, но и гувернера для Линка, и я, в общем-то, буду вам уже не нужна.

Я задумалась — такие мысли мне, признаться, в голову не приходили.

— Кёрста Тиан, я не очень понимаю, а обязательно ли Линку нужен гувернер?

Кёрста вздохнула и ответила:

— Так принято, мужчина будет следить, чтобы юный кёрст правильно одевался, отдавал необходимое время учебе и не пренебрегал прогулками.

— Кёрста Тиан, позаботиться о чистой одежде для Линка вполне может горничная, уроки Линк делает сам, а благодаря тому, что вы занимались с ним большую половину лета — он почти догнал своих ровесников. А уж гулять он прекрасно бегаёт и без нашего надзора. Не вижу смысла увольнять вас, а вот если бы вы захотели, я бы с радостью подняла вам зарплату, при условии, что вы возьмете на себя управление домом.

— В каком смысле управление домом?

— Ну, когда вы вели свое хозяйство, кто-то же у вас присматривал за работой прислуги, проверял счета и прочее?

— Я всегда этим занималась сама.

— Ну, вот и у нас вы можете заниматься этим же сами. Выбрать на свой вкус нормальный обеденный сервиз, заказывать поварихе те блюда, которые считаете нужным, следить за бонной Эжен, ну и всякое прочее. Подумайте, кёрста Тиан.

— Звучит заманчиво. — кёрста слегка улыбнулась.

А я, понимая, что она уже почти согласилась и немножко ругая себя за недогадливость — надо было поговорить об этом раньше и не нервировать ее — добавила:

— Разумеется, я подниму вам зарплату, но и это не главное, а главное... — я замолчала, с улыбкой ожидая вопроса и кёрста меня не подвела, слегка взволнованно она спросила:

— И что же самое главное?

— Ни вам, ни мне больше не придется мыть посуду!

Кёрста заулыбалась, но в глазах ее блеснули слезы. Мне было неловко — эта чуть суховатая поборница хороших манер и приличий за достаточно крошечную зарплату работала на совесть, а ее помощь по хозяйству и вовсе порой была бесценна. Это не входило в ее обязанности и делалось исключительно по доброте душевной —

бескорыстно. А я настолько привыкла к ее спокойному присутствию, что стала воспринимать кёрсту просто как часть нашей странноватой семьи.

Казалось бы, что может быть плохого в свалившихся на голову деньгах? Некоторое время я просто наслаждалась мыслью, что теперь-то в нашей жизни все будет прекрасно! Однако и вправду говорят, что боги не кладут два дара в одну корзинку...

Бабье лето подходило к концу, первые партии игрушек уже поступили в продажу, до переезда нам оставалось совсем немного. Приглашение на прогулку в парке кёрст Эрнстон прислал как обычно — с городской почтой.

День выдался не дождливый, но прохладный и я с удовольствием надела элегантный жакет, отороченный мехом. Линк в новом костюме смотрелся одновременно забавно и солидно. Грей, как всегда, был в восторге и нетерпеливо прыгал рядом.

— Скоро в нашем любимом павильоне мороженое продавать перестанут — они перейдут на горячие глинтвейны. Поэтому, думаю сегодня мы должны осилить двойные порции! — так нас поприветствовал кёрст Эрнстон.

Я засмеялась, Линк заскакал на месте, утрачивая всю солидность, и Грей радостно залаял неуверенным баском — просто так, за компанию, выразив удовольствие от встречи и прогулки.

Это свидание закончилось довольно неприятным разговором и никакое мороженое не могло подсластить горечь.

— Кёрста Элен, мы с вами знакомы уже почти пять месяцев, могу ли я поговорить с вами на достаточно деликатную тему?

— Конечно, кёрст Эрнстон. — Мне стало любопытно.

Линк, который до этого был полностью поглощен содержимым своей креманки, насторожил уши. Однако, как достаточно воспитанный ребенок, сделал вид, что ничего не слышит и не понимает.

— Кёрста Элен, мне неловко касаться этого вопроса, но я так понимаю, что вы недавно получили наследство.

— Можно сказать и так, кёрст Эрнстон.

— И ваше материальное положение значительно улучшилось?

— В общем да, кёрст.

Я не понимала сути этих вопросов, но насторожилась. Деньги — во всех мирах деньги. Однако, дальше разговор свернул в совершенно неожиданную сторону:

— Кёрста Элен, вы могли бы заметить, что я отношусь к вам с большой симпатией. Прошу, не считайте мой интерес праздным! — Он ласково и аккуратно взял мою руку в свои ладони и глядя в глаза спросил: Когда вы собираетесь закрыть свою торговую марку?

Признаться, ничего подобного я не ожидала!

— Закрыть? Зачем ее закрывать? Она только-только начала приносить прибыль!

Персиваль Эрнстон слегка нахмурился, отпустил мою руку и чуть раздраженно произнес:

— Элен, я терпел вашу причуду, когда считал, что вы крайне стеснены в финансах. Разумеется, мне это не нравилось! Но я практичный человек, и понимал, что обстоятельства могут складываться по-разному, и раз уж у вас нет родственников-опекунов и некому остановить и содержать вас, то Айлюс с ней, с вашей маркой — пусть будет. Но сейчас-то вам это зачем?

На несколько секунд я и в самом деле задумалась — а зачем мне это?

Дело ведь не в том, сколько трудов мне пришлось в это вбухать. Продержав марку еще несколько месяцев, я вполне могла бы неплохо продать ее любым конкурентам. Это дало бы еще несколько сотен золотых ферков. Вполне можно позволить себе расслабиться и бездельничать всю оставшуюся жизнь. Проблема тут была только в одном — мне было бы скучно.

Конечно, после того как кёрст Пужон съехал и в доме начался ремонт, соседи по улице стали значительно любезнее. Линк говорил, что все обсуждают размеры полученного мной наследства — даже до подростков доходили эти разговоры. Так что, да, я могу продать торговую марку и посвятить себя домоводству. Только вот я никогда так не жила и особого интереса к такому времяпровождению не испытывала. А больше всего меня насторожило, когда Персиваль произнес: «Разумеется, мне это не нравилось!».

Я понимала, что он за мной ухаживает. Я понимала, что, пусть и медленно, такие отношения развиваются в сторону брака, но раз он

считает, что может решать за меня, даже не спросив, нужно ли мне это самой, то...

Скажите пожалуйста — «он терпел»! Сейчас я злилась все больше, но рядом сидел Линк и мне нужно было взять себя в руки.

Я медленно и молча проглотила пару ложек мороженого просто для того, чтобы лучше обдумать формулировки, а потом тихо и спокойно, очень тщательно подбирая слова, сообщила кёрсту Эрнстону, что наши взгляды на жизнь слишком отличаются и я не вижу больше смысла в дальнейших встречах.

Надо отдать ему должное. Хотя мой ответ изрядно подпортили кёрсту настроение, однако, до выхода из парка он держался молодцом. А вот там, посадив меня и Линка на извозчика, не удержался и язвительно заявил:

— А ведь вы казались мне умной девушкой, кёрста Элен! Я даже хотел сделать вам предложение...

— Я рада, что больше вам так не кажется, кёрст Эрнстон. Вряд ли бы мне оно пришлось по вкусу.

Хотя на самом деле мне сильно хотелось зареветь или послать его к чёрту. Сложно сказать, чего больше...

Глава 32

Весь этот день после прогулки Линк был молчалив и задумчив, однако, вечером все же не выдержал и подступил ко мне с вопросами.

— Элен, он же хороший!

В общем-то, я сразу поняла о ком он говорит. Но мне хотелось, чтобы все выводы он сделал сам.

— Кто?

— Ну, кёрст Эрнстон. Он же хороший?

— Он неплохой человек.

— Тогда почему...?

— Ты хочешь знать почему сегодня мы виделись последний раз?

— Да! Я просто не понимаю!

— Мы с ним по-разному смотрим на жизнь.

Линк примолк, обдумывая мою фразу и задал следующий, вполне логичный вопрос:

— Если он тебе нравится, то почему ты не сделаешь так, как он хочет?

— Линк, ты знаешь меня много-много лет. Я забочусь о тебе, я твоя старшая сестра и люблю тебя. И ты тоже любишь меня?

Линк покивал головой со всем соглашаясь, потом взял мою руку, прижался к ней щекой и шепотом произнес:

— Ты очень хорошая, Элен!

У меня комок стоял в горле, я прижала к себе худощавое мальчишеское тело и, глядя светлые волосы дала ему несколько минут — чтобы успокоился, а потом я продолжила:

— Ты хотел бы пойти в монахи или стать служителем при храме?

От неожиданности Линк слегка оттолкнул меня, потом фыркнул и яростно затряс головой.

— Да ни за что!

— А если я тебе скажу — Линк каждый день учи молитвы и когда вырастешь пойдешь служить в храм — ты бы послушался?

Брат задумался, но похоже какие-то сомнения все еще терзали его:

— Элен, но ведь все женщины выходят замуж.

— Большинство выходят, но даже это не обязательно — я легко засмеялась. — Понимаешь, Линк, когда ты вырастешь, ты можешь стать кем угодно — моряком, военным, инженером или законником, ты выберешь ту жизнь, которая будет тебе интересна. Почему же ты думаешь, что я не хочу жить интересно?!

Опять последовала длинная пауза, а потом Линк как-то робко спросил:

— А другие женщины? Они что, все живут скучно?

— Да нет же, Линк, некоторым интересно заниматься хозяйством, но все же — не всем.

— Так ты что, никогда не выйдешь замуж?!

Я снова засмеялась:

— Как получится.

Я не могла, да и не считала нужным объяснять Линку, что такое феминизм, равные права и прочее. Что-то он со временем поймет сам, где-то я смогу ему подсказать. Но первый раз я задумалась о том, что я не просто забочусь о его здоровье и образовании, а еще и являюсь для него примером.

Пожалуй, об этой стороне ответственности я просто не задумывалась, а зря — ведь модель своей будущей семьи брат увидит именно в нашем доме. Придется иногда говорить с Линком и на эту тему, стараясь примирить моё, безусловно — революционное для этого мира воспитание, и реальность. Вряд ли это будет легко.

В целом, расставание с кёрстом Эрнстоном не вызвало каких-либо серьезных последствий. Да, мне было неприятно и обидно, что не смотря на все наши беседы, не смотря на то, что он с интересом рассматривал мою схему вагона, удивляясь ее эргономичности, он все равно продолжал считать меня хорошенькой безмозглой куклой, годной лишь командовать горничными.

Я так же думала о том, что запросто могу остаться старой девой — большая часть мужчин этого мира будет рассуждать почти так же, как кёрст Эрнстон. Но недавно мне исполнилось всего семнадцать лет и расстраиваться по такому поводу было рановато. Так что я старалась не вспоминать о кёрсте. Получалось, надо сказать, не всегда.

Жизнь наша текла размеренно и планомерно.

Линк ходил в школу, приносил оттуда кучу важных для него новостей, которыми щедро делился со мной, гулял с друзьями и

немного подрос, оставаясь все таким же худым. В нем пропала тихая забитость и, хотя несколько раз он плакал, вспоминая маму, но уже не чувствовал себя таким потерянным и ненужным, как в первые дни.

Эжен, напротив, за лето округлилась и потяжелела. Теперь это была маленькая, но достаточно уверенная в себе барышня, которая не сидела тихой мышкой в уголке, а охотно играла с Греем, любила смеяться и бегать, и научилась требовать. Например — сказку на ночь. Кёрста Тиан большую часть времени посвящала именно возне с ней. Дети вообще легко забывают и прощают, а сейчас кроха чувствовала, что её любят и балуют.

Мы все еще ждали, пока будет закончен ремонт во второй половине дома, а все свободное время я тратила на работу.

Позаимствовав чужую идею, я собиралась выпустить целую серию новых игрушек, которые будут стоить значительно дешевле, чем меховые.

Скорее всего, эта партия не принесет мне серьезных денег, но в любом случае она окупится, а мастера из конкурирующих марок, шьющие зайчиков и медведей, получат довольно необычный образец для подражания. И кто знает, куда дальше будет развиваться их фантазия?

В этот раз модели не содержали слишком большого количества деталей, были просты в пошиве, но полностью переворачивали устоявшиеся стандарты — за основу я взяла мультяшных смешариков.

Мне очень мешало отсутствие подходящих тканей. Тонкий трикотаж в этом мире уже был известен, но использовали его исключительно для пошива мужского белья. Всякие кальсоны, нательные рубашки, носки и прочее. В женской одежде трикотаж использовали только для производства чулок.

Игрушки я хотела сделать максимально дешевыми, для этого мне необходимы были исходники, которые никому больше не нужны. Я выбрала время и с кёрстой Тиан посетила местную трикотажную фабрику.

Добираться пришлось далеко, располагалась она на окраине города. Да и объясняться с управляющим было довольно сложно. Боюсь, что, если бы не присутствие спокойной и уверенной в себе кёрсты Тиан, то кёрст Грацинос не стал бы тратить на меня время.

Однако, кёрста Тиан чем-то приглянулась ему, потому ко всем моим просьбам и вопросам он отнесся весьма снисходительно.

Мужчине было чуть за сорок, природный жгучий брюнет со смугловатой кожей, темпераментный и говорливый. Объяснялся он, кстати, с заметным акцентом — его семья давно переехала сюда из Валенсано в поисках лучшей доли — это он упомянул, стараясь заглянуть кёрсте Тиан в глаза.

Валенсано, как я уже знала, считалась райским местом для отдыхающих. Этаким модный курорт на границе с соседним государством.

Мой интерес к обрезкам трикотажа и остаткам от производства чулочно-носочного цеха казался ему странным.

— Юная кёрста, главное для любого предприятия — не терять ни одного медного корна. Все отходы, даже нитки с пола, собирают и раз в неделю на нескольких телегах вывозят в Кростон.

— И что делают с ними в Кростоне?

— О, юная кёрста, если вы, например, захотите написать письмо своей хорошей подруге, то, разумеется, вы возьмете не серую бумагу, на которой пишут во всевозможных конторах и офисах, а прекрасный лист качественной веленевой бумаги или же бумаги верже. А такая бумага, кёрста Элен, получается только если в нее добавляют остатки тканей. А лучшую получают как раз из нашего белого полотна!

Так что при цехе есть сортировщики, перебирающие все отходы по цветам.

В общем-то, я понимала, что вряд ли в цехе ежедневно выкидывают остатки просто на улицу, но вот то, что их сдавали на фабрику в Кростоне, немножко меняло дело. Впрочем, я была уверена, что вряд ли бумажная фабрика платит за сырье достаточно хорошо. За лоскут нужного мне размера я точно смогу платить больше.

Кёрст Грацинос был настолько любезен, что устроил нам с кёрстой Тиан небольшую экскурсию по цехам и, смеясь, позволил мне взять с собой столько обрезков, сколько я захочу.

С собой я увозила плотно набитый мешок самых крупных кусков, которые нашла.

Больше всего меня расстроила цветовая гамма. Основная часть лоскута была белой. Процентом двадцать имели черный и коричневые цвета, а оставшиеся — различные оттенки бежево-розовой гаммы.

Если я легко могла подобрать необходимый оттенок для очаровательной хрюши Ньюши, то, например, сшить голубого Кроша было уже не из чего, также, как Кар-карыча и ежа — его имя, к сожалению, я не помнила.

Передо мной снова стояла куча проблем — стеклянные глаза нужного мне размера и цвета, ресницы, носы и рты. А главное — необходимые красители для тканей. Что будет проще — красить у себя или найти красильную мастерскую?

Да еще бродили в голове какие-то отрывочные знания о том, что в старину красители частенько бывали сильно ядовитыми. Значит придется уточнять их состав и смотреть, чтобы при производстве не использовали всякую гадость типа мышьяка и свинца. Вполне возможно, что я не смогу получить яркие цвета.

Глава 33

В это утро я случайно осталась дома одна.

Приходящая служанка, которую мы взяли на ежедневную работу вместо Марты, забежала рано и, утирая слезы, отпросилась на похороны сестры. Я вручила Юсте несколько монет и сказала, что пару-тройку дней мы справимся без нее. Линк отправился в школу, а кёрста Тиан с Эжен решили посмотреть какой-то утренний детский спектакль.

Признаться, до этого я даже не вспоминала о такой вещи как театр. С некоторым удивлением глядя на меня, кёрста Тиан пояснила, что в городе есть несколько довольно больших заведений, не считая множества мелких, пробивающихся разного рода пьесками и скетчами.

— Сегодня в малом зале «Большого Виргонтского театра» обещана премьера утреннего спектакля для детей. Вы разве не видели афиши?

— Похоже, я просто не обратила на них внимания. Но вы уверены, кёрста Тиан, что Эжен высидит целое представление?

— О, кёрста Элен, для детей делают совсем короткие сцены, частые перерывы и, если мы сможем купить билеты в зал, а не на галерку, то в антракте к нам обязательно подойдет один из фокусников и подарит малышке какую-нибудь безделушку, достав ее из шляпы. Я помню, как водила на такие представления своего сына — это всегда было незабываемо!

Слава Айлюсу, сейчас такие траты не били по карману, хотя цена билетов и оказалась весьма солидная. Надувшемуся Линку был обещан поход на более серьезную пьесу.

— Линк, не думаю, что тебе будет интересно на детском утреннике.

— Но ты точно обещаешь, что мы сходим с тобой потом? — Все еще несколько огорченный брат с надеждой посмотрел мне в глаза.

— Обещаю! — засмеялась я.

Заглянув на кухню, и убедившись, что с обедом можно сильно не заморачиваться — со вчера осталось еще пол кастрюли супа и

приличная порция жаркого, а овощную нарезку приготовить можно очень быстро, я решила посвятить свободное время новым игрушкам.

Стук в дверь раздался сильно не кстати — я скалывала выкройку и у меня был полный рот булавок. Чертыхнувшись про себя, отложила работу и пошла отпираться.

Меня накрыло дежавю — за дверью стоял кёрст Марсель де Лонг и улыбаясь, спрашивал:

— Добрый день! Я хотел бы видеть хозяина дома.

Я засмеялась в ответ:

— Добрый день! Тогда вам придется поговорить со мной.

Мы с улыбкой смотрели друг на друга, вспоминая мимолетное знакомство, которое, для меня лично, переросло в целую кучу удобств в доме.

— Кёрста Элен, я рад вас видеть! К сожалению, у нас возникли некоторые проблемы. Вы не могли бы пройти со мной в дом и посмотреть?

— Что случилось?

— Там не совсем совпадают технические возможности и ваши пожелания. Проще говоря, то место, что вы указали на плане под колонку — слишком неудобно. Меня вызвали для того, чтобы мы с вами определили новое место.

Я почувствовала себя несколько неловко — предложить кёрсту войти в дом я не могла — это кончилось бы ворохом сплетен. Идти по первому снегу до соседнего входа пусть и недалеко, но день ветреный и простуда мне не нужна.

Пришлось согласно кивнуть головой и попросить кёрста де Лонга подождать на крыльце. Раздражаясь от нелепости местных норм этикета, я быстро накинула легкую шубку и, поправляя у маленького зеркала шляпку, поймала себя на том, что очень стараюсь прихорошиться. Пожалуй, я была рада визиту кёрста де Лонга.

Вопрос с колонкой решился довольно быстро, из двух возможных вариантов, которые предложил мне кёрст я выбрала тот, который показался мне удобнее. Рабочие принялись долбить стену, а я, раз уж попала на стройку, решила осмотреть дом и прикинуть, скоро ли мы переедем.

Второй этаж был практически готов — здесь даже уже были вымыты полы. Оставалось купить мебель, шторы и прочее. Самый

большой разор был на кухне и в ванной комнате, но даже учитывая местный неторопливый ритм жизни, дней через десять мы вполне сможем перебраться сюда.

Кёрст де Лонг, который попросил разрешения сопровождать меня в этом маленьком путешествии, заметил:

— У вас будет прекрасный и очень удобный дом, кёрста Элен. Я рад, что вы так вовремя получили наследство.

Почему-то этот разговор о наследстве напомнил мне неприятную сцену расставания с кёрстом Эрнстоном. Я невольно поморщилась и, возможно излишне резко, ответила:

— Даже если бы я не получила наследство, благодаря моей торговой марке мы бы все равно перебрались сюда. Ни в этом году, возможно, так в следующем!

— О, да, кёрста Элен! Я слышал про вашу торговую марку от трока Суржа, и надо сказать, ваша смелость и настойчивость восхищают меня! — он слегка поклонился мне.

Я уставилась на молодого человека с подозрением. Это он сейчас серьезно или это такой тонкий стеб?

— Вы тоже считаете, что девушке неприлично иметь свое дело?

Брови кёрста удивленно взметнулись вверх, он немного помолчал, очевидно, настороженный агрессивностью моего тона, а потом спокойно и вежливо ответил:

— Кёрста Элен, может быть это несколько неправильно, но я всегда симпатизировал женщинам, умеющим и знающим что-либо кроме домашнего хозяйства.

Последовала пауза, после которой кёрст чуть неловко улыбнулся и добавил:

— В детстве моим кумиром была кёрста Марьен Тиос. В общем-то, со времен детства ничего не изменилось — я по-прежнему считаю ее великой женщиной.

И, совсем уж смущенно пояснил:

— Она была моей прабабушкой, она умерла, когда мне было всего семь лет. Сам я мало общался с ней, но дед часто рассказывал...

Я натужно улыбалась, глядя в карие глаза кёрста и чувствовала себя полной душой. Понятия не имею, кто такая эта самая Марьен Тиос и чем она знаменита, однако выглядел кёрст де Лонг так серьезно, что я пообещала себе непременно узнать все об этой даме.

Молодой человек счел необходимым проводить меня, вежливо откланяться и, за секунду до того, как я закрыла дверь, спросить:

— Кёрста Элен, не позволите ли пригласить вас на премьеру? В большом поставили «Сложный выбор кёрста Беона»...

Я придержала дверь открытой еще минуту, раздумывая что ответить, и меня просто спасли вернувшиеся кёрста Тиан и Эжен, я пообещала кёрсту прислать ответ городской почтой.

Эжен была переполнена впечатлениями от театра, размахивала пухлыми ручками и захлебываясь, рассказывала:

— Тичка летела! Прямо на голову! — она похлопала себя по макушке, показывая куда именно летела птичка. — Еще — вот! — Эжен сунула ручку в карман передника и вынула огромную атласную розу с прозрачными капельками клея, изображающими росу.

Протягивая мне цветок, она твердо заявила:

— Кра-са-та!

Мы с кёрстой Тиан засмеялись, столько уверенности было в ее голосе и твёрдости в раскатистой «р», столько убежденности, что сомневаться в том, что эта базарная роза — «кра-са-та» было решительно невозможно! Я обратила внимание на то, что малышка стала говорить гораздо чище и охотнее.

Эжен рассказывала долго и даже показала, как танцевала на сцене принцесса, а потом уснула на полуслове прямо у меня на коленях, переполненная впечатлениями.

Решив, что ничего страшного не случится если малышка разок пропустит обед, мы с кёрстой Тиан отнесли ее в спальню.

Когда Линк пришел из школы и мы уже сидели за столом, я задала кёрсте Тиан вопрос:

— Кто такая кёрста Марьен Тиос? И чем она знаменита?

Кёрста Тиан чуть поморщилась и ответила:

— С этой женщиной связано несколько довольно громких скандалов.

— А поточнее?

— Она изобрела какую-то там круглую пилу, но осуждали ее вовсе не за это. Я не знаю деталей — я тогда была совсем еще юна, но дело было столь шумным, что имя я запомнила. Она подавала в Верховный суд и выиграла дело. Никто бы словом не обмолвился, если бы это был имущественный процесс, но кёрста отстаивала свои

авторские права на патент, на ту самую круглую пилу и это очень возмутило общество. Для женщины идти против общественного мнения — не лучший выбор. Кстати, кёрста Элен, я хотела узнать, что хотел этот симпатичный молодой человек от вас?

Перевести разговор на другую тему я не позволила:

— Но она же сумела это доказать?

— Сумела, кёрста Элен. — Вздохнула гувернантка. — Только симпатии общества ей это не добавило, а самый громкий скандал вызвала даже не она сама, а книга, которая вышла после ее смерти.

— Книга?

— Да. Она называлась «Мемуары рассерженной женщины». Говорят, что кёрста включила в свое завещание отдельный пункт — издать эту книгу. Не знаю, правда ли это...

Мне было безумно любопытно, что же там за скандальные события описаны и почему кёрста Тиан ведет себя так странно. Что именно неловкого она находит в рассказе про эту книгу?

— Кёрста Тиан, а где бы сейчас достать ее?

Кёрста Тиан помолчала, не поднимая глаз от стола и наконец, решившись, сказала:

— Я дам вам почитать свой экземпляр, кёрста Элен.

Ого! Получается, кёрста Тиан слегка лукавила, говоря, что была слишком молода и не помнит деталей. Может и не помнила, но в книге-то наверняка есть подробности. Следовательно, она не уверена, что эту тему можно обсуждать с юной девушкой? Разве можно было после такого не засесть за чтение тем же вечером?!

Глава 34

Книга, которую дала мне кёрста Тиан, потертая и зачитанная, была обернута цветной бумагой приятного персикового цвета так, что ни названия, ни фамилию автора прочитать было невозможно.

Само сочинение, как я поняла, было написано сыном знаменитости, но содержало огромные выдержки из писем и дневников и охватывало жизнь не только кёрсты Марьен, но и почти полную биографию матери этой необычной женщины.

Кёрста Марьен Тиос родилась в не самой стандартной семье.

Ее мать — кёрста Ремина Брюн была единственным ребенком доктора в заштатном городишке. Мать умерла родами, а отец, кёрст Стетос, не слишком представляя, как воспитывают маленьких девочек, но при этом, безумно любя единственное дитя, обучал ее всему тому, что знал сам. По тем временам кёрста Ремина получила очень интересное образование. Она знала анатомию, химию, биологию, лекарское дело и немного разбиралась в травах. В девятнадцать лет, девушка, как водится, влюбилась и кёрст Стетос, со слезами на глазах, выдал ее замуж.

Здоровья доктор был и так не самого крепкого, а после расставания с дочерью сердечный приступ скопил его буквально через полгода. Кёрста Ремина получила в наследство маленький домик, большую часть которого занимал рабочий кабинет отца, совмещенный с приемной. Муж кёрсты после свадьбы не считал нужным заботиться об обеспечении семьи, и как-то незаметно для всех кёрста Ремина Брюн, ставшая в замужестве кёрстой Реминой Герн, превратилась в единственного доктора в округе.

Через пять лет брака муж ее, будучи изрядно навеселе, утонул переплывая на пари местную бурную речушку, оставив в наследство беременной жене одни долги.

В положенное время кёрста Ремина родила малышку Марьен и, поскольку жить на что-то было необходимо, продолжила свою нелегальную практику.

Безусловно, в крупном городе такая кёрста не могла бы рассчитывать на сколь-либо серьезный доход. Однако, все ее пациенты

знали кёрсту еще ребенком, с улыбкой наблюдали как она помогает на приеме отцу, как она обрабатывает раны, будучи юной девушкой и готовит микстуры.

Потому, никого особо не смутило, что юная кёрста продолжает вести прием и берет за это деньги. Тем более, что других врачей в окрестностях не было. Однако, спасало кёрсту-доктора только то, что она живет в глухомани.

Когда, будучи уже зрелой женщиной кёрста Ремина, сунулась со своим изобретением в «Медицинскую Академию Высокородных» в столице, то вызвала немалый шум и скандал. Светила медицины, напрочь отвергнув саму мысль что женщина может придумать что-то полезное, осмеяли ее изобретение — стетоскоп — тонкую полую трубку из меди, с двумя воронками на концах.

Эту трубку кёрста Ремина назвала в честь своего отца, кёрста Стетоса Брюна, и привезла с собой целый талмуд описаний что и как можно прослушать в организме пациента с помощью стетоскопа. Перечень болезней, которые помогала обнаружить трубка, внушал уважение. Начинался он всевозможными болезнями сердца и заканчивался списком легочных заболеваний и простуд.

Однако, ученое сообщество с редким единодушием признало и стетоскоп, и книгу многолетних наблюдений по выявлению болезней женской глупостью.

В центральных газетах вышло даже несколько статей, полощущих имя женщины-доктора и призывающих всех приличных кёрст больше внимания уделять воспитанию дочерей.

Отголоски дотянулись до провинции и определенное количество насмешек и зубоскальства за спиной кёрста Ремина получила и в своем городке. Впрочем, стих шум достаточно быстро — лечиться все равно больше было не у кого.

Малышка Марьен Герн немного училась у своей матери, но большого интереса к медицине не проявляла. Гораздо сильнее её любопытство вызывали странные вещи и открытия. Например, она почти до дыр зачитала случайно попавшее в городок сочинение некоего мастера-стеклодува под названием «Секреты производства стекла от времен древних и до наших дней».

Однако девочка весьма уважительно относилась к занятиям матери и была страшно расстроена и зла после ее бесславного

возвращения из столичной Академии. Пусть Марьен было всего двенадцать лет, но она прекрасно помнила, как однажды ночью застала свою мать плачущей от обиды.

Восемнадцати лет отроду кёрста Марьен с одобрения своей матушки вышла замуж за кёрста Вельта Тиоса, симпатичного и вполне обеспеченного владельца двух водяных лесопилок. Жизнь ее протекала значительно спокойней, чем полная трудов жизнь матери.

Кёрст Вельт искренне любил жену и всячески баловал. Доходов его вполне хватало и на скромную жизнь, и на наряды и безделушки жене, и на собственное хобби — кёрст обожал скачки, держал двух кровных жеребцов и несколько раз в год, на осеннюю и весеннюю ярмарки, участвовал в соревнованиях лично.

Жизнь кёрсты Марьен в течении почти девяти лет была приятна и не обременена проблемами. По ее заказу местные галантерейщики привозили из столицы, кроме кружева и шелков, еще и книги о различных ремеслах, все, которые удавалось достать. Единственное, что омрачало жизнь супругов — отсутствие наследников.

События, которые резко и бесповоротно изменившие жизнь кёрсты Марьен, заняли собой почти полтора года и первое из них наполнило ее сердце радостью — она ждала ребенка.

Обезумевший от счастья муж вложил огромную сумму в обустройство детской комнаты, подарил жене дивной красоты ожерелье, потрясшее сонный городок как красотой своей, так и ценой.

Второе событие было гораздо более тяжелым — в возрасте пятидесяти двух лет от наследственной болезни сердца скончалась кёрста Ремина. Марьен переживала утрату очень тяжело — они всегда были близки с матерью.

Окончательно же добило её третье событие — нелепая гибель мужа. Ровно через месяц после рождения наследника, во время осенней ярмарки, кёрст Тиос принимал участие в очередных скачках и неудачное падение с коня закончилось мгновенной смертью.

Оставшись с младенцем на руках, без поддержки родных и близких, растерявшаяся кёрста как в тумане наблюдала за непонятно откуда взявшимися долговыми расписками, за обострившейся деловитостью совладельца одной из их с мужем лесопилок, кёрста Журо, который невнятным образом сумел таки в суде доказать, что его

покойный друг, кёрст Тиос, был всего лишь арендатором, а не совладельцем и многое-многое другое.

Кто знает, чем бы окончилось это нападение хищников на беспомощную вдову, если бы не визит в ее дом студента «Медицинской Академии Высокородных», который приехал узнать у кёрсты Ремины в каких именно годах ее покойная мать была ученицей доктора Хайна.

— Разумеется, кёрста Тиос, вы слышали о стетоскопе Хайна. О! Доктор Хайн — великий изобретатель! Его стетоскопом пользуются все медики уже лет десять и не устают благодарить его! Я собираюсь к пятилетию его смерти издать максимально полную биографию этого гения! Я даже уже нашел спонсоров, которые профинансируют этот проект!

Юноша был молод и полон энтузиазма. Он совсем не обратил внимания на то, как изменилось лицо его почтенной собеседницы. Пожалуй, вот этот момент и можно назвать пробуждением кёрсты Марьен Тиос.

Оставив сына на няньку, она повезла юного фанатика доктора Хайна в дом своей матери и выложила ему под нос и газетные вырезки того времени, которые мать собирала непонятно зачем, и труд матери, датированный семью годами ранее, чем доктор Хайн «изобрел» свой стетоскоп. Глядя в пораженное лицо юнца, она махнула в сторону окна и сказала:

— Вы понимаете, что такое провинция, молодой человек? Здесь каждый знает обо всех всё, что нужно и не нужно. Вы можете лично обойти весь город и каждый из жителей совершенно точно назовет вам дату единственной поездки моей матери в столицу. Более она отсюда никогда не выезжала. И каждый житель вам подтвердит, что ваш гениальный доктор Хайн никогда в жизни не приезжал в наш город. А выводы делайте сами.

Студент слабо трепыхался, выдвигая разные версии и пытаясь оправдать кумира, но факты были неоспоримы, и он скис.

Впрочем, кёрсте Марьен Тиос было уже глубоко наплевать. Следующим же утром она, оставив сына на попечение кормилицы, совершенно самостоятельно, без сопровождения, покинула город, чем вызвала некоторый переполох и возмущение соседей.

Кёрста вернулась через десять дней в сопровождении отвратительно наглого адвоката, который, по слухам получил в конце всей истории немислимое вознаграждение. Поселив его в доме своей матери, кёрста с упорством бультерьера вцепилась в векселя, документы на лесопилки, арендные договора и прочие бумаги.

Многие соседи отвернулись от нее, считая, что не пристало благородной кёрсте так себя вести. Однако, похоже, что вдова даже не заметила соседских демаршей. Серия судов была весьма скандальна! Соседи шептались и шушукались. Через полгода очищенное от прилипал и долгов наследство кёрсты было оставлено в покое.

Правда полностью такая наглость ей с рук не сошла — та самая лесопилка, которая являлась предметом споров в судах, внезапно сгорела почти дотла в одну из весенних ночей. И бывший компаньон ее мужа выкупил у города этот кусок земли за копейки. Новую лесопилку на старом месте он поставил в рекордные сроки.

Однако, и это не остановило кёрсту. Она еженедельно наезжала на свою лесопилку сама, лично. Сменила управляющего и стала выписывать из столицы еще более странные книги.

Сыну кёрсты Марьен Тиос было чуть больше года, когда окончательно ополоумевшая вдова вдруг собралась и уехала в столицу. Вернувшись через три месяца, она немедленно начала какие-то непонятные работы по переоборудованию лесопилки.

Это не могло не встревожить конкурента. Сразу после того, как невиданные доселе дисковые пилы были пущены в работу, стало понятно, что вдова выигрывает гонку. Цена на ее доски стала ниже почти на тридцать процентов! Люди могли сколь угодно долго осуждать Марьен Тиос, но покупать товар предпочитали у нее.

Однако, не это послужило предметом скандала. Когда почтенный кёрст Журо, бывший компаньон ее мужа, попытался раздобыть себе такое же оборудование, городок с ужасом узнал, что не только патент на эти дисковые пилы принадлежит вдове Марьен Тиос.

Самым ужасным было то, что в патенте ее фамилия стояла в графе — автор изобретения. Это окончательно отвернуло мирных жителей провинции от сумасшедшей кёрсты. Женщина-изобретатель — это нарушение всех устоев и приличий!

Через пять лет после смерти мужа, продав дом, лесопилку и вторую лесопилку, которую она выкупила у разоренного кёрста Журо,

а так же все остальное имущество, кёрста Марьен Тиос навсегда покинула город вместе с наследником.

Глава 35

Читала я всю ночь — оторваться было просто невозможно. Страницы книги ярко и четко передавали образ этой женщины-бойца. Меня восхищало в ней все — и ее железный характер, и умение пойти против общественного мнения, и даже — сам факт существования этой книги.

Почему-то я подумала, что такая кёрста не будет включать в свое завещание пункт об издании книги. Она умерла уже не молоденькой и у нее было достаточно времени, чтобы достойно воспитать сына, того самого деда кёрста Марселя де Лонга.

Себе-то я могу сказать честно — отношения с Персивалем Эрнстоном настолько выбили меня из колеи, что вряд ли бы я рискнула заводить новые в ближайшее время.

Однако, и эта книга, и то, с каким восхищением кёрст де Лонг упоминал свою прабабушку, заставили меня задуматься. Ведь это именно такие женщины как кёрста Марьен пробивали дорогу таким как я. Пожалуй, стоит попробовать...

В театр кёрста Тиан собирала меня лично. Светло-серое, почти жемчужного оттенка бархатное платье с небольшим декольте, затянуты тонкой кружевной сеткой, крошечная сумочка на серебристой цепочке с носовым платком и парой монет, и самый простой белый веер.

После обеда она потребовала, чтобы я улеглась и пару часов поспала:

— Перед ужином придет куафер, а вам нужно еще успеть одеться.

В глазах куафера, пожилого, беспрестанно болтающего и нелепо разряженного мужчины, я, наверное, осталась одной из самых капризных клиенток — я заставила его вымыть с мылом весь инструмент прямо у меня на глазах. Все эти бесчисленные расчески, щетки, несколько видов пюек и целую грудку шпилек разного калибра.

Удивленно вскинув брови кёрста Тиан, промолчала, а потом, когда утешенный деньгами парикмахер удалился вместе со своей помощницей, заметила:

— Я думаю, кёрста Элен, вам нужно озаботиться тем, чтобы завести такие инструменты лично для себя. Я, признаться, тоже всегда

брезговала инструментами мастеров, потому дома у меня был свой личный комплект.

Надо сказать, что работа мастера меня не сильно радовала. Нет, безусловно, прическа моя сейчас выглядела достаточно интересно, но мысль о том, что вместо лака для волос мастер использовал разведенный в водке сахар, что все это мне придется разбирать по прядке, мыть и расчесывать, меня вовсе не радовало. Пожалуй, стоит разработать пару несложных моделей укладки и научить им свою горничную.

С ума сойти! Я первый раз подумала о том, что после переезда у меня появится личная горничная! Да и вообще, в последнее время дела шли так удачно, что все это только поддерживало мое радостное настроение перед первым свиданием.

Кёрст де Лонг подъехал за мной в назначенное время. Первые несколько минут в коляске мы оба смущались и не знали о чем говорить, но, когда подъехали к театру где кёрст помогал мне раздеться и оберегал от царящей вокруг суматохи, смущение несколько сгладилось.

Пьесу мы оба смотрели очень внимательно, но обсудить действия в антрактах так и не собрались. Мне все было в новинку и я с удовольствием рассматривала праздничную театральную обстановку и яркие наряды встречаемых дам. Прогулялись по парадно оформленному фойе, заглянули в буфет, где я с удовольствием съела пирожное, но народу на премьере было так много, что мы предпочли вернуться в ложу.

Пьеса «Сложный выбор кёрста Беона» оказалась довольно легкомысленной поделкой, где упомянутый кёрст целых три действия метался между двумя юными девушками, выбирая себе жену. В конце концов, он отказался от яркой и уверенной в себе девицы в пользу тихой мышки-блондинки.

Была пара забавных моментов, когда все три главных действующих лица столкнулись в общей гостиной, но основной посыл пьесы был таков: в жены мужчина должен выбирать скромную и застенчивую кёрсту, потому что из нее получится лучшая мать семейства.

Если бы не яркий и непривычный антураж театра, пожалуй, я бы заскучала. Однако, меня сильно порадовало то, что когда мы уселись в

коляску и кёрст де Лонг вез меня домой, обнаружилось, что наше мнение о главном герое абсолютно одинаковое — напыщенный болван.

По сути, в нем не было ничего, кроме приличного денежного наследства от предков и смазливой внешности. А вот в оценке яркой девушки-героини, кёрсты Андии, мы несколько разошлись. Мне совершенно непонятны были ее слезы в финале. Уменьшкая, красивая, имеющая собственное мнение — как она собиралась жить с этим пустозвоном?

Однако, именно этот момент в пьесе и растрогал кёрста де Лонга.

— Мне кажется, вы просто не понимаете, кёрста Элен. Девушка потеряла мужчину, в которого была влюблена!

Я совершенно неприлично фыркнула и ответила:

— Девушка должна возблагодарить всевышнего Айлюса за то, что Беон выбрал не ее! Мало того, что, ухаживая за двумя одновременно он нарушал нормы морали, так еще и полностью испортил бы ей жизнь, поведя под венец! Не знаю, обратили ли вы внимание, кёрст де Лонг, но блондиночку после свадьбы он собирался увезти в загородное поместье. Вы можете себе представить, чем в сельской глуши занималась бы Андия? Здесь она брала уроки музыки и состояла в поэтическом кружке, а в деревне она кому стихи читать будет? Дояркам и пастухам?

Совершенно неожиданно для меня кёрст де Лонг расхохотался, а просмеявшись с улыбкой заявил:

— А вы не заметили, кёрста Элен, что вы похожи на эту героиню? Нет, нет, не внешне, а по характеру!

Я задумалась и поняла, что он абсолютно прав! Более того, это я должна возблагодарить в молитвах Айлюса за то, что наши отношения с Эрнстоном закончились столь быстро. В какой-то мере эту пьесу, которую я сперва сочла скучной, можно назвать отражение моей собственной жизни.

Слава богам обеих миров, что это отражение не всей жизни, а всего-навсего крошечного эпизода из нее! Я посмотрела на улыбающегося кёрста де Лонга и тоже рассмеялась. И с этим смехом уходила и досада на расстроившиеся отношения, и обида на зашоренность Персиваля.

Пусть он ищет девушку себе под стать, пусть будет счастлив. В конце концов, в этом мире многие кёрсты будут счастливы посвятить себя дому полностью, воспитывая детей, ведя хозяйство и не ища лучшей доли.

У порога моего дома мы торопливо договаривали с кёрстом де Лонгом, обсуждая детали пьесы, когда двери распахнулись и кёрста Тиан, строго глядя на нас, заявила:

— Кёрста Элен! Я рада, что вы благополучно вернулись домой.

Намек был более, чем прозрачен, и молодой человек, смиренно поклонившись кёрсте, как бы доказывая, что не оспаривает её право быть строгой, спросил:

— Кёрста Тиан, вы позволите мне писать иногда кёрсте Элен?

Гувернантка величественно кивнула, и я вошла в дом, пребывая в растерянности. Вот это что сейчас было?! Писать письма? Он что, серьезно? Заметив выражение моего лица кёрста Тиан сказала:

— Я заварила свежий чай. Думаю, Элен, вы не откажетесь от чашечки?

За столом она спокойно рассказала мне, как прошел вечер у детей и, помолчав, спросила:

— Мне кажется, или у вас возникли вопросы?

Чуть поколебавшись, я сказала:

— Мне казалось, что мы оба провели приятный вечер... Я думала, что кёрст пригласит меня еще куда-нибудь. Я просто не понимаю, чем я могла оттолкнуть его!

— Элен! Вы меня удивляете! А куда, собственно, кёрст мог вас пригласить?! Как вы себе это представляете? Для прогулок в парке сейчас слишком холодно. Посещать общественные места типа театра каждую неделю вместе с вами он не может...

— Почему?!

— Элен! Это погубит вашу репутацию! Раз в месяц — куда ни шло. Но еженедельно — это немыслимо! И, смею вас заверить, вы произвели на молодого человека очень хорошее впечатление.

— Откуда вы знаете?!

— Кёрста Элен! — гувернантка чуть осуждающе покачала головой. — Он же попросил разрешения писать вам письма. Неужели этого не достаточно, чтобы понять, что молодой человек ищет вашего общества?!

Такой душой я себя давно не чувствовала. Письма? Это вот прямо на бумаге? Писать мне доводилось и в старом мире, и в новом. Деловые бумаги, накладные и договора. Но письма?!

Успокоила я себя тем, что, хоть и с трудом, вспомнила о существовании так называемого эпистолярного жанра. Что-то такое-этакое рассказывали на уроках литературы в школе. Просто представить себя героиней романа в письмах я не могла.

Однако выбора у меня не было. Мне нравился Марсель, это определено! А больше всего мне нравилось в нем то, что его взгляды на место женщины в обществе отличались от общепринятых. В этом молодом парне я чувствовала свой шанс. Шанс если уж не на любовь, то хотя бы — на хорошего друга.

Глава 36

Последнюю неделю перед переездом я была загружена выше крыши. Мы с кёрстой Тиан, оставляя детей то на приходящую горничную, то бессовестно бросая Эжен на Линка, мотались по магазинам, выбирая мебель, новые подушки, одеяла, скатерти, гардины, посуду и зеркала.

Наконец состоялся переезд в отремонтированный дом!

Маленькую часть я решила не сдавать — там будет жить прислуга. Наша же половина — значительно больше по площади. Здесь есть отдельные комнаты и у детей, и у кёрсты Тиан, и у меня. Более того, я даже смогла выделить отдельную комнату для себя под кабинет. Да и санузлов здесь было два, один из них с ванной. Кухня тоже намного просторнее, так что чистить и намывать все сама я не собиралась.

В маленькой части дома поселились Юста — горничная, ответственная за уборку, Вита — личная горничная для нас с кёрстой Тиан, толстушка Мона — бонна Эжен, и тетушка Фок — кухарка.

Тетушке Фок было уже хорошо за сорок, всю жизнь она проработала в доме высокопоставленного кёрста сперва подсобницей, потом поваренком, а потом и помощницей главного повара. Замуж она вышла за старшего лакея, детей у нее так и не случилось, пять лет назад муж скончался от инфлюэнци, а год назад, получив небольшое наследство, она решила и вообще оставить работу.

Однако, жить сама по себе она совершенно не умела. Сильно скучала от вынужденного безделья, но и возвращаться в шумный дом побаивалась — силы все же были уже не те. Потому место у нас в доме и выглядело для нее столь привлекательно — количество народу на порядок меньше, толп гостей не ожидается, да и помощницу ей наняли дельную — крепкую и опрятную Матину.

Тетушка Фок мгновенно завоевала расположение детей тем, что оставляла сладкие пирожки или нарезанный кусочками кекс в таком удобном месте, куда легко могла дотянуться даже Эжен — на низенькой полочке застеленной белой салфеткой.

Кёрста Тиан сначала довольно резко возражала против такого баловства, однако, тут сочла нужным вмешаться я.

— Кёрста Тиан, вы же понимаете, что дети бегают за этими пирожками вовсе не от голода?

— Я очень советую прекратить это баловство. — раздраженно ответила кёрста — Дети должны есть за столом!

Я набралась терпения и ответила:

— Кёрста Тиан, просто задумайтесь на секунду и задайте себе вопрос — почему дети так делают?

Кёрста возмущенно нахмурила брови и заявила:

— Исключительно потому, кёрста Элен, что все дети любят баловаться и хулиганить!

— Нет, кёрста Тиан, они делают это вовсе не из вредности.

— А почему же, позвольте спросить?

— Потому что сейчас их жизнь достаточно монотонна и для них это — маленькое приключение. Кроме того, кёрста, детям не хватает ласки, понимаете? Конечно, и я, и вы любим их, но они не так давно лишились матери, а тетушка Фок — очень ласковая женщина, мягкая и спокойная. Мне кажется, что дети невольно выбрали ее на роль бабушки.

Кёрста помолчала, обдумывая мои доводы и слегка смягчилась:

— Элен, я просто беспокоюсь, не войдет ли у них в привычку воровство. Да и общаться с кухаркой...

Я засмеялась над серьезным лицом кёрсты Тиан и ответила:

— Они совсем не считают это воровством, кёрста Тиан. Для них утащенная сладость — скорее маленький акт неповиновения. Понимаете? Они бегают на кухню не столько за лакомством, сколько за лаской. И я не вижу в этом ничего плохого. Тетушка Фок — весьма достойная женщина. Ну и потом, дети, которые никогда не хулиганят в детстве — просто бедолаги! Можно считать, что у таких детей и детства-то нет.

Так что тарелочку с вкусняшками на низенькой полке я отстояла. С некоторым сомнением кёрста Тиан все же обещала не замечать это своеволие.

Первые дней десять, пока мы обживали непривычно просторное пространство, пока разбирали вещи и тут же забывали куда именно прятали что-то нужное, в доме царила суматоха, сдобренная некоторой

долей растерянности. Однако, постепенно все входило в берега, появился удобный для всех ритм, который быстро становился привычным.

Раньше всех в доме просыпалась тетушка Фок. Она готовила горячий завтрак и только потом будила прислугу.

Умывшись и перекусив, женщины принимались за работу, а Вита шла будить меня и кёрста Линка.

Я всегда вставала рано, чтобы проводить брата в школу. Мы оба очень дорожили этими спокойными минутами завтрака. На мое счастье Линк оказался жаворонком и такие побудки не портили ему настроение. Напротив, с утра он был максимально активен и любопытен.

За едой мы обсуждали с ним школьные дела и проблемы. Было их не так и мало. Линк рос практически без друзей и вживание в коллектив проходило все же не идеально. Кроме того, и дети в классе были достаточно разные. Я помню, как мы обсуждали с ним однажды проблему доносов.

— Понимаешь Элен, и, если бы Анджей не увидел, как этот самый Митон шепчет на ухо кёрсту Лутону, мы бы так и думали, что это Санти проболтался!

Я уже научилась брать крошечную паузу перед любыми ответами брату. Я прекрасно понимала, что нормы морали и неписанные правила могут весьма существенно отличаться от привычных мне и точно также понимала, что являюсь для Линка образцом для подражания. Пока еще он недостаточно взрослый, чтобы критически воспринимать мои слова. Потому, если у меня возникали какие-то сомнения в правильности своей собственной оценки я всегда говорила одно и то же:

— Линк, это очень серьезный вопрос и мне нужно подумать. Давай поговорим, когда ты вернешься из школы.

После этого я обязательно шла и обсуждала вопрос с кёрстой Тиан и только затем выносила собственное суждение, которое и сообщала брату. Пока, к счастью, мне не приходилось кривить душой и нахваливать Линку какое-либо неприемлемое для меня решение.

Надо признаться, что такие моменты в общении мне давались довольно тяжело — раньше я всегда принимала решения мгновенно и не жалела о последствиях. Давным-давно, я вычитала в какой-то

книжке рыцарский девиз, который настолько покори́л меня, что его вполне можно было бы назвать моим кредо: «Делай, что должно и будь что будет». Кроме того, моя детская придумка с «Маской силы» также способствовала принятию быстрых решений.

Разница состояла в том, что тогда я отвечала только за себя и Грея. Пожалуй, будет большим нахальством сказать, что я стала мудрее, но, когда у меня так внезапно появилась семья, я однозначно стала терпеливее и даже как-то сдержаннее.

Проводив Линка в школу, я дожидалась пока проснется кёрста Тиан и шла будить сестренку. Это были, пожалуй, самые нежные минуты дня — заспанная малышка с покрасневшимися со сна щечками и спутанными кудряшками, вызывала умиление, желание потискать и баловать, баловать, баловать...

Однако, я всегда помнила, что лучшее — враг хорошего, потому повозившись несколько минут, начмокав плотные щечки и маленькие ладошки, я отдавала ее Моне и следила, чтобы Эжен не капризничала, а послушно умывалась, старалась одеваться сама и не мешала расчесывать светлые волосы.

Затем бонна кормила Эжен в ее комнате, а я отправлялась составить компанию кёрсте Тиан. Есть уже не хотелось, но пока кёрста завтракала, я пила чай, и мы обсуждали с ней дневные заботы.

Дальше дом переходил под управление кёрсты Тиан, а я, в зависимости от необходимости или уезжала до обеда в мастерскую в сопровождении Виты, или запиралась в своем кабинете и работала с бумагами и выкройками.

Обед мы слегка сместили и проходил он достаточно поздно — это было вызвано тем, что на обед и ужин мы садились за стол все вместе, только дождавшись Линка из школы. После обеда Эжен укладывали подремать, у Линка был час-полтора на прогулку, а потом он садился за уроки.

Перемыв после ужина посуду, тетушка Фок первой уходила спать, следом исчезали горничные, я запирала дверь и если вдруг, уложив детей и пожелав им спокойной ночи мы с кёрстой Тиан решали выпить чайку, то обходились своими силами, не беспокоя больше прислугу.

Первое письмо от кёрста де Лонга я получила ровно через неделю после посещения театра. Это был строгий, достаточно плотно набитый конверт. Вскрывала я его с некоторой опаской — многолетняя

привычка общаться по мобильнику или короткими сообщениями в контакте не могла не сказаться. Я с трудом представляла, о чем можно столько написать.

После пары строк приветствий пошел текст, который я прочитала на одном дыхании. Кёрст де Лонг в этом письме разговаривал со мной. Это было весьма странное ощущение, но временами мне казалось, что я слышу его голос — как будто читал этакий закадровый чтец текста.

Кёрст вспоминал спектакль и высказал по поводу нашего спора довольно интересную мысль. Спрашивал моего мнения, рассказал забавный случай из жизни, как бы иллюстрирующий его слова и в конце, пожелав здоровья мне и всем близким, писал, что будет рад получить ответ, где я выскажу свое мнение.

Пару дней я старательно обходила письменный стол. Мне казалось, что так гладко и ловко изложить свои мысли я не сумею. Однако, рвать отношения я точно не хотела и потому, собравшись с духом и разложив перед собой лист бумаги, с некоторым трепетом начала: «День добрый, кёрст де Лонг. Я была рада получить ваше письмо, но вопрос, который вы поднимаете, кажется мне достаточно сложным и неоднозначным...»

После этого, отложив свой лист, я снова взяла в руки письмо кёрста и тщательно перечитала все его доводы. Подвинула бумагу и прямо по пунктам начала отвечать.

Я пыхла и потела над этим письмом часа три, не меньше. Испортила пяток черновиков и наконец облегченно вздохнула — последний мой вариант выглядел достаточно логичным и не противоречивым.

Попросив Линка отправить письмо, я с нетерпением стала ждать ответа.

Инфлюэнца или инфлюэнция — старинное название гриппа.

Глава 37

В переписку я втянулась даже незаметно для самой себя. Городская почта работала исправно и письма, обычно, доставляли в течении суток. Первое время на получение ответа уходило три, иногда четыре дня, ближе к весне почте пришлось изрядно потрудиться, чтобы успевать.

Мы разговаривали обо всем подряд, часто и много обсуждая какие-то мелкие социальные вопросы, споря или приходя к единому мнению. За зиму кёрст де Лонг стал мне гораздо ближе и понятнее, хотя вживую мы виделись всего несколько раз. Трижды посещали театр и раза три-четыре, в хорошую погоду, кёрст сопровождал нас с Линком на прогулках по парку.

Постепенно, и у него, и у меня вошло в привычку рассказывать о каждодневных делах и привычных, пусть и совершенно незначительных для других людей, маленьких бытовых проблемах и находках. Кроме того, кёрст очень интересовался работой моей марки, и я часто дорисовывала в конце письма небольшие забавные картинки. Именно так он первый раз увидел изображение Смешариков — тзадолго до того, как они поступили в продажу. Именно он и подал мне новую идею.

Это было в одну из тех редких зимних встреч, когда Марсель пригласил меня в театр.

Речь зашла о детских увлечениях. Я старалась отмалчиваться, чтобы случайно не проболтаться о том, что «не помню детства», но с удовольствием слушала, как кёрст де Лонг вспоминает сказки, которые рассказывала ему бонна:

— А еще, кёрста Элен, когда я вел себя хорошо, она ставила свечу недалеко от стены и как-то так умела забавно сложить руки и пальцы, что на стене возникали разные зверюшки! Вы знаете, очень-очень узнаваемые! Ну, разные там собаки, зайцы и даже лебеди. Это было совершенно волшебно!

На несколько мгновений я погрузилась в ступор так, что кёрсту пришлось окликнуть меня:

— Кёрста! Кёрста Элен! Что-то случилось?

— Нет, просто мне в голову пришла одна забавная идея.

Впрочем, разговаривать было уже некогда — начинался последний, третий акт пьесы, потому свою идею я изложила в очередном письме:

— Я хочу попробовать выпустить серию игрушек, которые будут одеваться на руку, примерно, как рукавички или перчатки.

Эта идея захватила меня целиком, но, чтобы продвинуть ее, мне пришлось работать не разгибаясь, почти до самой весны.

Во-первых, мне нужна была плотная картонная ширма-раскладушка. Не простая, а яркая и красочная.

Во-вторых, пришлось перебрать несколько художников-иллюстраторов до тех пор, пока я не получила нужные мне рисунки.

В-третьих — заказать новую коллекцию стеклянных глаз и носов маленьких размеров. Это, пожалуй, было самым легким. Ну, и, разумеется, вспомнить несколько самых простых детских сказок с небольшим количеством персонажей. Конечно, я могла воспользоваться местными историями, но сперва решила попробовать незнакомые здесь истории.

К весне я запустила в продажу "Сказку о рыбаке и рыбке". Стоило это совсем недешево — мне пришлось открыть маленькую новую мастерскую по изготовлению кукольных голов из папье-маше.

Технология в этом мире была известна, так делали кукол для театральных представлений, но там это были большие, почти в пол человеческого роста фигуры, с прикрепленными к конечностям тростями. Управлять такой фигурой можно было только вдвоем, и для этого выбирали достаточно сильных мужчин.

Не взирая на то, что я дала рекламное объявление в несколько газет — игрушка спросом не пользовалась от слова совсем.

Нельзя сказать, что это подкосило меня. Я всегда знала, что в любом бизнесе есть как удачи, так и неудачи. Но идея мне казалась очень перспективной, и я не могла понять почему же она не работает. Возможно, мое письмо показалось кёрсту де Лонгу излишне трагичным и он, просто желая меня поддержать, купил один из первых наборов — огромную коробку ценой в половину золотого.

Разумеется, ничего этого я не знала, зато письмо кёрста натолкнуло меня на новую мысль. Он рассказывал, что привез эту сказку в подарок своим племянникам и очень расстроился, когда

малыши не проявили интереса к ярким тряпочкам. Зато у них вызвало искренний восторг, когда кёрст одел игрушки на обе руки и разговаривал по очереди голосами старика и старухи.

Попросила кёрсту Тиан съездить со мной и мы отправились в «Большой Виргонтский театр».

Вечерний и дневной театры разительно отличались друг от друга. В отсутствие толпы и ярких рожков газового освещения фойе казалось гулким и не настоящим. Отсутствовал швейцар, отсутствовали солидные и любезные гардеробщики и мы неуверенно топтались, не зная куда пройти.

— Любезные кёрсты, сегодня нет дневных представлений.

Голос прозвучал так громко, отдаваясь эхом в углах помещения, что мы невольно начали высматривать крупного мужчину. Однако, принадлежал этот звучный баритон невысокому, сухонькому мужчине средних лет. Помимо мятых брюк и скучной жилетки на нем была белая рубаха с закатанными до локтей рукавами, странный тряпичный браслет на запястье, и три разноцветных женских юбки с рюшами, перекинутые через плечо.

Вряд ли этот человек был кёрстом и то, что я сделала, безусловно нарушало местные правила приличия. Не зря же кёрста Тиан нахмурилась. Я улыбнулась мужчине и сказала:

— Меня зовут кёрста Элен Дюрайн и мне нужна помощь.

Кёрста Тиан вздохнула и промолчала. Мужчина улыбнулся в ответ и как-то очень в тон мне ответил:

— Меня зовут трок Мирэн Шальф. И я костюмер, если вы, кёрста Дюрайн, желаете получить эскиз платья нашей примы, то я легко помогу вам.

Я засмеялась — так как здесь еще не было модных показов, то очень часто женщины брали за образец костюмы театральных и оперных див.

— Благодарю, трок Шальф, но у меня совсем другая проблема.

Через полчаса, отблагодарив трока серебряным фанком, я познакомилась с несколькими претендентами, послушала голоса и выбрала двух молодых милостивых девушек.

Театр я покидала очень довольная, чего нельзя было сказать о кёрсте Тиан. Однако, она промолчала, только укоризненно покачала

головой и не стала меня воспитывать, за что я была ей очень благодарна.

Следующий визит мы нанесли магазину «Детская радость», трюку Крипу-младшему. Удивленный моим визитом трюк, сперва подозрительно хмурился, но поняв, что оплачивать нового продавца я буду сама и полностью, решил пойти мне навстречу. Мы спустились в торговый зал, выбрали место, которое показалось мне достаточно удачным, а маленький стол и стул для девушки трюк пообещал предоставить.

Через два дня продажа коробок с игрой «Золотая рыбка» начала набирать обороты. Каждый день, в самый пик, за столом недалеко от входа сидела молодая симпатичная девушка с теплым голосом и показывала всем вошедшим в магазин сказку о золотой рыбке. Для театральных актрис, которые вовсе не являлись примами это была прекрасная подработка. А для маленьких посетителей магазина — почти настоящий театр. Магазин получал свой процент, при этом продавцы могли обслуживать других покупателей. Актрисы получали подработку, а я получила существенный сдвиг в продажах — медленно и постепенно игра начала завоевывать популярность. Я уже совсем было решила, что не нуждаюсь в такой рекламе и к выпуску второго набора, хотела уволить девочек — они свое дело сделали.

Второй набор был с большим числом персонажей, стоил дороже, и я ожидала хороших продаж. Набор «Маша и медведь» содержал ширму, разрисованную с двух сторон — с одной изба, со второй — лес, кукол «дедушка» с «бабушкой» и, разумеется, «медведя» с «Машей», плюс отпечатанную на хорошей мелованной бумаге сказку. Белокурая «Маша», кстати, очень напоминала Эжен и привела сестренку в восторг.

Однако, уволить я, слава Айлюсу, никого не успела. Я получила очень вежливое письмо от трюка Крипа-младшего с просьбой заехать к нему на работу в удобное для меня время.

— Кёрста Элен, я получил предложение от товарного знака «Фогель и сыновья» устроить для их игрушек такой же отдельный стол.

Я напряглась. Понятное дело, что конкуренты не спали — совсем недавно они стали выпускать игрушки похожие на мои. Возможно, их изделиям не хватало мультяшности, но я прекрасно понимала, что мне

дышат в затылок. Не уверена, что смогут догнать, но пытаться — будут обязательно.

Проблему можно было решить двумя способами. Например, чуть повысить стоимость игрушек и это чуть отдавать в пользу магазина — как арендную плату. Второй вариант был проще — отдавать эти деньги лично троку Крипу. Однако, для начала, стоило бы прояснить его отношение ко всему этому.

— Трок Крип, это ваш магазин, вы здесь управляющий и только вам решать, позволять ли троку Фогелю ставить здесь свой прилавок.

— Кёрста Элен, наш магазин работает с товарным знаком «Фогель и сыновья» уже много лет. Однако вы, кёрста, безусловно очень яркое явление. Начав с нуля, вы завоевали себе имя меньше, чем за год. Ваши идеи игрушек восхитительны! Но я слышал, что недавно вы получили наследство?

Признаться, я растерялась. Я совершенно не понимала какое отношение к делам имеет мое наследство. Хотя отрицать очевидное было глупо.

Глава 38

— Трок Крип, это так. Но при чем здесь мое наследство?

— Кёрста, я скажу вам честно — магазину гораздо выгоднее сотрудничать с вами. Ваших игрушек мы продаем значительно больше, это увеличивает оборот денег и только на пользу торговле, но вы молоды, красивы и богаты...

— Трок Крип, я вас не понимаю... — я начинала сердиться потому, что весь разговор мне казался достаточно бессмысленным.

— Кёрста Элен, мы долгие годы отбирали поставщиков, кроме трока Фогеля у нас бывают игрушки только самых хороших и известных марок. Репутация — это часть нашего дохода. Если вы выйдете замуж, мы останемся без главного поставщика. — Трок помолчал и добавил: — Я собирался сократить процент игрушек других поставщиков в пользу ваших, но вы — девушка и вы разбогатели.

Я опять упиралась в ту же стену — разница менталитетов. Как объяснить троку, что я не собираюсь бросать свою торговую марку? Кроме того, я не могла понять, а зачем собственно трок Крип рассказывает мне все это? Немного помявшись под его вопросительным взглядом, я все же рискнула спросить и ответ меня очень удивил:

— Кёрста Элен, на данный момент вы являетесь старшей в роду и вправе принимать любые решения. Я отдам вам преимущество в магазине при условии, что мы с вами подпишем контракт не менее, чем на десять лет. В таком случае, даже если вы выйдете замуж и надумаете продавать свою торговую марку, вы не сможете это сделать. Закрывать ее — да, продать — нет! Сейчас она стоит немало, и я надеюсь, что возможность потерять такую сумму предотвратит скоропалительный брак. Ведь мы же с вами прекрасно понимаем, что ни один кёрст не позволит своей супруге заниматься делами. Думаю, это обезопасит нас, только помните — продать свою марку вы не сможете!

Логика трока Крипа казалась мне несколько извращенной, но его опасения я поняла. Боясь в одночасье лишиться основного

поставщика, этим договором, он связывал мне руки.

Точнее, он думал, что связывает мне руки. Почтенному троку просто не приходило в голову что даже в замужестве я спокойно смогу заниматься делами своей торговой марки. В его представлении о жизни замужняя кёрст садилась дома и немедленно начинала плодиться, а ее муж только тем и был занят, что караулил супругу и не позволял ей поднять ничего тяжелей чашки чая.

Спорить я не стала. Договорившись, что законники магазина составят новые документы, я согласилась со всеми его условиями. Почтенному троку было даже невдомек, что я или не выйду замуж, или выйду только за мужчину, который будет уважительно относиться к моим занятиям. Договорились, что готовые документы трок Крип пришлет кёрсту Форшеру — для одобрения.

Сразу из магазина вместе с кёртой Тиан я отправилась к старому законнику — предупредить о том, что мне вновь понадобятся его услуги.

В силу неторопливости местной жизни подписание документов назначили только через две недели. Однако, дальше, почти одновременно, произошло два события, которые насторожили и напугали меня.

На следующий день после визита в магазин я получила привычное письмо от кёрста де Лонга, где среди кучи милой болтовни и бытовых подробностей он рассказывал, что вчера сопровождал сестру на вечерний прием в дом кёрста Милеро и там познакомился с моей дальней родственницей по отцу кёрстой Эгреж, пожилой ласковой дамой, которая очень интересовалась моими успехами.

Это кёрста-то Эгреж — ласковая дама?! Мужчины иногда слишком наивны! Меня немного успокоило только то, что он не счел возможным делиться с этой гадюкой тем, что знал сам. А знал он почти всё. Однако в письме Марсель очень аккуратно намекнул мне, что с родней он сам, кёрст де Лонг, поддерживает очень теплые отношения.

В общем-то, это я уже знала. Он часто рассказывал мне о своих племянниках, мы много раз обсуждали биографию его бабушки и я прекрасно видела, что вся их семья очень дружна.

Вторая, насторожившая меня новость, была о кёрсте Персивале Эрнстоне. На этом приеме он появился в обществе своей официальной

невесты, и девушка под недовольным взглядом жениха похвасталась, что фирма Персиваля готовит к выпуску новый пассажирский вагон, который, по ее словам, произведет фурор.

«Не знаю, почему Персиваль держит это в тайне, — писал кёрст де Лонг — раньше он частенько делился со мною своими идеями. Конечно, в связи с его скорой женитьбой, времени на дружеские посиделки у него не осталось, но зачем делать из своей новинки такой секрет от меня?»

Чувствовалось, что кёрст де Лонг несколько обижен на своего приятеля. Разумеется, он знал, что летом Персиваль пытался за мной ухаживать и знал, что наши отношения закончены.

Только, похоже, кёрст де Лонг не знал причины расставания. У меня он не спрашивал, а что сказал ему Персиваль — понятия не имею. Вряд ли он сказал правду, иначе сейчас кёрст де Лонг не удивлялся бы этой тайне. Впрочем, на фоне первой новости эта меркла. Даже если бывший мой кавалер прослышет гением — да и наплевать. Неприятно, но не смертельно.

Обе новости для меня оказались весьма фиговыми, но первая — просто пугала. И если я прекрасно понимала, почему мой бывший кавалер не трубит на каждом углу о новом вагоне — это было противно, но понятно, то интерес к моим успехам со стороны кёрсты Эгреж меня очень сильно насторожил. Что ей нужно?!

По законам этого мира совершеннолетие женщины наступало в двадцать лет. Сейчас у меня был документ старшей в роду, именно потому, что кёрста Эгреж не хотела брать на себя опеку и «деликатно» выдвинула нас из дома — так она сохранила в глазах общества свой образ порядочной женщины. Получается, что это я оказалась столь неблагодарна, что отказалась жить с прекрасной опекуншей.

Честно говоря, после того, как были оформлены все документы и я получила право распоряжаться нашими финансами и жизнью детей, об этой заразе я даже не вспоминала — садистские наклонности родственницы внушали мне отвращение.

Однако, сейчас я задумалась над одним неприятным вопросом — а не может ли эта гадина отыграть все назад? Учитывая, что с той поры наше финансовое положение очень сильно изменилось, а если человек моральный урод, то, как правило это касается разных сторон жизни, не

захочет ли почтенная кёрста Эгреж вернуть нас под свою опеку? Самое фиговое, что я даже не знала, есть ли у нее такая возможность.

Ответ кёрсту де Лонгу я написала сразу же, и тщательно обошла в письме обе эти темы. Мне не хотелось выглядеть ябедой и рассказывать правду о вагоне Персиваля, а тревожить его своими размышлениями о кёрсте Эгреж просто не было смысла. Письмо я отдала горничной с просьбой отправить сегодня.

Завтра я решила поехать к кёрсту Форшеру и уточнить все интересующие меня вопросы. Однако, это прекрасное завтра так никогда и не наступило — после обеда пожилой законник приехал к нам домой и, когда мы уселись в гостиной — я, кёрста Тиан и он, сообщил:

— Кёрста Элен, у меня есть для вас не слишком хорошая новость. Сегодня утром меня посетила ваша родственница, кёрста Эгреж, которая сообщила, что собирается вас взять под опеку.

Кёрст Форшер замолчал, а я, на секунду, потеряла дар речи — сбывались мои самые кошмарные страхи. Наконец, сглотнув комок в горле, спросила:

— Кёрст Форшер, закон дает ей такое право?

— К сожалению, кёрста Элен, дает. Право старшей в роду вы получили, если вспомните, после взаимного отказа от опеки. И вы, и кёрста Эгреж подписали отказ. Она признала эту опеку слишком обременительной. Сегодня кёрста потребовала отозвать свой отказ. Дело это не быстрое...

Помолчали. Кёрста Тиан, которой я как-то вечером рассказала о единственной ночевке под крышей «опекунши» стиснула побелевшие кулачки, но так ничего и не сказала — выдержка нашей гувернантки была потрясающей.

Я же такой выдержкой не обладала, потому вскочила и начала нервно расхаживать по комнате, пытаюсь сбросить навалившееся состояние паники — только этой гадины и не хватало в нашем теплом и уютном мирке! Да я лучше за границу увезу детей, в бега подамся, в деревне спрячусь, но издеваться над ними не позволю! На землю меня вернул чуть дрожащий голос кёрсты Тиан:

— Элен, успокойтесь и сядьте. Вы разумная девушка и высокородная кёрста, а не глупая сельская девчонка. У вас есть знания и деньги, сперва нужно попробовать все возможные законные способы

избежать этой опеки и только потом, если не получится — тут кёрста сделала маленькую паузу и улыбнулась, глядя мне в глаза — можно будет позволить себе... Ну, скажем — небольшую истерику.

Кёрст Форшер одобрительно покивал головой, глядя как я усаживаюсь за стол.

— Кёрста Элен, я сделаю все что смогу, но увы я не всемогущ! По закону я обязан запросить из архива и вернуть кёрсте Эгреж ее документ в течении сорока пяти дней.

— А потом?

— А потом кёрста снова может претендовать на роль вашего опекуна. — Он беспомощно развел руками.

Глава 39

Разумеется, ни Линку, ни, тем более, Эжен, я ничего не стала говорить — они еще слишком малы. Рассказала все только гувернантке. Сейчас она была единственным взрослым человеком, с кем мне можно было поделиться бедой.

Однако, у самой у меня состояние было такое, что дети невольно чувствовали приближающуюся грозу — я заперлась в кабинете и, медленно и методично, изводила себя мыслями о том, что не смогу обеспечить детям спокойное детство, не смогу защитить их от бесконечного унижения и даже, возможно, недостатка питания.

Грей что-то чувствовал и периодически подходил к двери, скребся и жалобно поскуливал. Прибегал и барабанил в дверь Линк — отговорила срочными делами.

Приходила кёрста Тиан, стучалась в кабинет, но я попросила оставить меня в покое — навалилось какое-то странное безразличие и вместо того, чтобы серьезно обдумывать, например, вариант мгновенной продажи торговой марки конкурентам и бегство с детьми, я тупо сидела и пялилась на нераспечатанные конверты с письмами от Марсея.

Этот странный упадок сил длился до самого вечера. Я, периодически, впадала в дрему прямо в кресле за столом, но поздно ночью вновь заявила кёрста Тиан и потребовала открыть дверь:

— Кёрста Элен, откройте немедленно, или я прикажу выломать!

Убедившись, что я жива и здорова, она произнесла следующее:

— Элен, вы не одна в этом мире. У меня совсем крошечный доход, но, если вы не найдете выход — мы можем вместе с детьми переехать в деревню, подальше от столицы. И там начать жить заново — вряд ли нас найдут быстро, а может и вообще не станут искать. Однако помните, моя дорогая — уныние — большой грех. Так что думайте, а не раскисайте, и помните про то, что в крайнем случае есть у нас с вами «черный ход».

С этим кёрста и вышла, а я начала успокаиваться — ночью я захотела есть, выползла на кухню, заварила себе чай, и вернувшись в кабинет, зажгла обе керосиновые лампы. Прихлебывала горячий

напиток, вяло сжевала два каких-то пирожка, так и не поняв с чем, и листала «Мемуары рассерженной женщины», листала и завидовала. Прабабушке кёрста де Лонга повезло — она была вдова и являлась официальным опекуном наследника.

Мелькнула даже мысль попросить Марсея немедленно жениться на мне — тогда кёрста Эгреж не сможет наложить лапы на детей. Ведь на самом деле они ей совершенно не нужны. Скорее всего, даму привлекло наше резко возросшее благосостояние.

За эту мысль я и зацепилась. Мне нужно было понять, что именно сподвергло эту тетку изменить свое решение. Ведь даже став опекуном она не сможет просто так пойти и опустошить банковские счета детей — деньги положены туда до их совершеннолетия и снять их можно будет только в случае их смерти.

Судя по тому, что я видела в ее доме кёрста богата и ни в чем особо не нуждается. Вряд ли она задумала убить детей — масштаб злобности в ней не тот.

Я встала, скрестила руки на груди и начала монотонно бродить вдоль стены пытаюсь найти решение.

Итак: убивать детей она не собирается. Мелочно изводить — да, унижать, оскорблять — да, но смерть привлечет внимание, да и слишком повредит её репутации. Значит — что? Значит добратся кёрста попытается не до наших денег, лежащих в банке, а до моей торговой марки.

Несмотря, на то, что время перевалило за полночь я чувствовала какое-то странное возбуждение — понимала, что попала в точку! Продолжила рассуждать дальше.

Не знаю, что ее побуждает ввязываться в опекуновство. Единственное разумное объяснение, которое я нашла — деньги. Тут возможны два варианта — или у кёрсты есть какой-то тайный порок, на который она спускает свои доходы и тогда ее финансовые дела сейчас далеко не блестящи, или же есть какая-то «хотелка», которая ей не по карману.

Конечно, следует уточнить у кёрста Форшера, но я так понимаю, что, став нашим опекуном она получит в полное и безраздельное владение мою торговую марку. Цель кёрсты Эгреж я поняла.

Смущало меня другое — я не понимала какими средствами она воспользуется. Даже если она немедленно продаст мою марку за

хорошие деньги — эта сумма не может исчезнуть безвозвратно. Мне восемнадцатый год и через два я достигну совершеннолетия и буду иметь право потребовать финансовый отчет.

Должен быть какой-то финт, чтобы ограбить меня. Он обязательно есть, и он кажется кёрсте безопасным! Она бы не стала просто так рисковать своей репутацией! Значит для нее существует какая-то «отмазка».

Я уселась за стол, выдохнула и принялась думать дальше. Я перебирала варианты избавления от кёрсты, но все они имели существенные минусы — или были слишком рискованны или я теряла свою репутацию, или и то, и другое вместе. Например, я бы могла совершить какой-нибудь «акт протеста», ну, скажем, сходить на вечернее представление в театре одной. Вряд ли кёрста захочет брать под опеку девицу с подмоченной репутацией. Но, даже если она откажется от своего плана, этот мой поступок ляжет грязным пятном на жизни Линка и Эжен.

Чертовы светские условности! Должен, должен быть какой-то выход!

Поспать нормально мне так и не удалось — утром пришлось попросить у кёрсты Тиан пудру и замазать синяки под глазами. Я, в сопровождении горничной, отправилась к кёрсту Форшеру — мне нужна была точная и достоверная информация о законах. Не стоит опираться на домыслы.

В целом, кёрст Форшер подтвердил все, что я надумала. Да, кёрста Эгреж не доберется до денег детей и даже до моих денег, лежащих в банке. Но она имеет право продать торговую марку. Тут кёрст Форшер некоторое время помолчал, а потом, глядя на меня с какой-то жалостью сказал:

— Кёрста Элен, мне кажется, вы не понимаете самого главного. К сожалению, кёрсте Эгреж вовсе нет нужды самой продавать вашу марку, так как став совершеннолетней вы можете потребовать у нее отчет о ведении ваших финансов. Гораздо проще кёрсте выдать вас замуж по договоренности. И тогда вашей маркой будет распоряжаться ваш муж, а уж у него-то никто не имеет права потребовать отчет. Даже вы.

Сказать, что эти слова меня обрадовали — это ничего не сказать! Я пришла в такой восторг, что как ребенок захлопала в ладоши. Кёрст

Форшер встревожился:

— Кёрста Элен, может быть воды?! Вам дурно?! Может быть — врача?

С большим трудом я убрала с лица улыбку из серии — «рот до ушей» — и сказала:

— Кёрст Форшер, а вы уверены, что нет других лазеек?

Кёрст несколько минут размышлял, мысленно перебирая варианты, а потом ответил:

— Кёрста Элен, если они и есть, то я их просто не вижу.

Наш разговор длился не так и долго, но я выходила из кабинета законника гораздо более спокойная, чем вошла туда. А он, лично провожая меня до дверей, заявил:

— Я всегда верил в вас, кёрста Элен! С самого начала понял, что вы необыкновенная! — Он по-доброму улыбнулся и добавил: — Я постараюсь ускорить процесс и напишу вам, как только получу бумаги.

Прямо от кёрста Форшера я, в сопровождении Виты, отправилась в банк. Благо, что документ, подтверждающий права «старшей в роду» у меня был с собой.

Банковский клерк некоторое время слушал меня с удивлением, а после, извинившись вышел из кабинета и вернулся со служащим рангом повыше. Серьезный и почтительный кёрст Гиймон выслушал мою просьбу довольно спокойно, но потом все же попытался переубедить:

— Кёрста Дюрайн, я понимаю, что у вас могут быть свои резоны для такого поступка, но уверены ли вы? Понимаете ли вы, что потом никакие ваши слезы не дадут доступа к этим счетам?

Я с улыбкой подтвердила, что все понимаю, во всем уверена и попросила поторопиться.

Визит к трою Крипу-младшему закончился вполне ожидаемо. Чуть удивившись и нахмурившись, он уточнил причину такой спешки. Я нахально и бессовестно соврала ему, что собираюсь выезжать с детьми на воды, на весь летний сезон и хотела бы закончить все дела до отъезда.

Через десять дней все необходимые документы были подписаны и заверены.

Признаться, я не ожидала такой наглости от кёрсты Эгреж. Похоже, я просто недооценила садистскую составляющую ее характера. Она заявила к нам в дом без предупреждения за две недели до назначенного ей кёрстом Форшером срока.

Сопровождал ее среднего роста мужчина возрастом около пятидесяти, с неприятным обрюзглым лицом, на котором все стремилось вниз — и наружные уголки глаз, и кончик крупного носа, и вечно опущенные углы губ.

В это время мы с Линком стояли одетые в прихожей, собираясь на прогулку в парк. Я радовалась предстоящей встрече с Марселем и собиралась рассказать ему о последних событиях — почему-то писать об этом не хотелось. По случаю яркого весеннего дня мы были одеты достаточно легко. Изрядно подросший Грей солидно сидел в углу холла ожидая заветных слов:

— Грей, гулять!

Иногда терпение немного изменяло ему и тогда он, совсем щенячьи, переминался с лапы на лапу и жалобно подскуливал, однако, тут же вспоминал, что он серьезный взрослый пес, ставил уши торчком и замирал.

Я еще топталась у зеркала, когда кто-то забарабанил дверным молотком. Вита, державшая в руках мою сумочку, удивленно глянула на меня и пошла открывать дверь.

Отодвинув горничную, кёрста Эгреж всплыла в холл под нашими удивленными взглядами, милостиво оглядела меня, Линка и даже насторожившегося Грея, величественно кивнула головой, как бы подтверждая, что заметила наше присутствие и, обращаясь к вошедшему следом за ней мужчине, торжественно произнесла:

— Знакомьтесь, кёрст Пойтер, это и есть ваша невеста, Элен Дюрайн. О мальчике не беспокойтесь, с детьми я разберусь.

В углу тихо заворчал Грей.

Глава 40

Побледневший от испуга Линк встал передо мной, как бы загораживая меня от неожиданных гостей и громко заявил:

— У Элен уже есть жених! И нам другого не надо!

Затем оглянулся, жалобно посмотрел мне в глаза и почти шепотом сказал:

— Правда же, Элен?! Ну, скажи им сама, скажи...

Я ласково погладила защитника по голове и очень серьезно сказала братишке:

— Не переживай, Линк. Все будет хорошо, я обещаю. А сейчас, пожалуйста, попроси кёрсту Тиан спуститься к нам, а сам посиди с Эжен и бонной.

Затем я почти ласково улыбнулась кёрсте Эгреж, полностью игнорируя своего «жениха» и любезно произнесла:

— Пройдемте в гостиную, кёрста, там нам удобнее будет разговаривать.

Потом, как бы спохватившись, окинула взглядом спутника кёрсты и добавила:

— Думаю, вам тоже будет интересно это послушать.

Спустившаяся в гостиную кёрста Тиан довольно холодно поприветствовала незваных гостей, демонстративно подтащила стул к моему креслу и села рядом.

— Элен, мне непонятны твои демонстрации и отвратительное поведение — проговорила нахмурившаяся кёрста Эгреж. — Вместо того, чтобы стараться произвести на будущего мужа хорошее впечатление, ты делаешь все, чтобы вызвать отвращение у воспитанных людей!

— Кёрста Эгреж! — Внутри меня все подрагивало от нервного напряжения, но глаз я не опускала и очень старалась, чтобы голос не дрогнул. — Кёрста Эгреж, захочет ли ваш протеже жениться на нищенке?!

Мужчина недовольно завозился в кресле, хмурясь, но пока не вмешиваясь в нашу беседу. Кёрста со щелчком открыла веер,

несколько раз обмахнулась и, очевидно, взяв себя в руки, очень спокойно сказала, обращаясь к спутнику:

— Не обращайтесь внимания, кёрст Пойтер. Обычный предсвадебный мандраж. — Она ободряюще улыбнулась. — Все невесты нервничают перед свадьбой — это неизбежно.

Потом она обратила свой взор на меня, ласково покивала гололвой и продолжила:

— Кёрста Элен, как ваш опекун я имею все законные права выдать вас замуж по своему усмотрению. — Голос ее просто сочился медом и патокой. — И, разумеется, после свадьбы ваш муж получит полный доступ к управлению вашей маркой и вашими финансами. Не пристало юной кёрст забивать себе голову такими заботами — это дело мужчин.

— То есть, кёрста Эгреж, вы считаете, что организовать и поднять свою торговую марку — вполне женское дело, вывести ее за столь короткий срок в лучшие — женское дело, а распоряжаться результатами труда — не женское?

Кротко улыбувшись, кёрста ответила:

— Я так решила, Элен, и вы ничего не сможете сделать.

Жених что-то одобрительно буркнул, сидя в своем кресле, но так неразборчиво, что я не поняла одобряет ли он слова кёрсты или недоволен моим поведением.

— Ну, пока еще, вы — не мой опекун, кёрста! И, возможно, просто ошиблись, подав требование о пересмотре решения? — я чуть ехидно улыбнулась ей.

Нельзя сказать, что во мне жила железная уверенность — мне было страшно. Пусть прогнозы кёрста Форшера и мои полностью сбывались, но кто знает, нет ли каких-то неучтенных факторов? Однако, я не могла позволить им заметить мои слабость и некоторую панику. Решив не нагнетать больше обстановку я сказала, обращаясь к «жениху»:

— Кёрст Пойтер, соблаговолите подождать несколько минут, я хочу вас ознакомить с некоторыми документами.

Эти «некоторые документы» лежали в отдельной папке в верхнем ящике стола. Нет, разумеется, это были не сами документы, а их точные копии — я не хотела рисковать даже в мелочах. Прихватив папку, я вернулась в гостиную и протянула «жениху» со словами:

— Ознакомьтесь, любезный кёрст, и если вы не против жениться на нищенке и полностью содержать супругу, то, пожалуй, и я не против пойти с вами под венец. Да, конечно, настоящие документы хранятся в конторе кёрста Форшера, но все копии заверены печатями законника.

А на несколько обеспокоенный взгляд кёрсты Эгреж я с улыбкой пояснила:

— В папке находится выписка с моего банковского счета — по состоянию на данный момент сумма вклада — четыре золотых ферка. — Я улыбнулась еще ласковей и добавила: — Остальные деньги я перевела на счет Линка — он мальчик и ему не грозит внезапное замужество. Деньги на его счете будут в полной сохранности до его совершеннолетия и вряд ли он потом подарит их кому-то...

Кому-то из вас — хотелось добавить мне, но кёрста Тиан, будто чувствуя, что я готова сорваться, слегка кашлянула и строго заметила:

— Вам следует быть спокойнее, кёрста Элен.

Она-то точно знала, что сейчас я слегка соврала — деньги я разделила на двоих, поровну, но не стоило давать кёрсте Эгреж повод для беспочвенных фантазий. Пусть поймет, что до них она не доберется! Сделав паузу, но вовсе не для значительности, а просто давая себе несколько секунд — успокоиться, я продолжила:

— Кроме того, в этой папке лежит мой договор с магазином «Детская радость», который полностью прекращает существование торговой марки «Грей» в случае моего замужества. Вы понимаете, кёрста Эгреж, что это значит? Это — не продажа марки за хорошую сумму, а просто — закрытие.

Сейчас я смотрела на кёрсту Эгреж почти с восхищением. Это был именно тот момент, когда долгий опыт и светская выучка помогли ей сохранить лицо. Бросив встревоженный взгляд на читающего мужчину, она продолжала невозмутимо восседать в кресле, только движения веера стали чуть более нервными.

Пожалуй, в светской выучке, в умении держать покерфейс и не дать сопернику понять, что ты встревожен, есть своя прелесть. Этому, безусловно, следует поучиться. Однако, сейчас всё внимание я направила на недовольно насупленного мужчину, который закрыв папку, встал и отчетливо произнес:

— Я думаю, кёрста Эгреж, нам пора.

Вот что значит — деловой человек! Я была несказанно рада, что «жених» понял все сразу и мне не пришлось углубляться в объяснения. Провожать гостей не пошли ни я, ни кёрста Тиан — обойдутся горничной. До момента, пока не хлопнула входная дверь и я, и гувернантка сидели, не произнося ни слова, а потом кёрста Тиан встала, опустила руки мне на плечи и сказала:

— Ты большая молодец, моя девочка. Ты просто умница!

Руки ее твердо держали меня за плечи, а на макушке я почувствовала короткий сухой поцелуй. Потершись щекой о кисть, лежавшую у меня на плече, я слегка сжала ее обеими руками и ответила:

— Какое счастье, кёрста Тиан, что вы однажды вошли в нашу жизнь!

— Я понимаю, что вы перенервничали, Элен, но тем полезнее для вас сейчас будет прогулка по парку. — С улыбкой заявила кёрста.

По сути, пусть и вытянув из меня немеряно сил, весь визит кёрсты Эгреж занял не более десяти-пятнадцати минут, и мы еще вполне могли успеть повидаться с Марселем. Кёрста Тиан была абсолютно права — нет смысла откладывать прогулку. Тем более, что вызванный горничной извозчик до сих пор дожидается нас.

Я поднялась на второй этаж, где Линк заканчивал показывать Эжен «Машу и медведя». Смирно сидящие на стульчиках малышка и бонна изображали восторженную публику в театре. В данный момент они радостно хлопали кукловоду. Я поцеловала сестренку, сказала, что погода прекрасная и пусть они с Моной идут гулять.

Вынув из кармана монетку, я протянула бонне со словами:

— Это вам на качели. Ну, и тебе на сладости, Мона. Только купишь себе что-то потом, не корми Эжен до обеда! Договорились?

Мона усердно закивала и повела радостную Эжен одеваться. Я сильно подозревала, что кроме тётушки Фок еще и она балует малышку — толстушка искренне была привязана к своей подопечной. Однако выдавать их маленькую тайну строгой кёрсте Тиан я не собиралась — по моему мнению сестренке долго не хватало в жизни радости и тепла, так что это — всего лишь компенсация. А чтобы она не перешла во что-то дурное — я прослежу лично.

— Пойдем, Линк. Грей совсем заждался нас.

— Гулять?! Значит, все хорошо? — брат требовательно заглянул мне в глаза.

Всю дорогу он выпрашивал меня. Его поразил и напугал визит кёрсты Эгреж. Линк прекрасно помнил прием в ее доме и содрогался от мысли, что, возможно, туда придется вернуться.

Колебалась я недолго, брату шел четырнадцатый год, не такой уж он бессмысленный малыш, чтобы стоило скрывать от него правду. Рассказ был долог и подробен, некоторые вещи он понимал не сразу, но в конце, когда мы уже подъехали к парку, он произнес фразу, которая меня очень порадовала. Ободряюще погладив меня по руке, он сказал:

— Ты не переживай, Элен, когда я вырасту, я отдам тебе назад все деньги. — Потом еще немного подумал и добавил. — Пожалуй, я пойду учиться на законника, и никто-никто никогда больше нас не обидит.

Я прекрасно понимала цену его словам — ему всего четырнадцать и он, безусловно, захочет еще стать моряком, архитектором или, например, создателем новых паровозов, но то, что в брате не было гнили и жадности, наполняло мою душу теплом.

С кёрстом де Лонгом мы встретились в условленном месте. Я извинилась за опоздание, и вручив поводок Грея Линку, мы медленно двинулись по аллее.

Сегодня нам предстоял длинный-длинный разговор. Я хотела рассказать Марселю и причину нашего опоздания, и мое отношение к новому вагону кёрста Эрнстона. Пожалуй, это был надежный маркер для проверки. Именно реакция на эти две истории и покажет мне истинную суть кёрста де Лонга.

Мне хотелось верить, что в этот раз я не ошиблась, но, обжегшись на молоке, я предпочитала подуть на воду.

Глава 41

Разговор с кёрстом де Лонгом вышел непростым. Он долго и внимательно выпрашивал детали и подробности, а потом несколько сухо спросил:

— Кёрста Элен, а почему вы не обратились за помощью ко мне?

Я немного растерялась, не зная, что ответить, а он продолжал:

— Вы мне не доверяете? Или вы считаете, что я отказался бы вам помочь?

— Кёрст де Лонг, а чем бы вы могли мне помочь?

Кёрст несколько минут помолчал. Мы уже почти дошли до озера, и я подумала, что так и не дождусь от него ответа. В то же время мне было неприятно осознавать, что, обидевшись на меня, придумать что-либо дельное он так и не смог.

Однако, когда мы сели на скамейке и запыхавшийся Линк пристроился рядом со мной, а Грей, высунув язык улегся у его ног, кёрст наконец мне ответил:

— Элен, я прекрасно понимаю, что вы юная девушка, и можете не знать многих вещей... — он немного помолчал и продолжил. — Однако, хоть в наше время дуэли и большая редкость, но они все еще происходят. Неужели вы думаете, кёрста Элен, что я бы не смог вас защитить?

Я оторопела. Мало того, что я знать не знала ни о каких дуэлях, но и сама мысль о них меня пугала. Не хватало еще, позволить Марселю и какому-то постороннему мужику тыкать друг в друга мечами! Или не мечами? Может они уже тут стреляются?! Кошмар какой!

Пауза все затягивалась и Линк начал беспокойно елозить на скамейке, подозревая, что он что-то пропустил и мы поссорились или произошла другая неприятность. Терпел он не так и долго, а потом с сочувствием сказал:

— Знаете, кёрст де Лонг, я раньше тоже ссорился с Элен.

Кёрст с неожиданным любопытством посмотрел на него и спросил:

— А кто был виноват в ваших ссорах?

— Сперва — всегда она.

— А потом?

— А потом она перевоспиталась. Честное слово, она сейчас гораздо лучше, чем раньше.

Я дернула Линка за край куртки, меня несколько напрягли его похвалы, кроме того, я считала, что не дело ребенка вмешиваться в разговоры взрослых. Однако, тут братец добавил довольно странную фразу. Очень задумчиво, как бы больше для себя, проговаривая какие-то личные переживания, он сказал:

— Понимаете, кёрст де Лонг, Элен очень недоверчивая. Вот когда она научилась мне верить, когда поняла, что я ее не подведу, тогда она и стала ко мне относиться лучше. — Очень по-взрослому вздохнув, Линк закончил. — Доверие вообще очень сложная штука, кёрст де Лонг. Я тоже ей не сразу поверил.

Сидя между ними двумя, я чувствовала себя неловко и выговорила брату:

— Линк, вмешиваться в чужие разговоры — это не прилично. Тем более, что ты не знаешь, о чем мы говорили по дороге. Иди-ка лучше поиграй с Греем.

Чуть снисходительно глянув на меня, Линк заявил:

— Я-то, конечно, могу уйти, а вы тут без меня глупостей друг другу наговорите, кому хуже-то станет?

Неожиданно вмешался Марсель:

— Нет, нет, кёрст Дюрайн, пожалуйста, не уходите! Вы старший мужчина в семье, и я хочу, чтоб вы присутствовали...

Тут Марсель сделал паузу и начал судорожно рыться в карманах. Наконец, нашел искомое и протянул мне солидных размеров кулак, разжав руку почти у меня под носом. На крепкой мужской ладони лежала крохотная бархатная коробочка синего цвета.

Я, если честно, просто не успела ничего сообразить. Когда Марсель встал со скамьи и как-то очень спокойно и буднично сказал:

— Кёрста Элен, если вы примите это кольцо и позволите официально объявить вас моей невестой, у меня будут все права на вашу защиту.

Никакого романтического трепета я не испытала. Напротив, меня охватило некое чувство растерянности. Я уже поняла, что в коробочке лежит кольцо и если я его приму, то с этой минуты мы будем помолвлены.

В этом мире к помолвке относились очень серьезно. Разорвать ее — это скандал и пятно на репутации. Однако, я еще не выяснила для себя все, что хотела и сейчас молча глазела на коробочку, не говоря ни «да», ни «нет».

Пауза все затягивалась и между нами повисло напряженное молчание, которое к моему глубокому облегчению, Марсель прервал самым естественным способом — он просто сунул коробочку в карман и обращаясь к Линку попросил:

— Кёрст Дюрайн, вы не могли бы дать мне возможность поговорить с вашей сестрой наедине? Возможно, беседа поможет ей принять решение.

Линк растерянно кивнул, отвязал от рейки скамьи поводок Грея и задумчиво побрел вдоль озера, несколько раз оглянувшись на нас — переживал. Из-за солнечного дня людей было довольно много и, через пару минут, Линк скрылся за спинами гуляющих парочек и компаний. Мы молчали. Наконец Марсель заговорил:

— Кёрста Элен, вы удивительная девушка и я был бы счастлив если бы вы ответили мне — «да». Но я приму любое ваше решение. Однако, я хотел бы понять, что вас останавливает? До сих пор мне казалось, что наша симпатия взаимна.

— Кёрст Марсель, — я первый раз обратилась к нему по имени. — Я очень ценю ваше желание помочь мне и защитить, но есть еще несколько вещей, о которых мы не успели поговорить.

Марсель кивнул, показывая, что готов меня слушать и я начала объяснять...

— ... таким образом, получается, что я подозреваю вашего давнего друга в непорядочном поведении. И я ничего не смогу доказать ни вам, ни окружающим.

Марсель молчал и хмурился. Потом как-то кривовато ухмыльнулся:

— Знаете, Элен, Персиваль всегда был фанатиком своей торговой марки и мечтал переплунуть вложения собственного деда. Он много раз с сожалением упоминал, что все великие открытия сделаны до нашего рождения. Но я знаю его уже много лет и всегда замечал за ним одну особенность — он очень линейно мыслит. За всю его жизнь, за все время его работы, он сделал массу расчетов, технически грамотных

и верных, но ни разу не отступил ни на шаг от какого-либо правила. И ни разу не создал своего...

После паузы Марсель продолжил:

— В этой истории, Элен, я верю вам больше, чем поверю ему. Год назад произошли похожие события. Тогда это касалось новой модели паровозной топки. Конечно, вы знаете пословицу — не пойман, не вор — но выглядело все это очень грязно. С тех пор наши отношения сильно охладели и видимся мы редко и случайно, как тогда, в кафе... Помните?

Я покивала головой согласно — я прекрасно помнила этот эпизод. И именно тогда кёрст Эрнстон показался мне другом Марселя. А это, как выясняется, была всего лишь случайная встреча.

— Если вы позволите, я постараюсь решить вашу проблему, кёрста Элен.

Я насторожилась. Это как же он собирается решать проблему?! На дуэль что ли воришку вызовет?! Как бы объяснить, что я категорически против любых дуэлей?!

— Кёрст де Лонг, скажу вам честно, мне не жалко тех денег, которые он заработает на новой модели, мне просто обидно, что, не побрезговав воспользоваться моими мозгами, кёрст Эрнстон продолжал считать меня безмозглой женщиной. Именно это и есть настоящее оскорбление! Но я хочу, чтобы вы пообещали мне — никаких дуэлей!

Я требовательно посмотрела Марселю в глаза и повторила:

— Никаких дуэлей!

— Кёрста Элен, я считаю его действия оскорбительными по отношению к вам. — Упрямо и монотонно возразил Марсель.

На скамейку рядом с нами плюхнулась пышнотелая запыхавшаяся дама и, обмахиваясь веером, скосила глаза — похоже, мы ее заинтересовали. Марсель вопросительно глянул на меня, встал и предложил опереться на его руку. Мы побрели вслед за Линком по берегу, продолжая беседу на ходу.

План мести у меня был готов давным-давно и сейчас, понимая, что кёрст де Лонг просто не видит другого пути, кроме этой самой чертовой дуэли, мне хотелось рассмеяться «злодейским» смехом из мультика «Мегамозг». Сдержалась я с трудом — почему-то меня очень

трогали забота и упрямство Марселя, и настроение стремительно рвануло вверх!

— Кёрст де Лонг, если вы мне немного поможете, то поставить на место кёрста Персиваля Эрнстона я смогу очень красиво — я улыбнулась ласковой акульей улыбкой.

Марсель серьезно кивнул головой и подтвердил:

— Я окажу любую помощь, которую смогу. — А потом как-то очень робко спросил. — Кёрста Элен, вы подумаете над моим предложением?

— Но, кёрст де Лонг, как вы видите, я вполне в состоянии справиться со своими проблемами сама. И вам вовсе не нужно приносить свою жизнь в жертву и жениться на мне, чтобы спасти.

Весьма желчно и раздраженно Марсель ответил:

— Кёрста Элен, вы совершенно потрясающая девушка! Я охотно верю, что вы способны перевернуть этот мир с ног на голову, а потом и крутнуть его еще разок. Однако, не могли бы вы, дорогая кёрст, на минутку оторваться от ваших очень важных дел и обратить внимание на то, что я люблю вас, Элен!

Глава 42

Коробочку с кольцом я приняла — мне не хотелось лишать Марсея надежды.

— Поймите, кёрста Элен, я обещаю сохранить это в тайне и, до официального объявления о помолвке, это вас ни к чему не обязывает! — уговаривая меня, кёрст де Лонг смотрел в сторону.

Сцена вышла несколько тягостная, честно говоря.

Нельзя сказать, что я оставалась к нему равнодушной. Безусловно, в моем отношении присутствовали и легкая влюбленность, и нежность, но привычки мыслить рационально и полагаться только на себя никуда не делись, это существенно снижало градус романтизма, но и поделаться с этим я ничего не могла.

Пусть изредка мне и мечталось о кружащей голову страсти, но в другом человеке я всегда больше буду ценить его порядочность и верность слову, а не собственные эмоциональные порывы.

Кёрст де Лонг проводил нас домой и пообещал все выяснить в ближайшие дни. Вечером был разговор с кёрстой Тиан. Последнее время у меня вошло в привычку делиться с кёрстой своими мыслями и переживаниями. Кандидатуру Марсея она одобрила, но сочла необходимым добавить:

— Элен, пока вы, официально, не жених и невеста, вы должны особенно строго соблюдать светские правила! Увы, моя девочка, за свою долгую жизнь мне не раз приходилось сталкиваться с молодыми особами, чью репутацию погубили неосмотрительными действиями. Я не знаю, захотите ли вы вести активную светскую жизнь, Элен, у вас странные для молодой девушки занятия и увлечения, но в любом случае — не стоит демонстративно противостоять обществу. — Она подумала и добавила: — Случись что, потом это может сказаться и на ваших деловых связях. В вас, моя дорогая, и так слишком много необычного.

Письмо от Марсея я получила на пятый день и возникшую в связи с этим проблему мне также помогла решить кёрста Тиан:

— Нет, нет, Элен, ни в коем случае! И присутствие Линка или горничной вас не спасет!

Немного подумав, она дала мне совет, о котором я и написала Марселю. Через два дня я получила вполне официальное приглашение от кёрсты Ивонны Мерридж на небольшой семейный вечер в ее доме.

Понимая, что ближайшее будущее сулит мне много неожиданных встреч и переговоров, я поняла, что пора обновлять гардероб. Теперь я могла себе позволить не вздыхать над каждой блузкой и ленточкой, так что мы с кёрстой Тиан совершили серьезный набег на модные магазины.

— Вот это — отлично подойдет, Элен!

«Вот это» было нежно-бирюзовым туалетом с отделкой тонкими шелковыми кружевами и, действительно, очень шло мне. Зато мой выбор туфель и сумочки вызвал некоторое опасение у кёрсты:

— Элен, это красиво, бесспорно. Только слишком смело и неожиданно, девочка моя. Может быть, вы удовольствуетесь серым оттенком?

Но я уперлась — замечательные туфельки бронзового цвета идеально сочетались с небольшим ридикюлем расшитым бисером в тон и довольно широким поясом с такой же вышивкой. Да, смело, не спорю, но — красиво и ярко. А у меня хорошая внешность и я вполне сумею это подчеркнуть. Мне наскучили монотонные туалеты «юной скромной кёрст»!

До особняка Мерриджей меня провожала Вита, она же осталась дожидаться меня в холле. Дом Мерриджей был семейным и считалось, что юным незамужним девушкам полезно бывать в таких домах. Посетить, например, дом даже пожилого холостяка, хоть бы и родственника, было бы неприлично. А к семейной паре — добро пожаловать!

Присутствовали всего шесть человек. Сама кёрста Ивонна, миловидная шатенка лет тридцати с элегантной укладкой, в спокойном туалете кремового цвета — это и была старшая сестра Марселя, ее муж, улыбчивый спокойный мужчина с легкой сединой, семейная пара Катишь и Петер Лизор, оба пухловатые блондины, похожие, как брат и сестра — дальние родственники кёрста Мерриджа и кёрст де Лонг.

Вести деловые переговоры за столом было совершенно недопустимо, о чем меня не единожды предупредила кёрста Тиан, поэтому весь ужин я поддерживала необременительную беседу о погоде, летних курортах, театральных постановках и новой модной

опере, а сама аккуратно рассматривала кёрста Лизора. Возможно, мне придется с ним общаться долго и плотно.

После ужина Марсель, кёрст Мерридж и кёрста Катишь Лизор уселись за карточный стол, а кёрста Ивонна подозвала к нам кёрста Лизора словами:

— Кёрст Петер, я давно хотела у вас спросить...

Думаю, Марсель имел с кёрстом не один предварительный разговор, потому что мужчина живо перебрался в соседнее с нами кресло и с любопытством разглядывая меня, сказал:

— Кёрста Дюрайн, наш младший сын просто в восторге от игрушек вашей торговой марки. Никогда бы не подумал, что у столь юной девушки может быть такая деловая хватка!

Кёрста Ивонна засмеялась и ответила:

— Наша семья, кёрст Петер, всегда славилась необычными женщинами, но как выяснилось, неординарные женщины встречаются не только у нас, — она дружелюбно улыбнулась мне и добавила, — беседуйте, я постараюсь вам не мешать.

Из письма Марсея я знала, что кёрст Петер Лизор служит ведущим инженером в торговой марке, конкурирующей с маркой семьи Эрнстонов. Я прекрасно осознавала, что представленный мне мужчина — не владелец, но он, как минимум мог свести меня с владельцами, если его заинтересует мой рассказ.

Из маленького бисерного ридикюля я вынула простой карандашный эскиз — почти точную копию того эскиза, что получил от меня Персиваль. И спокойно, никуда не торопясь, рассказала кёрсту о том, что именно сейчас в такой тайне строят его конкуренты.

— Только понимаете, кёрст Лизор, это просто предварительный набросок, над которым я особо и не думала. Однако сделав закрытый вагон по такому типу кёрст Эрнстом продвинет свою фирму совсем чуть-чуть. А у меня есть довольно интересные идеи по конструкции вагона, которые сильно изменят финансовое положение той марки, что в них вложится. Однако, кёрст, как вы понимаете, бесплатно эти идеи я не отдам.

Пока я говорила, брови кёрста ползли все выше и выше, однако слушал он внимательно, заполучив в свои руки листок с карандашным эскизом, задал несколько вопросов и даже поинтересовался, как я додумалась до такого.

— Я назвала бы эту науку — эргономика. На самом деле идея о том, что такая наука может быть полезна, пришла мне в голову когда делали ремонт в моем доме, — я засмеялась. — Понимаете, кёрст Лизор, старая кухня была так неудобно расположена, что я задумалась о том, сколько лишней работы приходится делать слугам и что будет, если просто поменять местами часть мебели. Получилось у меня совсем не плохо, и с тех пор я стала с любопытством смотреть на разные помещения и думать, как их сделать удобнее. Понимаете? Не красивее, кёрст, а удобнее, практичнее. Вот так мне и пришла в голову эта идея с вагоном — я тогда путешествовала с одной замечательной кёрстой в Майн и чувствовала себя в вагоне не слишком хорошо.

Кёрст разглядывал карандашный набросок, крутил его в руках, очевидно что-то прикидывая, а потом спросил:

— Вы хотите сказать, кёрста Дюрайн, что знаете более удачное решение?

— Не просто более удачное, кёрст Лизор. Полагаю, то, что я придумала, способно многое изменить на железной дороге, даже продолжительность путешествия...

К сожалению, поболтать с Марселем у нас так и не получилось, зато кёрст Лизор уезжал, предварительно испросив у меня разрешения нанести визит, разумеется, вместе со своей женой, допустим дней через пять-десять. И получил приглашение на чашку послеобеденного чая в любой удобный для них день.

В ближайшие выходные шли дожди, и увидеться с Марселем в парке мы не смогли. Это было грустно...

Зато мы оба постарались компенсировать разлуку письмами. Я написала, что мне очень понравилась сестра Марселя и спокойная, уютная атмосфера в их доме, на что Марсель с юмором ответил, что это исключительно потому, что его племянники находились под охраной двух гувернанток.

— Иначе бы вы, кёрста Элен, вовсе не сочли вечер тихим и спокойным! Два этих маленьких чудовища способны устроить столько шума и с такой скоростью перевернуть все вокруг, что только наличие в доме второго этажа и спасает гостей.

А еще Марсель писал, что кёрст Лизор не просто ушел очень задумчивым, но и навестил его в офисе, желая узнать подробности обо мне.

— Как вы понимаете, кёрста Элен, делиться чем-то личным я не мог, да и не так много я знаю о вас, как хотел бы. Однако, я счел нужным сказать ему, что вы — обладательница прав «старшей в роду». Это произвело на кёрста серьезное впечатление. Согласитесь, что в наше время такой документ — большая редкость, а уж женщины его получали буквально считанные разы за последние лет пятьдесят.

В самом конце текста была приписка о том, что кёрст Лизор собрался беседовать обо мне с владельцами фирмы.

Глава 43

Медлительность местной жизни в сочетании с кучей светских правил очень сильно замедляли продвижение переговоров.

Однако, ближе к концу лета, был таки подписан предварительный договор о том, что кёрста Элен Дюрайн письменно излагает новую концепцию вагона, а марка «Арманд и Стонгер» обязуется рассмотреть идею, составить техническое обоснование и, в случае, если хотя бы пятьдесят процентов изложенных мной поправок пойдут в дело, то кёрсте Элен Дюрайн будет полагаться три процента прибыли от каждого нового проданного вагона. Без дальнейших вложений с её стороны. Это была чистая победа!

Я просила пять, понимая, что ничего, кроме бумажки с примитивным чертежом и кучи описаний того, что именно и как должно быть устроено в вагоне, я дать не смогу — свои знания я ценила высоко. Понимала — изменения будут столь существенны, что, запатентовав часть этих идей, фирма легко вытеснит с рынка конкурентов.

Спорили мы очень долго, но предлагаемый мне один процент настолько не устраивал меня, что я, со злости, заявила, что мне проще поискать другую торговую марку.

— Возможно, уважаемые кёрсты, там окажутся более сообразительные и расторопные люди. То, что я предлагаю, даст возможность пассажирам не менять поезда каждые пять-шесть часов, а, спокойно сев на свое место, доехать от столицы до окраин страны или даже за границу, никуда не выходя.

— Пока это только слова, кёрста Элен — несколько небрежно ответил мне сам Стонгер — один из основателей фирмы, довольно въедливый старик.

— Тогда, подписав договор о предварительных намерениях вы ничем не рискуете!

Эти нудные споры продолжались долго, но на все требования предъявить хоть что-то я отвечала отказом:

— Кёрсты, я не могу вам доказать, что вагон Персиваля Эрнстона придумала я. Но видя, как ведут дела мужчины, я понимаю, что

больше ни разу в жизни не поделюсь ни одной идеей, нравится вам это или нет! Я не собираюсь одна нести риски!

Кёрста Тиан, которая присутствовала на большей части этих переговоров, в конце концов заявила мне:

— Сделайте перерыв, Элен. Например, вы можете заболеть на недельку. А еще лучше, если вы соберетесь на пару недель с детьми в Фурже.

— в Фурже? А что там такое?

— О, Фурже — это маленький, не слишком популярный городок у моря, — кёрста помолчала и с улыбкой добавила, — зато там находится огромный завод, самый большой в стране, который производит не только паровозы, но и вагоны.

Именно так я и сделала. И хотя путешествовать нам пришлось целым табором, с бонной, горничными и огромной кучей багажа, дважды менять поезда и проторчать на одном из вокзалов почти четыре часа в самую жару, две с лишним недели на море доставили столько радости детям, что я ни о чем не пожалела.

А по возвращении с курорта меня ждало то самое приглашение, и мы, наконец-то, подписали договор о намерениях сторон.

Бумаги у меня были уже готовы. И начерченный от руки план вагона, и указания переделать сидячие места в спальные, и описание варианта мужских и женских вагонов, и описание вагона второго класса с четырьмя спальными местами в купе, и схематически нарисованный туалет, а главное — объяснение, что крыша вагона должна представлять собой цистерну.

Плоскую цистерну, где будет находиться вода. Это даст пассажирам возможность умываться, пользоваться туалетом, спать в вагонах и есть в вагоне-ресторане.

Идею ресторана на колесах я предложила просто бонусом. А к четко расписанному плану, что и зачем следует изменить, я приложила еще один карандашный рисунок, на котором изобразила, как, по моему мнению, должен выглядеть железнодорожный узел для смены паровоза — что-то вроде прообраза современного вокзала, где существует несколько платформ.

Сама идея смены паровоза у поезда была достаточно революционной, но именно это и позволяло пассажиру сесть в купе на вокзале в столице и добраться куда угодно, не меняя поезда и своего

купе. Так что сразу же после подписания предварительного договора, под одобрительным взглядом кёрста Форшера, я и отдала папку с записками присутствующему здесь же кёрсту Лизору.

Нетерпение кёрста было столь велико, что, не взирая на солидный официоз кабинета одного из владельцев марки, он мгновенно заглянул в папку, рассмотрел рисунки, потыкав пальцем в корявое изображение вагонов в поперечном разрезе, спросил у меня:

— Это что? Цистерна для воды? Однако-однако... Смело, кёрста, смело!

Потом еще что-то побормотал, полистал бумаги под напряженными взглядами обеих владельцев, и почтительно поклонившись мне, сказал:

— Думаю, кёрсты, вам придется платить эти проценты. Конечно, тут многое нужно обдумать и проверить, но...

На фоне всей этой нервозности истинным успокоением для меня стали дела моей торговой марки. Магазин скупал все игрушки, расходились они достаточно хорошо.

Я снова начала откладывать деньги на счет и ощутимо подняла зарплату и кёрсте Тиан, и слугам. Я очень дорожила и своей семьей, и той стабильностью, которую торговая марка «Грей» мне давала. Однако, было в этом благополучии и маленькое «но» — мне не хватало в жизни Марсея.

Сперва я уезжала на курорт, что вместе с дорогой составило почти тридцать дней, а когда вернулась в город — нашла несколько писем кёрста де Лонга, в последнем из которых он сообщал, что по делам фирмы уезжает почти до осени. Меня до слез растрогали его прощальные строки:

— Кёрста Элен, мне крайне жаль, что я вынужден вас оставить одну, среди неподписанных бумаг, и не могу оказать даже моральной поддержки. Я не нарушал наш договор, Элен, но перед отъездом, волнуясь за вас, я сообщил своей сестре и зятю, что собираюсь сделать вам официальное предложение, и просил их оказать вам любую поддержку, какая может понадобиться. Поверьте, это вас ни к чему не обяжет, и ваши руки по-прежнему развязаны — вы всегда можете отказаться от моего предложения.

А я не хотела отказываться! Первый раз в моей жизни мне встретился тот самый «рыцарь без страха и упрека», который видел во

мне не просто симпатичную ему девушку, но и личность. Он не заинтересован был ни в моих деньгах, ни в моих идеях, но переживал за меня и мои дела даже больше, чем за себя. Его не смущала даже та странность, что я не желаю бросать свою торговую марку.

Только размышляла я, скучая без Марсея, вовсе не о его достоинствах, уме и порядочности...

Часто, яркой картинкой, вспоминалась крупная мужская ладонь у меня перед глазами. С той самой синей бархатной коробочкой. Вспоминались темно-каштановые, чуть вьющиеся волосы, из которых, даже при аккуратной укладке, нет-нет да и выбивался непокорный вихор на макушке. Мне хотелось дотронуться до той самой одинокой ямочки на левой щеке, заглянуть в карие глаза с янтарным отливом и сказать, как сильно я соскучилась без него.

Вспоминая прошлую жизнь и придуманную мной для себя «маску силы», я понимала, что и в этом мире я старалась отгородиться от людей новой маской — маской «благоразумной юной кёрсты, с честью несущей свой долг «старшей в роду»».

Да, я полюбила своих брата и сестру, я даже допустила в этот тесный круг кёрсту Тиан, но на этом и все. Я боялась жить, отгораживалась от мира и, заодно, прятала за спиной семью.

За все это время я так и не удосужилась завести себе подруг и знакомых, я даже не попыталась наладить отношения с родными приятелей Линка. В самом начале знакомства я восприняла сестру Марсея просто как удобную ширму для деловых переговоров. Но ведь это не совсем так или даже — совсем не так!

Ивонна Мерридж была интересной и остроумной собеседницей, до отъезда на курорт я бывала в ее доме еще несколько раз и видела, что за маской светской кёрсты и матери семейства скрывается образованная женщина, прекрасно разбирающаяся в местной поэзии и обладающая тонким художественным вкусом.

Однажды она показала мне плоды своего тайного увлечения. Маленькая мастерская была увешена изумительными натюрмортами.

— Может и глупо так тратить время, кёрста Элен, — чуть извиняющимся тоном сказала Ивонна, — но я получаю необыкновенное удовольствие сперва собирая композицию из фруктов и цветов, а потом перенося на холст все оттенки и краски.

Но даже это я пропустила как-то мимо себя.

Получается, что я просто заменила свою «маску силы» на что-то другое. Возможно, в свет и не стоит соваться без маски, но в этом мире уже есть люди, которые видят и знают меня такой, какая я есть. И они любят и принимают меня!

Именно поэтому я с удовольствием приняла приглашение кёрсты Ивонны на семейный обед с детьми в ближайший выходной день.

И именно поэтому я с таким нетерпением ждала приезда Марсея. С ним мне не нужна никакая маска!

Глава 44

В конце лета, по совету кёрсты Тиан, я наняла Линку репетитора — в школьной программе появится иностранный язык, и поскольку раньше брат не получал должного домашнего воспитания, то с языком у него был полный швах.

— Понимаете, Элен, — как-то виновато проговорила кёрста Тиан, — я даже не додумалась проверить знания Линка в этой области. Считается, что с четырнадцати лет мальчики обладают уже достаточным словарным запасом, потому в школе они сразу начинают проходить грамматику. Мне очень жаль, Элен, это мой упущение...

Теперь несколько расстроенный Линк по два с половиной часа в день занимался с пожилой кёрстой Боннер — преподавательницей франкийского языка, ежедневно навещающей его по утрам.

Дама чем-то напоминала мне кёрсту Тиан — была также требовательна и въедлива. Помимо утренних занятий она ежедневно писала двадцать пять-тридцать новых слов для Линка и на следующий день обязательно проверяла новые знания. Так что и вечерние прогулки братцу пришлось сократить.

Очень радовало то, что память у него была прекрасная и зубрежка ему давалась сравнительно легко. А утром кёрста Боннер заставляла его говорить на франкийском и составлять с новыми словами предложения, так что забыть выученное он просто не имел возможности.

За тот месяц до начала занятий, что кёрста посещала наш дом, Линк окончательно смирился с необходимостью учебы и, в целом, начал находить в уроках некое удовольствие.

— Знаешь, Элен, кёрста Боннер говорит, что законнику обязательно знать франкийский. А еще она сказала, что его даже в университете преподают, и что первый свод законов был написан именно на нем! — тут он тяжело вздохнул и заключил, — так что ладно уж, пусть она ходит. Она хоть и строгая, но не вредная.

Я улыбнулась про себя тому, как изменилось отношение Линка к жизни и учебе от момента моего пробуждения в этом мире. А ведь прошло меньше двух лет!

В первый школьный день я, по уже устоявшейся традиции, позавтракала с Линком, проводила его в школу, выпила чаю с кёрстой Тиан и ушла в свой кабинет. Сегодня мне еще предстоит после обеда посетить мастерские, но до того момента я хотела поправить кое-какие выкройки.

На углу стола горничная оставила свежие газеты — после возвращения с курорта я выписала для себя «Столичный Вестник», который выходил трижды в неделю, «Театральную жизнь» — небольшой еженедельный листок, сообщающий о новых премьерах, успехах и провалах — скоро вернется Марсель и мне хотелось быть в курсе светских новостей.

И неделю назад добавила еще несколько «желтоватую» газетенку под названием «Болтушка», где печатали статьи о моде, новых товарах, светских приемах, щедро сдабривая это все изрядной дозой городских сплетен. Однако сегодня я пропустила все деловые новости, а до театральных просто не добралась.

«Двойная жизнь кёрсты Филоны Эгреж», — набранный крупным шрифтом заголовок бросился мне в глаза, едва я взяла в руки резко пахнувший типографской краской лист «Болтушки».

Заголовки меня просто потрясли! Я не идиотка и давным-давно здраво оценила моральные качества кёрсты-опекуна — гнилая тетка, что уж там. Однако, попасть на первые страницы городских газет — это еще ухитрится нужно!

Продолжила чтение — «Болтушка» щедро делилась скандальными новостями со своими читателями:

«Репутация светской кёрсты должна быть безукоризненна! Многие годы именно такой и обладала прекрасно известная в лучших домах кёрста Филолона Эгреж. Мы не можем упомянуть дома известных чиновников и честных людей, которые гостеприимно распахивали свои двери для этой женщины, дабы не бросить тень на имена почтенных владельцев...».

Еще целый абзац подобного бла-бла-бла, и наконец, я с волнением начала читать описание сути скандала.

Жил был на свете кёрст Пойтер. Пятнадцать лет назад, будучи еще молодым и полным сил, упомянутый кёрст женился на некой девице, чье девичье имя газета не сочла нужным указать.

Кёрст получил за девушкой хорошее приданое, в которое, в том числе, входили богатейшие земли в нескольких сельско-хозяйственных районах. Земли давали отличный доход, молодая жена обожала мужа и первые несколько лет семья жила мирно и счастливо, девять лет назад Айлюс благословил семью рождением ребенка.

Поскольку за спиной каждой юной не бедной кёрсты стоят умудренные жизнью родственники, то брачный контракт пары предусматривал наделение всех рожденных в браке детей изрядной долей фамильного имущества, в частности, из приданого жены детям отходило две трети земельных угодий.

Земли самого кёрста Пойтера к этому времени сильно подешевели, так как управленцем он оказался не самым удачным и предпочитал вкладывать деньги в весьма разорительные увеселения. Так что маленькой кёрсте с рождения принадлежал изрядный кусок земли, а также, по условиям брачного контракта, одна треть фамильного гарнитура с рубинами работы небезызвестного ювелира Роганто.

Я с недоумением читала этот поток сведений, не слишком понимая, при чем здесь биография моего несостоявшегося мужа?! Однако, решив понять все тонкости, снова уткнулась в текст статьи: «Примерно два года назад мать юной кёрсты серьезно заболела и, хотя к ее услугам были лучшие доктора, в начале этого года ушла в чертоги Айлюса.

Юная девятилетняя кёрста осталась очень богатой наследницей и единственной, на данный момент, наследницей своей бабушки по материнской линии — почтенной вдовы кёрсты Марго Гестор.

Надо сказать, что отношения тещи и зятя не складывались почти с самого начала брака. Кёрста Гестор считала зятя слишком падким на светским удовольствиям, расточительным и глупым. После смерти дочери она попыталась добиться опеки над внучкой, но суд отказал ей по вполне очевидной причине — у девочки есть отец!

Так богатая малютка, брошенная на нянек и бонн, осталась одиноко жить в своем поместье, пока легкомысленный отец развлекался в столице.

Однако, после смерти жены кёрст Пойтер вдруг обнаружил, что весьма стеснен в средствах, так как хорошо ли, плохо ли управлялись

земли дочери-сиротки — деньги невозвратно поступали на банковский счет до ее совершеннолетия или замужества.

Некоторое время в столице даже ходила сплетня, что кёрст собирается вновь жениться на богатой сироте, однако, увы, об этом поступке точных сведений собрать не удалось. А наша газета, как вы все прекрасно знаете, почтенные читатели, публикует только точную и достоверную информацию!

Управление землями внучки было поставлено из рук вон плохо, и почтенная кёрста, опасаясь дурных финансовых последствий для любимой крошки, обратилась в небезызвестную контору «Пинч и сыновья».

Результаты слежки потрясли сердце любящей бабушки: контора «Пинч и сыновья» предоставила неоспоримые доказательства /в том числе и показания бывшей экономки кёрсты Филоны Эгреж, чье имя сейчас назвать мы не можем, дабы не помешать судебному процессу/, свидетельствующие, что ее зять, кёрст Пойтер, прекрасно проводит время в объятьях своей давней любовницы, этой самой кёрсты Эгреж.

Какое падение нравов! Не выдержав даже приличного полугодового траура искать светских развлечений просто неприлично!

Особенно скандально в свете этих сведений выглядит то, что уже полгода упомянутая кёрста Эгреж появлялась на всех летних балах в роскошном рубиновом ожерелье.

Да, да, уважаемая публика! В том самом ожерелье, которое унаследовала маленькая осиротевшая кёрста!

На вопросы светских знакомых эта женщина, не стыдясь, заявляла, что данное ожерелье — последний подарок покойного мужа, при этом она не забывала утирать фальшивую слезу и горевать о том, что, хотя её покойный Алуизиус и покинул ее так рано, но в ее глазах он останется лучшим мужчиной в мире — что прямо говорит нам о том, что выходить замуж за своего обедневшего любовника кёрста намерений не имела!

Почтенная кёрста Марго Гестор всю жизнь обладала незаурядной силой воли, однако, мысль о том, что зять так позорно разоряет ее обожаемую внучку, даря своим любовницам принадлежащие юной кёрсте украшения, привела в скромную вдову в такой гнев, что вчера вечером, на светском рауте в небезызвестном доме знаменитого мецената и театрального покровителя, кёрста Гестор сорвала

драгоценное рубиновое ожерелье своей внучки с шеи падшей женщины и публично высказала свое негодование зятю.

По сведениям нашего корреспондента, который имел честь получить приглашение на этот званый вечер, законники кёрсты Гестор уже подготовили документы. Вдова собирается оспаривать права опекуна на основании пунктов 3.2 — «... ненадлежащее исполнение опекунских обязанностей...» гражданского судбника.

Редакция нашей газеты выражает свою солидарность с решением хозяина вечера, который потребовал от кёрсты Эгреж и ее любовника кёрста Пойтера, цитируем: «...немедленно и навсегда покинуть его дом!».

Надеемся, что суд рассмотрит данное дело со всей беспристрастностью и не позволит безрассудному отцу, забывшему о чести и достоинстве, злодействовать дальше!

С почтением к читателям «Болтушки» — собственный корреспондент газеты — Амбервиль Зорм»

Все это я читала в полном обалдении, слабо представляя, коснется ли меня этот скандал и что нужно делать?!

Конечно, вряд ли кёрста Эгреж протянет свои жадные ручки к опеке надо мной и детьми. Она запятнала свою репутацию — дальше некуда!

В чем-то я даже, пожалуй, могу ее понять — выходить замуж за разоренного любовника — удовольствие так себе.

Однако, мне-то теперь что делать?! В голове крутился клубок несвязных мыслей и я, схватив газеты, выскочила из кабинета — нужно срочно обсудить это с кёрстой Тиан!

Глава 45

Полученные сведения несколько встревожили кёрсту Тиан, но подумав, она решила, что ничего опасного для нашей репутации в этом происшествии нет:

— У вас разные фамилии, Элен, кроме того, вы, моя дорогая, раньше вполне успешно отбили ее притязания на опеку, так что вряд ли эта гадость помешает вашей жизни. Конечно, если бы вы сейчас считались ее подопечными — это было бы ужасно! А так — думаю, вся эта грязь не коснется ни вас, ни детей.

В середине осени вернулся домой кёрст де Лонг, о чем немедленно сообщил мне в письме. Я с ужасом подумала о том, что начинается сезон дождливой погоды и встречаться мы сможем крайне редко, а мне так хотелось увидеть Марселя в реале. Мне уже было мало просто получать ежедневные письма. Мне хотелось большего.

Я даже не успела отправить Марселю ответ, как почтальон городской службы доставил второе письмо, в котором кёрст де Лонг приглашал меня посетить публичную лекцию в столичном университете под названием «Природа и свойства электрических сил», которую будет читать профессор Лейтон.

Это было новое модное увлечение высшего света — посещать публичные лекции. Мероприятие считалось открытым и присутствовать там позволялось всем желающим, способным оплатить билет. Поскольку проходили они в дневное время, то некоторые замужние женщины даже осмеливались посещать их в одиночку.

Я немного поколебалась — мне хотелось побыть с Марселем вдвоем, но и Линку было бы полезно послушать такую лекцию. Со всеми светскими вопросами я по привычке обратилась к кёрсте Тиан.

— Элен! — кёрста Тиан как-то укоризненно покачала головой. — У кёрста Линка этих лекций впереди еще столько, сколько он пожелает сам и даже немножко больше. Дайте уже кёрсту де Лонгу шанс, дорогая моя!

Пусть меня немножко грызла совесть за то, что я не беру Линка, но себе-то я врать не стану. Я была безумно рада, что мы идем вдвоем! Я очень скучала по Марселю все это время.

На следующий день кёрст де Лонг заехал за мной на извозчике, терпеливо дождался в холле, пока я накину жакет и приколю к волосам шляпку. Вручил выбежавшим детям небольшие сувениры — маленький деревянный, ярко-раскрашенный паровозик с тремя прицепными вагончиками Линку, очаровательную фарфоровую куколку Эжен, и корзинку со сладостями и тремя сортами чая — кёрсте Тиан.

Дети пищали от восторга, кёрста Тиан благосклонно поблагодарила Марсея, а я на несколько мгновений застыла, глядя на этот самый паровозик — мне вспомнились инерционные игрушки. Конечно, я очень слабо представляю, как они устроены внутри. Но если нанять толкового инженера-механика...

Я решительно тряхнула головой, отгоняя дурные мысли. Приколола наконец-то шляпку, и кёрст де Лонг распахнул надо мной огромный купол черного зонта — на улице моросил дождь.

Позволить себе закрытую карету мы не могли, максимум, что допускали нормы морали — поднятый капюшон коляски, защищающий от ливня. Однако, ловко прикрыв нас еще и зонтом, от взглядов воображаемых прохожих — улицы по случаю дождя были абсолютно пусты — Марсель создал что-то вроде крошечного закрытого пространства. И первое что я сделала, это сняла серые лайковые перчатки, дотронулась до той самой ямочки на левой щеке и честно сказала:

— Как же я скучала!

Марсель поймал мою руку и прижал ладошку к сухим и теплым губам. Так мы и ехали несколько мгновений, закрытые от всего мира, нарушая все нормы морали и приличия, и будучи при этом совершенно счастливыми.

Порыв ветра дернул раскрытый купол зонта и чуть не вырвал его из рук Марсея. Мы нервно дернулись друг от друга, и он, глядя мне в глаза, спросил:

— Вы выйдете за меня замуж, Элен?

Я никогда не была сентиментальна или излишне романтична, но сейчас ответить внятно я не могла. Горло перехватило спазмом от волнения, на глаза навернулись слезы, и я только часто закивала в ответ.

Возможно, лекция профессора Лейтона и переворачивала научные истины этого мира с ног на голову, возможно две огромных стеклянных банки, до половины заполненные внутри каким-то металлом, и давших сухую яркую искру и являлись прообразами пальчиковых батареек, но и мне, и Марселю было на это ровным счетом наплевать.

На саму лекцию мы немного опоздали и нам достались замечательно удобные места, с которых было почти не видно кафедру и профессора с банками, зато и нас видеть никто не мог. Поэтому я сняла перчатки, и мы держались за руки. Иногда Марсель украдкой целовал мои пальцы и это было так восхитительно, так волнующе, что напрочь стирало все воспоминания о жалком подобии моего прошлого интимного опыта.

В ближайшие выходные нам нанесли официальный визит представители семейства де Лонгов — отец Марселя, кёрст Арно де Лонг и его вдовствующая сестра — сухопарая высокая дама, кёрста Жозефина Керт, которая осмотрела меня сквозь золотое пенсне с ног до головы и хмыкнула. Как мне показалось, одобрительно. В присутствии кёрсты Тиан Марселем было сделано официальное предложение руки и сердца, на которое я твердо ответила: «Да!».

Брак в этом мире представлял собой довольно серьезное мероприятие. Здесь вам не тут — сбегал в ЗАГС, расписался, пожил годик — сбегал в ЗАГС, развелся. Все отношения оформлялись брачным договором, подробно расписывающим права и обязанности супругов, принципы наследования имущества, и прочая, прочая, прочая...

Решив не плевать против ветра, я поручила представлять мои интересы кёрсту Форшеру. Уж он-то точно не даст меня в обиду. Надо будет, кстати, пригласить его на свадьбу. Даже не из-за его полезности, а потому, что он очень славный и порядочный человек, и всегда был добр ко мне и детям.

Свадьба была назначена на последние дни весны — конечно, это ужасно долго, но по местным меркам мы и так торопимся. Некоторые ходили в женихах-невестах по два-три года, а то и больше. Но утренние газеты уже содержали объявления о том, что: «... в присутствии представителей обеих семейств кёрст Марсель де Лонг

сделал предложение очаровательной Элен Дюрайн с одобрения своих родных и близких.».

Надо сказать, что в такой системе брака были свои прелести — мы с Марселем теперь получили гораздо больше свободы. Как мой официальный жених, он получил право приглашать меня в театр значительно чаще, чем раньше, водить днем в кафе, откликаться от нашего общего имени на приглашения в семейные дома, и много других замечательных плюшек. В том числе — и снисхождение кёрсты Тиан — она позволила мне дважды в неделю приглашать жениха к семейному обеду.

Самым тяжелым испытанием для нас стало официальное представления меня свету, как невесты кёрста де Лонга. Бал решено было устраивать в загородном поместье кёрста Арно, и, хотя мне не пришлось заниматься хозяйством, беспокоиться о столе, прислуге и прочем, но сам день бала я вспоминала с содроганием — слишком большая толпа народу прошла у меня перед глазами.

Я боялась опозорить Марселя тем, что почти не запомнила никого из гостей, страшилась сделать что-то не так и сказать что-то не то. И если бы не крепкая рука жениха, на которую я опиралась во время церемонии, я бы позорно провалила свой дебют.

А так все сошло достаточно гладко и, ближе к концу вечера, после ужина, на котором мне даже позволили бокал игристого вина, я немного расслабилась, чувствуя поддержку не только от Марселя, но и от всей его семьи.

В те минуты, когда он, выполняя светский долг, приглашал на танец то сухопарую вдову — соседку по имению, то не слишком красивую девицу, оставшуюся без кавалера, рядом со мной вроде бы случайно, оказывалась или сестра Марселя, или официальная хозяйка приема кёрста Жозефина. Они бдительно отбирали кавалеров, приглашающих меня на танец, и оберегали от излишне язвительных языков мамаш, приведших на бал своих дочерей.

По традиции закрывали званый вечер мы с Марселем. И ощущение любви к моему избраннику, слилось с предвкушением скорой свободы таким причудливым образом, что я просто таяла от счастья в его руках.

В поместье мы прожили десять восхитительных дней. Кроме двух племянников Марселя в доме гостили еще и четверо ребяташек в

возрасте от шести до одиннадцати лет — дети соседей по поместью. Так что и Линк, и Эжен нашли для себя прекрасную компанию.

Как ни обидно мне было, но посещать бал кёрста Тиан отказалась наотрез.

— Это просто не мыслимо, Элен! Это дурно скажется на вашей репутации! Нет-нет, дорогая моя...

Это была довольно неприглядная сторона светского общества — работающая гувернанткой или экономкой женщина, формально оставалась кёрстой, а фактически — лишалась всех приглашений на рауты, балы и ассамблеи.

Однако, на утро после бала кёрсте было выделено место за столом и никто из родственников Марсея ни разу не дал понять, что присутствие обедневшей женщины как-то задевает их. Напротив, кёрста Жозефина сделала все возможное, чтобы победить некоторое смущение кёрсты Тиан.

У дам нашлись общие знакомые, темы для разговоров, они с радостью ходили по утрам на прогулку вдвоем, а по вечерам с удовольствием играли в какую-то сложную карточную игру, весело подшучивая друг над другом.

Теплые отношения у меня сложились с кёрстом Арно. Несмотря на свои пятьдесят с лишним лет, это был довольно крепкий еще мужчина, по-своему очень привлекательный внешне. Никакого пивного пуза, ни малейшей распушенности в одежде, и до сих пор — орлиное зрение.

Кроме того, кёрст оказался очень интересным собеседником. Поняв, что я интересуюсь биографиями его бабушки и прабабки не из вежливости, и не из желания осудить, а искренне восхищаюсь этими женщинами — он просто расцвел и с удовольствием делился со мной историями, не вошедшими в книгу, так что нам всегда было о чем поговорить.

Вообще семья де Лонгов произвела на меня прекрасное впечатление. После замужества старшая дочь не стала отрезанным ломтем — и она, и ее супруг влились в семью.

Вдовствующая кёрста Жозефина после смерти мужа также нашла поддержку у своей родни. И у всех были теплые, дружелюбные отношения. Я не заметила ни злобы, ни зависти, ни желания что-то угрызть в свою пользу. Это была именно семья, и именно в том

понимании, которое я сама вкладывала в это слово — доверие, любовь и поддержка.

Был несколько неловкий момент, когда в комнату, где беседовали взрослые после обеда, влетела разгоряченная Эжен. Кёрст де Лонг-старший сидел прямо напротив входа, поэтому малышка с воплем кинулась к нему:

— Дедушка, дедушка, спрячь меня скорее!

Ахнувшая кёрста Тиан сделала замечание:

— Кёрста Эжен, не подобает так обращаться к кёрсту де Лонгу.

На что разулыбавшийся новоиспеченный «дедушка» с улыбкой заявил:

— Право, зря вы так! Пожалуй, мне очень-очень льстит, что такая очаровательная юная кёрста признала меня достойным столь важного титула, — с этими словами он приподнял комок пледа с пустого соседнего кресла и подтолкнул Эжен туда, аккуратно прикрыв ее сверху со словами:

— Я очень рад, что у меня появилась такая очаровательная внучка.

Глава 46

К сожалению, все хорошее рано или поздно кончается. Пришло и нам время вернуться в город — каникулы Линка завершатся завтра.

Первым делом по приезду в город я начала искать хорошего механика. Главным для меня было даже не то, что он был хорошим, а что бы он оказался честным человеком. Тут мне очень помог кёрст Лизор.

Этой зимой мы довольно часто посещали с Марселем светские вечеринки, театр, ассамблеи и прочие увеселения — считалось, что будущим супругам следует получше узнать друг друга.

А поскольку оглашение нашей помолвки было достаточно громким, то нас охотно и много приглашали. Вот в одном из салонов я и встретила с кёрстом Лизором, который и поспешил высказать мне свое восхищение.

Его жена, как обычно, коротала время за карточной игрой похожей на наш бридж, а кёрст, воровато оглянувшись, подхватил меня под локоть и усадил в уголке зала. Он, как и я, прекрасно помнил об общественном запрете на деловые разговоры, но бедолагу просто распирало от новостей:

— Кёрста Элен, вы слышали, что торговая марка кёрста Эрнстона торжественно запустила свои вагоны в эксплуатацию? — он ехидно выделил слово «свои» голосом. — Так вот, благодаря вам, кёрста Дюрайн, — он почтительно склонил голову, — боюсь, что к весне его ожидает сильное разочарование!

Судя по довольной улыбке инженера, разочарование моего бывшего жениха ожидало не шуточное. Тут-то меня и осенило, у кого можно узнать о нужном специалисте.

Мою просьбу кёрст Лизор выслушал без удивления, ненадолго задумался и проговорил:

— Кёрста Элен, я так понимаю, что у вас появилась новая идея? А не желаете ли вы поделиться этой идее со мной? Мне не хотелось бы позднее обнаружить какое-то новшество у конкурентов.

Я успокоила кёрста, объяснив, что в этот раз мне нужна оригинальная деталь для игрушки и никакого отношения к вагонам и

паровозам она не имеет.

— Это просто не ваш масштаб, кёрст Лизор. Да и не нужен для этой игрушки такой образованный человек, как вы. Мне сгодится и обыкновенный механик, лишь бы был честным человеком.

Кёрст задумчиво покивал головой и задал довольно интересный вопрос:

— Кёрста Элен, а много ли придется этому мастеру ходить?

Я не слишком поняла и поэтому уточнила:

— В каком смысле ходить, кёрст Лизор? Это ведь не изготовление вагона или чего-то огромного, где нужно следить, чтобы все гигантские детали встали на свое место, и бегать большие расстояния от одного конца вагона к другому. Это маленькая безделушка, — я показала ему на пальцах примерный размер, — которую можно изготовить прямо у верстака, даже сидя, если рабочее место находится близко.

— Ага, мне кажется, кёрста Элен, я вас понял, — покивал головой кёрст Лизор. — Дело в том, дорогая кёрста, что недавно один очень хороший механик нашей марки остался инвалидом. Небольшая авария в мастерских — он недовольно поморщился, — бывает, знаете ли... Жизнь ему доктор спас, но вот ходить он не сможет уже никогда — ногу отрезали почти до колена. А у него семья. Жена, кажется, трое детей, ну сами понимаете... А он проработал под моим началом больше десяти лет и могу заверить своим словом — очень добросовестный работник. А теперь, разумеется, его ждет только нищета, — скорбно вздохнул кёрст Лизор.

Признаться выслушала я это с некоторой внутренней оторопью.

— Простите, кёрст Лизор, я правильно вас поняла, этот механик пострадал, работая на марку «Арманд и Стонгер»?

— Да, кёрста Элен, именно об этом я вам и толкую — он много лет работал на нашу марку и больше десяти из них под моим началом. Он, хоть и не имеет должного образования, но научился прекрасно читать чертежи и очень ловок в обращении с металлами.

— Кёрст Лизор, но если он пострадал, работая на вашу марку, то неужели хозяева не могут назначить ему пансион?

Кёрст Лизор немного сердито посопел и нехотя, как бы оправдываясь, ответил:

— Разумеется, кёрста Элен, и мастера, и рабочие скинулись для калеки. Признаться, я и сам добавил пару золотых. Но вы же понимаете, что эти деньги рано или поздно закончатся.

— Именно поэтому, я и спрашиваю не назначили ли ему пансион владельцы марки?

— Но так не принято, кёрста Элен! — с искренним изумлением в голосе проговорил инженер — пока человек работает — ему платят, и платят справедливо! Но за что же должны платить владельцы, если он больше не сможет работать?!

Дикий капитализм во всей красе — я молча передернула плечами — человека используют, пока могут, а потом выбрасывают на помойку.

Не мне переделывать это общество, но история незнакомого мужчины разбередила мне душу, лишний раз показав, как много в мире решает общественное мнение, тот самый социум, в котором мы варимся.

Если бы такое поведение владельцев марки осуждалось массово, то и законы, дающие рабочим гарантии, были бы уже приняты. Конечно, рано или поздно появятся и здесь профсоюзы, появятся свои суффражистки, и общество начнет медленно, неохотно, но неотвратимо меняться.

А я, мысленно, поблагодарила всех богов, что моя судьба складывается значительно более удачно, и пообещала сама себе поднять зарплату работницам мастерских.

Первый раз я посетила жилье мастера Борка в рамках благотворительной миссии.

Считалось, что милосердие и благотворительность — удел женщин, поэтому здесь существовал очень неприятный мне, но весьма распространенный, обычай. Кёрста Тиан давно настаивала, чтобы я присоединилась к какому-нибудь благотворительному комитету, но до сих пор мне удавалось отбрыкаться от этой ерунды. То, чем занимались местные дамы и что они называли благотворительность вызывало у меня дикое раздражение.

Город был поделен на части, между парой десятков дамских кружков. Раз или два в месяц благотворительницы собирались в чьей-нибудь уютной, чистой гостиной, много трещали о доброте, при этом не забывая осуждать мерзкие привычки людей из трущоб: «... и вы понимаете, милая кёрста Ария, она прямо у нас на глазах налила суп

для себя в ту же тарелку, из которой только что ел муж! Боюсь, что пока простонародье не изменит свои мерзкие манеры, в этом мире ничего не поменяется!».

Дамы скидывались некой суммой, на эти деньги закупались продукты, иногда теплые вещи, и, в сопровождении пары-тройки лакеев для охраны и переноски тяжестей, замужние кёрсты шли «благотворить», прихватывая с собой для наглядного урока еще и молоденьких дочерей.

После заключения помолвки я один раз, по незнанию, приняла участие в такой акции. Воспоминания были просто ужасные!

Мы доехали до окраины города на извозчиках, причем некоторые особенно богатые дамы прибыли в собственных каретах. Там дружный кружок из примерно пятнадцати-семнадцати человек разбился на четыре части и побрел по разным направлениям грязных узких улочек. За каждой группой следовали несколько лакеев, нагруженные тяжелой поклажей.

Мы, постучав, входили в нищую небольшую комнатенку, которая редко бывала чистой. Дамы брезгливо прикрывали носики надушенными платками, а бодрая пожилая кёрста Пертус, которая командовала нашей группой, делала хозяйке выговор за беспорядок, а потом милостиво наделяла ее несколькими пакетами и свертками.

Больше всего меня поразило, что раздавалась это все даже без понимания кому и что нужно. Например, в одном из домов изможденную хозяйку осчастливили двумя мешочками крупы, парой буханок хлеба и довольно изящным, почти не ношенным платьишком на девочку лет двенадцати.

Если учесть, что перед этим хозяйка говорила о том, что у нее два сына-подростка, которые сейчас на работе, и больной муж: «...да, да, почтенная кёрста, вот он лежит. Сами видите, как ему худо!», то это благотворительное платьишко смотрелось едкой насмешкой. Таким образом мы обошли больше десяти домов, раздавая добро кому попало.

Я заметила интересную деталь — чем меньше детей было в семье, тем чище выглядела комната, — похоже, матери просто не справлялись с кучей малышей.

Рассказывать об этом можно долго, но это был мой первый и последний «благотворительный забег» — я наотрез отказалась

вступать в комитет «Милосердная роза».

Гораздо мудрее на мой взгляд и правильнее поступала Ивонна Мерридж, сестра Марселя. Когда я, будучи в полном шоке от увиденного, попыталась обсудить с ней это путешествие, она чуть поморщилась и сказала:

— Кёрста Элен, я понимаю, что вам, такой юной сложно сталкиваться с неприглядными сторонами жизни. Признаться, я и сама не любительница подобных походов, но увы, все мы живем в обществе и вынуждены соблюдать его законы, — она помолчала и неуверенно продолжила, — я не смею настаивать, милая Элен, но я сделала немного проще — я выбрала шесть вдов с детьми, которых опекаю постоянно. И я точно знаю, кому из них нужны вещи на мальчика, кому на девочку. Некоторые из них работают сами, у одной я регулярно заказываю ремонт белья для нашего дома и плачу немного больше, чем это стоило бы мне у мастерицы. У одной при доме есть маленький огорожок, где она выращивает цветы, и я всегда покупаю у нее букеты для своей гостиной. Раз в месяц я отправляю в семьи продуктовые наборы и, смею надеяться, что моя помощь более действенная.

— Кёрста Ивонна, вы меня успокоили. Ваше решение мне кажется гораздо более разумным. С моей точки зрения помощь не должна превращаться в дополнительную нагрузку. Когда я думаю о том, что эта бедная женщина вынуждена будет бегать по старьевщикам и торговаться за каждую медную монетку... Лучше бы ей вместо этого платья дали лишний каравай хлеба. Пусть цена на хлеб и одежду и несопоставима, но для нее было бы больше пользы.

А моя благотворительная деятельность в этом мире серьезно началась с посещения домика мастера Борка. По требованию кёрсты Тиан Марсель отправился вместе со мной.

— Элен, ходить по таким районам не безопасно! Сопровождение жениха сможет полностью оградить вас от грубости, или, не дай Айлюс, ограбления!

Глава 47

Даже в своем мире я знала, что такое трущобы, однако знание это было чисто условным. Хотя и в родном городе были места, где количество гопников на квадратный метр зашкаливало. Так что требование кёрсты Тиан я признала справедливым, и ближайшие выходные мы потратили на богоугодные дела.

Район, в котором жил мастер Борк, нельзя было в прямом смысле назвать трущобами. Это не были жутким многоквартирные клетухи, где одна семья занимала целую комнату размером с хрущевскую кухню, где не было ни то, что элементарных удобств, а даже достаточного количества матрасов на всех проживающих. Этот мужчина все же долгие годы работал на прилично оплачиваемой должности, поэтому и проживала его семья в относительно чистеньком месте.

На окраине города, вдоль достаточно широкой дороги, были нарезаны крошечные лоскутья земли, на которых люди своими силами возводили разнокалиберные домики из тех материалов, которые могли себе позволить. Здесь были сбитые из бруса избушки, собранные из обломков кирпичей «виллы», и некие подобия таунхаусов — они отличались чуть большими размерами.

Утоптаный грязный снег вдоль калиток говорил о том, что количество народу здесь проживает немаленькое. Марсель постучал в дверь и нам открыла женщина лет сорока пяти с покрасневшими глазами и распухшими влажными руками, которые она вытирала о длинный влажный фартук. Хмуро глядя на нас, она неприветливо буркнула:

— Что надобно?

Марсель немного растерялся и тогда я сочла возможным ответить:

— У меня есть заказ для мастера Борка.

Говорить, что мы занимаемся «благотворительностью» я не стала. Женщина насупилась еще сильнее и хрипловато ответила, отведя глаза:

— Не работает он нынче, Борк-то. Был мастер Борк, да весь кончился.

А потом, как бы разозлившись, она подняла голову, и глядя мне в глаза, пояснила:

— Безногий он теперь, так что ступайте, кёрста, подобру-поздорову, не работник он боле.

Она попыталась захлопнуть дверь, однако Марсель успел вставить каблук в щель и помешать ей.

— А нам не нога его нужна, а голова и руки. Если хотите, чтобы муж работать начал — может пустите нас поговорить?

С некоторым сомнением, поколебавшись, женщина распахнула дверь шире и в морозный воздух клубами ударил влажный, резко пахнувший хозяйственным мылом пар.

— Ну, проходите, коль не шутите.

Дом мастера Борка еще недавно представлял собой образец местного благополучия. На выцветших обоях заметно было яркое пятно от висевших здесь часов-домика — самой дешевой модели, которую я раньше видела только в лавке старьевщика. В углу стоял пузатый буфет, с полок которого уже пропала вся красивая посуда, и уголок кружевной салфетки свисал, как белый флаг капитуляции, с пустой полки. Вокруг обеденного стола, пока еще не проданного, вместо стульев располагались три обшарпанных старых табурета и два чурбака. При этом ни грязи на полу, ни паутины в углах. Даже белые занавесочки на окне радовали глаз чистотой.

В комнате было жарко и очень душно — на расположенной в углу печурке, в огромном баке, вываривалось белье. Похоже, жена мастера после того, как он потерял работоспособность, взвалила обеспечение семьи на себя.

— Подняться вам нужно на мансарду, — хмуро сообщила нам хозяйка, а после этого открыла рот и во всю мощь своего голоса крикнула: — Михель, к тебе тут пришли!

Подниматься с нами она не стала. Лесенка была чуть скрипучая, но крепко сбитая, а перила даже навощенные — хозяйка продолжала следить за своим домом.

Маленькая комнатка, куда мы попали, была супружеской спальней. Широкая кровать с белоснежной простыней уже лишилась одной пуховой подушки — вместо нее лежал какой-то тряпичный куль. Одеяло явно было приобретено в лавке старьевщика — я прямо видела

перед глазами картинку, как выглядело это сдобное супружеское ложе еще несколько месяцев назад.

Вместо тряпки из разноцветных клочков здесь наверняка была роскошная пуховая перина, заправленная в такой же белоснежный пододеяльник, две пышных подушки и, наверняка, теплый коврик на полу. Не знаю, зеркало или картина висела раньше на голубой стенке, но и отсюда хорошие вещи потихоньку уходили на продажу. Нищета вползала в дом медленно и неотвратно.

Мастер Борк сидел на единственном оставшемся стуле, похожем на венский, у окна. Рядом прислонились два неуклюжих самодельных костыля, а на подоконнике разложены были какие-то предметы. Я не сразу поняла, что мастер ремонтирует обувь, и это — обыкновенное шило, дратва и кусок воска.

Сам мастер выглядел лет на сорок пять-пятьдесят. Был сухощав, с обветренным морщинистым лицом, с которого частично уже пропала краснота, и обладал хорошими рабочими руками — натруженными и чуть узловатыми. Несколько неприветливо глядя на нас, он спросил:

— Чего угодно кёрстам?

Разговор был не так и легок, как я ожидала. Точнее, сам-то мастер быстро понял, что я от него хочу. И согласен был, кажется, на все. Но вот не утерпевшая внизу хозяйка вмешалась в разговор со своими подозрениями:

— А ну как обманут, Михель? Так хоть соседи за обувку заплатят, пусть и медяк. А так — ты и не заработаешь ничего! Мало что ли эти богатеи тобой попользовались?!

Под взглядом жены мастер тоже нахмурился и заколебался, однако Марсель решил эту проблему довольно легко:

— Мастер Борк, завтра я пришлю к вам человека, вы продиктуете ему список инструментов, которые вам нужны. Если вдруг, понадобится верстак, или удобное сиденье — не стесняйтесь, он все закупит, привезет и установит. А это — аванс.

Мой жених положил на подоконник перед мастером две золотые монеты.

С каким-то странным всхлипом, типа «О-о-о-ха..», хозяйка взялась за горло, пытаясь, очевидно, заставить себя промолчать. Эта женщина вызывала у меня все больше уважения. Сумма в два золотых — огромная, но стелиться после этого она перед нами не стала. Под

внимательным взглядом мужа она подошла к окну, спокойно проверила обе монеты на зуб и сказала:

— Ну, Михель, похоже не врут тебе гости. Так что, думай сам, соглашаться или нет. Ежели сможешь исполнить заказ — нам бы денежкигодились.

Да, она груба, не образованна и подозрительна. Однако, став кормилицей в семье не попыталась отнять главенствующее положение у мужа и начать руководить им, признавая за калекой такие же права, как раньше признавала за здоровым. Это можно назвать одним словом — порядочность. Я повернулась к ней и спросила:

— Почтенная трок, мне говорили, что у вас трое детей.

Она солидно кивнула головой и ответила:

— Трое, кёрста. Сынок старший сейчас уже в подмастерьях год как работает. У «Арманд и Стонгер». Еще дочка есть, тринадцать лет уже, так она сейчас с малышом в детской. Хорошие у меня детки, благослови их Айлюс, — она неторопливо коснулась ритуальным жестом бровей и рта.

— Почтенная трок, вы позволите сделать вашим детям подарок?

Хозяйка с каким-то подозрением посмотрела на меня, еще раз оглядела с ног до головы Марсея и почти нехотя кивнула:

— Вроде как нет в вас дурного, кёрсты. Ежели от души подарок, то отчего не разрешить?

Все же мы казались ей странными и слегка подозрительными, но я не хотела ждать, пока мастер сделает нужную безделушку — этой семье нужна была помощь прямо сейчас. Они не бездельники и не алкоголики, а несчастье или увечье может коснуться каждого. Я достала еще один золотой, протянула женщине и сказала:

— Потратьте его по своему разумению, так как лучше будет для детей.

Глаза ее чуть увлажнились, но марку она выдержала — взяла монету так, как взяла бы медяк на конфеты, и чуть хрипловатым голосом сказала:

— Обязательно так и сделаю, кёрста. Благодарствуйте на добром деле.

Дома меня ждала печальная новость — заболела Эжен. У сестренки был неприятный лающий кашель и жар, ясные голубые глазки помутнели, она капризничала и отказывалась пить какой-то

горький травяной взвар. Встревоженная кёрста Тиан как раз встречала в холле приехавшего доктора.

А я согрела руки и пошла в комнату сестренки. Больше всего я боялась воспаления легких, но молодежавый доктор, выслушав грудь малышки красивым медным стетоскопом, сообщил, что легкие чистые, и это самая простая инфлюэнца. Он оставил рецепт на лекарства, но в составе я обнаружила опий и запретила травить ребенка:

— Я даже спорить не буду, кёрста Тиан. Состояние Эжен не критическое и травить ее такой дрянью не позволительно! Вот в травяную настойку я верю гораздо больше.

Отложив на несколько дней все дела, я плотно засела в комнате малышки, развлекая ее разговорами, пересказами диснеевских мультфильмов и рисованием для нее прекрасных сказочных фей.

Очередная идея пришла мне в голову на шестой день, когда Эжен чувствовала себя уже настолько хорошо, что после обеда ей разрешили поиграть с Греем. Радости сестренки не было предела, она смеялась, брыкала толстенькими ножками, когда Мона подвязывала ей чулки и даже без скандала выпила горькую микстуру. А я смотрела на эти сборы и понимала, надо прекращать использовать эти кошмарные подвязки.

Так что мой визит с кёрстой Тиан по бельевым мастерским был вполне предсказуем. Самое забавное, что колготки в этом мире уже существовали, пусть не в том виде, к которому мы привыкли, но балетные танцоры носили их. Почему никому не пришло в голову надевать такое же каждый день, мне было совершенно не понятно.

Глава 48

Немного покатавшись по городу и посетив различных мастериц, я убедилась, что путь мой лежит на фабрику к кёрсту Грассу. Заказ мой он принял, хотя и удивился:

— Неужели, в столь юном возрасте дети уже обучаются танцевать в балете?

Съехать с темы мне очень ловко помогла кёрста Тиан, задав какой-то незначительный вопрос. Внимание галантного управляющего немедленно переключилось.

Через две недели я получила первый, экспериментальный образец. Одев его на сестренку, я поняла, что было не так — на колготках не было ластовицы. Снимала я их почти со скандалом. Новинка так понравилась Эжен, что она со смехом пыталась убежать от меня и не реагировала на строгие требования немедленно переодеться.

Я еще раз внимательно рассмотрела изделие — швы шли по бокам, как на тренировочных штанах, а следки были такой формы, как шили на детских ползунках. Конечно, ползунки — вещь хорошая, но мне-то нужны были колготки.

Похоже, мы с кёрстом Грассом не слишком поняли друг друга, так что второй визит на фабрику был неизбежен.

Кроме швов на нужном месте второй вариант был снабжен на поясе небольшими крючками, что давало возможность подогнать изделие по конкретной талии, а передняя часть, как современные спортивные штаны, регулировалась шнурком. Таким образом надеть колготки и моментально снять можно было без помощи горничных. Кёрст Грасс несколько недоуменно пожал плечами и буркнул что-то вроде:

— Как пожелаете, кёрста Элен.

Новый образец я получила еще через две недели и в этот раз он был почти идеален.

Так что, съездив еще раз на трикотажную фабрику, я оставила достаточно большой заказ. Для Эжен — все колготки были белыми и бледно-розовыми, а вот для меня, кёрсты Тиан, Ивонны и кёрсты Жозефины я заказала спокойные телесные оттенки и пробные черные.

Весь вопрос теперь стоял так, как преподнести столь интимный подарок — не вызовет ли это шока и неприятие у женщин, с рождения обремененных огромным количеством условностей? С кёрстой Тиан все было просто — она видела одежду Эжен, и когда ей доставили с фабрики пакет с дюжиной колготок, она просто мило порозовела и, стесняясь, поблагодарила меня. С двумя другими дамами было чуть сложнее.

— Нет, Элен. Категорически нет! Это слишком интимный подарок. Такой поступок будет выглядеть неприлично.

Оставалось ждать нужного случая.

Оформление патента в первый раз прошло с некоторыми осложнениями — в бюро не хотели признавать колготки, как новинку. По совету кёрста Форшера мне пришлось изготовить довольно большую куклу ребенка, ростом с Эжен, и там, на примере, объяснять, чем колготки полезнее чулок, и почему должно быть именно такое расположение швов.

Кёрсты в бюро смущались, нервничали, и, как мне кажется, утвердили патент на новый вид белья для детей исключительно для того, чтобы отвязаться от меня. Второй патент, на колготки для взрослых, мне выдали молча и без пререканий — обсуждать женское нижнее белье никто из служащих бюро не рискнул.

Следующий, третий патент, на инерционный двигатель для игрушек, дался мне уже значительно легче.

Женщины в патентном бюро по-прежнему были в диковинку, поэтому все служащие уже знали меня в лицо. И прекрасно понимали, что за моей спиной стоит такой законник, как кёрст Форшер. Потому, просто вздохнули и принялись оформлять кучу бумажек.

Четверть прав на патент я закрепила за мастером Борком — может это был и слишком роскошный подарок, но и сам мастер и его жена вызвали мое уважение. А денег мне и так хватало.

Кроме того, я позволила себе небольшую прихоть. Заехала в магазин посуды и купила практичный недорогой сервиз на шесть персон для семьи мастера, добавив к нему роскошную хрустальную вазу под фрукты, набор из шести стопочек — для гостей и высокую вазу под цветы — честное слово, такая хозяйка и мать семейства заслуживала немного радости.

Дело плавно шло к началу весны. И Эжен, и я, и кёрста Тиан с удовольствием носили колготки, радуясь, что нет нужды в подвязках. Патенты уже были оформлены, а о моем «странном» заказе на трикотажной фабрике никто и не знал. Пора было выводить эту удобную штучку в люди. Первой жертвой я наметила Ивонну Мерридж.

— Кёрста Ивонна, у меня к вам небольшая просьба.

— Слушаю вас, Элен.

— Понимаете, я всегда обращала внимание на то, с каким вкусом вы одеваетесь, — тут я немного посмущалась, — я хотела бы какое-нибудь необыкновенное свадебное платье, но боюсь промахнуться. Вы не могли бы...

— О, кёрста Элен, я с огромным удовольствием помогу вам подобрать удачную модель! Вы уже выбрали ателье, где будете заказывать? Я бы рекомендовала салон трок Мель — у нее прекрасные мастерицы!

Я точно знала, что делала. Ивонна Мерридж — молодая красивая женщина, увидев меня в примерочной она просто не может не заинтересоваться новинкой.

И в общем, я оказалась права. Воодушевленная идеей поучаствовать в создании прекрасного свадебного туалета кёрста потащила меня в ателье буквально на следующий день.

Не учла я только одного — все это увидели на мне еще швеи и закройщица. А так же — сама хозяйка салона, заглянувшая на шум голосов в примерочную — трок Мель.

Худощавая, любезная и практичная женщина лет тридцати пяти, в простом, но элегантном платье цвета маренго с отделкой из тонкого белоснежного поплина.

Она присутствовала и при первой примерке, внимательно разглядывая меня. Также посетила и вторую, лично оформляя драпировку на лифе платья. Я прекрасно понимала, чем вызван интерес хозяйки ателье, но, поскольку женщина показалась мне достаточно пронырливой — первая на разговор не лезла.

Шустро орудуя булавками, она формировала складки нежного шелка, и, как бы между делом, поинтересовалась, где я заказала такое интересное белье.

Включив «наивняшку», я сообщила почтенной трок, что придумала это сама и мне так понравилась эта вещь в носке, что я оформила на неё патент. От неожиданности трок поперхнулась. Прокашлявшись, она спросила:

— Простите меня, кёрста, но вы так юны... Могу я узнать, кто посоветовал вам взять патент?

Я с улыбкой посмотрела в глаза хозяйке и ответила:

— Для того, чтобы понять, с какой стороны бутерброд намазан маслом, трок Мель, мне совсем не нужны советчики.

Кёрста Ивонна улыбалась, слушая наш разговор, но не вмешивалась. Хозяйка чуть нахмурилась, довольно резко прикрикнула на помогающих ей швей, а по окончании примерки попросила подняться к ней в кабинет:

— Я хотела бы выкупить у вас этот патент. Во сколько вы оцениваете такую безделушку?

Я даже засмеялась от такой «простоты».

— Я совсем не собираюсь его продавать, почтенная трок Мель. Уверенна, что я найду хорошее ателье, заключу договор и буду иметь свой процент долгие-долгие годы.

Разговор закончился вполне ожидаемо, и двадцать процентов чистой прибыли стали моими. Кроме того, разрешение шить колготки на взрослых женщин перешло к трок Мель в эксклюзивном варианте только на два года. Я прекрасно понимала, что одно ателье не способно обеспечить всех желающих. И я собиралась оформить отдельное разрешение на пошив белья для детей в пользу кёрсты Тиан. Хватит ей быть зависимой.

— Когда мы подпишем документы?

— Когда мой законник, кёрст Форшер, их составит. А вам, трок Мель, я могу дать неплохой совет — наймите еще несколько вышивальщиц.

Не слишком довольная условиями трок вздернула брови и спросила:

— И зачем бы мне лишние рты в мастерской?

— Затем, трок, что вышивка по трикотажу сильно отличается от вышивки по обычной ткани. К тому моменту, как вы начнете шить такое белье для женщин, у вас уже должны быть умелые мастерицы, которые смогут расшить его узорами. До сих пор, как вы знаете, по

трикотажу никто не вышивал. Так что обучение девушкам не помешает.

Надо сказать, что мои отношения с трок Мель так и остались весьма прохладными. Женщина не могла простить мне своей собственной ошибки. Видя перед собой молоденькую девочку, она была уверена, что сможет зарабатывать гораздо больше.

Я обсуждала с Марселем, на что пустить деньги от колготок. И его совет показался мне более, чем разумным. Пожалуй, немного подумав, я и сама дошла бы до этой мысли.

— Понимаешь, Элен, далеко не все простолюдины нуждаются в помощи. Многие из них даже не пытаются что-то изменить в своей жизни, некоторые могут просто взять и пропить все, что получили от благотворительниц. Но ведь есть и такие, как мастер Брок и его супруга. Так что подумай, это не худший выбор.

К этому моменту я уже знала, что хотя Марсель и работает простым инженером в фирме «Гейзер», его семье принадлежит более семидесяти процентов самой фирмы. Просто кёрст Арно считал, что для нормального управления активами семьи начинать надо с низов.

Мне очень нравилась эта идея и я еще сильнее заужала будущего свекра, когда узнала, что с четырнадцати лет каждое лето отец отправлял своего сына работать в офисе марки «Гейзер».

И первые два лета Марсель провел там в качестве мальчика на побегушках. Потом работал обычным клерком, потом — помощником бухгалтера и только в двадцать четыре года, по окончании обучения в университете, занял должность инженера.

— Разумеется, Элен, и у нас бывали несчастные случаи. Например, мне было лет семнадцать, когда с крыши сорвался один из рабочих и погиб. И у него осталась семья — жена и трое детей. Я его слабо помню, мы почти не пересекались, но я точно знаю, отец выкупил на окраине маленький домишко, и помог вдове организовать мелочную лавку. Ну, знаешь, такую... С пуговицами, иглками и прочей чепухой. Так что я убежден, что нельзя всех ровнять под одну гребенку.

Решив, что этот совет достаточно хорош, я задумалась о том, как организовать все в одном месте — тратить время на беготню по городу и помогать в разных районах, мне не слишком хотелось. Так что, немного подумав, я выкупила приличный кусок земли рядом со своей

мастерской. Доходы вполне позволяли мне сделать для своих рабочих бесплатными горячие завтраки и ужины — нужна была только повариха.

Платье было готово, пригласительные билеты отпечатаны, праздновать собирались за городом — я не хотела большого торжества. Кёрста Жозефина, дай ей Айлюс здоровья, взяла на себя организацию праздника.

Был один момент, который меня очень напрягал, — я не могла позволить кёрсте Тиан отсутствовать на свадьбе.

Разговор был тяжелый, и совсем не сразу кёрста согласилась принять мой подарок.

— Элен, это непозволительно дорого!

— Кёрста Тиан, если бы не ваша поддержка, неизвестно, как бы сложилась наша жизнь. Поэтому завтра мы поедem к кёрсту Форшеру и оформим все бумаги. Я мечтаю, чтобы вы вернулись в общество. Чтобы никто не считал вас больше экономкой или гувернанткой. Вы давным-давно стали нам родной и близкой. Кроме того, одежда для детей — это именно то, чем прилично заниматься одинокой кёрсте.

Спор был тяжел, но я его выиграла!

По независящим от нас причинам свадьбу мы перенесли на конец первого летнего месяца.

ЭПИЛОГ

Уезжая на работу, Марсель оставил мне на туалетном столике большую плоскую коробку.

— Дорогая, сегодня вечером мы идем в ресторан, и я решил, что тебе нужна новая безделушка.

Я засмеялась, поцеловала мужа куда попало, а попала я в нос, и ответила:

— Кто бы мог подумать, милый, что под личиной сурового директора огромной марки скрывается неисправимый романтик!

Именно таким он и был, мой Марсель.

Четыре дня назад мы чинно и несколько помпезно отметили десятилетие со дня нашей свадьбы в кругу родных и близких, но сегодняшний день — он особенный для нас обоих.

Тогда, много лет назад, сразу после церемонии в храме и бала, мы провели традиционные три дня в поместье кёрста Арно, а на четвертый — уехали в свадебное путешествие.

Ровно десять лет назад, день в день, мы сели в роскошный вагон самого первого поезда дальнего следования марки «Арманд и Стонгер». Именно из-за поезда мы отложили нашу свадьбу — так уж мне хотелось поехать в вагоне «собственного сочинения»! Наше купе было сказочно роскошным.

По моему совету в некоторых вагонах первого класса были организованы большие спальные места. Эти купе предназначались для новобрачных и супружеских пар. Прелесть заключалась не только в искусной резьбе по дереву, позолоте, зеркалах и бархате. При каждом купе первого класса был свой туалет с маленькой душевой, в вагоне-ресторане можно было отлично поесть, а по желанию вышколенный стюард доставлял поднос с горячей едой прямо в номер, точнее — в купе.

Безусловно, позволить себе ехать первым классом могли далеко не все, стоимость билета была такова, что фирме это очень выгодно. До торжественного открытия кёрст Лизор устроил нам с Марселем экскурсию по вагонам второго и третьего класса. Второй класс

напоминал обычный купейный вагон, а третий — стандартный плацкарт.

Скорость местных поездов была еще не слишком велика, но благодаря тому, что для пассажиров был решен вопрос с питанием и туалетом, три-четыре дня в пути не казались уже чем-то страшным. Особенно, если учесть, что раньше дорога до Алтонского побережья занимала от семи до десяти дней и требовала не меньше пяти пересадок, да и стоило это существенно дороже.

Это путешествие было для нас незабываемым! Первый раз мы остались совсем вдвоем, забыв на некоторое время все свои обязанности и заботы, полностью оторвавшись от родных и близких и принадлежа только друг другу.

Конечно, и медовый месяц на побережье запомнился нам множеством счастливых моментов, но именно дорога подарила нам столь желанное уединение. Оттуда, с этого самого побережья, мы и привезли Мишель — нашу старшую дочь. Сейчас юной кёрсте уже девять лет, и глядя в ее карие глаза, я очень часто вспоминаю нежность и удивительную духовную близость, которые накрепко связали нас в дни путешествия.

Рожала я уже в поместье семейства де Лонг. Конечно, муж не мог ежедневно выбираться на работу отсюда, но дружно решив, что для детей загородная жизнь полезнее, мы не стали сдавать в аренду мой дом. Раз в неделю муж уезжал в город, где и проводил две-три ночи. А потом возвращался к нам.

Я слабо разбираюсь в этом, но после того как Марсель запатентовал какую-то непонятную штуку, автоматически прекращающую подачу газа при угасании огня, отец его полностью отошел от дел, передав марку в его руки.

— Мальчик мой, я тобой горжусь!

— Отец! Это, конечно, здорово, но несколько неловко...

— Нет уж, милый мой, у меня есть дела гораздо важнее этого, — кёрст Анри небрежно махнул рукой обозначая «это», — я жду внука и собираюсь стать примерным дедом. Когда станешь старше, ты поймешь меня.

Кёрст рассмеялся, дружески потрепал сына по плечу и добавил:

— Думаю, управление давно нуждается в реорганизации. Ты же фыркал на некоторые мои решения! Вот теперь и развлекайся — чуть

ехидно добавил он.

Анри, названный в честь лучащегося от счастья деда, появился три года спустя, и первое время я очень боялась, что сына просто забалуют. Однако, со временем безудержная опека и потакание его капризам родными переросли во вполне разумное воспитание.

К шести годам Анри был уже вполне серьезным юным кёрстом, ежедневно посвящаящим два часа в день обучению языкам, математике и долгим прогулкам с любимым дедом. Мишель несколько презрительно фыркала на мелюзгу, но кёрста Жозефина следила одинаково строго как за уроками наследника, так и за занятиями старшенькой, потому особо конфликтовать и ревновать им было некогда.

Пупом земли сейчас, безусловно, чувствовала себя двухлетняя Мадлен. Ее беззастенчиво баловали всей семьей. Я не волновалась, уже понимая, что к трем годам все сведется к разумной норме.

Пятнадцатилетняя Эжен являлась предметом моей тайной гордости. Из тощей запуганной малышки выросла хорошо образованная и смелая девочка, которая вот-вот превратится в девушку. Очаровательная синеглазая блондинка с прекрасными манерами, скрывающими железный характер.

Самое забавное, что ее отношения с кёрстом Арно только укрепились со временем. Охотно взвалив на себя бремя деда кёрст много времени тратил на общение с ней и Линком. Он сам, лично, рассказывал им о своей матери и бабушке, и мне кажется, что именно эти разговоры так повлияли на детей. Он рассказывал им и о газовой промышленности, о том, как это современно и удобно, однако и брат и сестра проявили завидное хладнокровие — их не увлекала эта тема.

Линк, как ни странно, так и остался верен своей детской идее — стать законником. В следующем году «малыш» уже закончит университет. То направление в работе, которое он себе выбрал больше всего напоминает мне начало профсоюзного движения.

Он сам додумался до создания пенсионного фонда и собирался претворять свои проекты в жизнь. Вряд ли его будущее будет легким, но безусловно интересным и полезным миру.

В какой-то мере я до сих пор осталась для него мерилom, и все свои мысли он обсуждал со мной. Надеюсь, я смогу предотвратить какие-то радикальные меры, но в любом случае у него всегда будет

поддержка семьи. Да он и сам не склонен к крайностям, несмотря на молодость и горячность. Привычка все проверять и перепроверять очень удачная черта его характера.

А Эжен серьезно интересуется моими благотворительными проектами. За эти годы я, по совету мужа, уже дважды покупала землю рядом с мастерской и, никуда не торопясь, строила небольшие здания или использовала уже готовые.

Так появилась мелочная лавка, где торговала работающая вдова с четырьмя детьми, пострадавшая вместе с мужем при аварии на красильной фабрике. Муж погиб, а она лишилась левой руки. Принадлежащий ей дом через год продали за долги. Как раз на той территории, что я выкупала этот домишко и находился. Я просто сделала к нему небольшую пристройку и закупила первую партию товара. А дальше шустрая женщина справлялась и сама, с помощью своих детей.

Вторая вдова, трок Бульс, осталась без дома по вине пьющего мужа. Сам он благополучно замерз зимой, успев наделать долгов во всех окрестных тавернах. Ее со мной познакомила жена мастера Брока — трок Ангела. Первое время нашего знакомства она возражала против такого обращения:

— Чтой-то вы, кёрста, сильно церемонно. Какая же я трок? Просто Ангела, да и все...

Я по-прежнему с большим уважением относилась к ней. С тех пор, как ее муж стал совладельцем патента и рядом с их домом выросла небольшая мастерская, где наемные рабочие собирали инерционные механизмы для моих игрушек, куда мастер Брок охотно брал инвалидов, дела в семье шли гораздо лучше.

Трок Ангеле больше не приходилось брать чужое белье в стирку — и денег в семье хватало. Однако изредка, я все же заезжала к ним с фруктами и сладостями для детей. Пусть визит и длился не больше нескольких минут, но, похоже, наша симпатия была взаимной. Потому ко мне она и обратилась, когда ее старой знакомой понадобилась помощь.

Началось все с пирожков. Горячий бесплатный завтрак для рабочих был новинкой. Новинкой настолько шокирующей, что об этом несколько раз писали в газетах. Зато текучка в мастерских, и без того ничтожная, прекратилась полностью. Однако мастерские росли, и,

поняв, что еще немного и трок Бульс просто надорвется я стала подыскивать еще одних жильцов. Так, постепенно, и рос небольшой квартал.

За десять лет переулков вдов и инвалидов очень существенно разросся и даже получил собственное имя — «Милосердие». Я старалась собирать людей, которые готовы бороться за улучшение своей жизни сами, но получалось не всегда.

Несколько раз люди, попавшие в тяжелые условия, вдруг решали, что я им что-то должна. Хорошо помню вдовца, который пропил пособие на двоих детей и выловив меня у мастерской начал клянчить деньги. На первый раз ему это спустили, я велела выделить продукты. На второй раз я просто выгнала его.

Через три дня дети вернулись в Милосердие. Старший мальчик привел с собой пятилетнюю сестру — отец оставил их под мостом и не являлся уже два дня. Детей забрали в семьи, и я доплачивала за их содержание.

Через два года после образования поселка пришлось организовать школу-трехлетку — дети были и у работниц цеха, и у новых жильцов. Минимальная грамотность им не мешает. А если кто-то проявит желание учиться дальше — всегда можно оплатить учебу.

Некоторые новички были слишком стары — за таких жителей я платила небольшой пенсион на содержание. Всего в «доме престарелых» находилось сейчас восемь человек и четверых уже похоронили — все люди смертны, но за ними был хороший уход и ушли они как люди, а не как бездомные собаки — умерев под забором.

Присматривала за домом престарелых семья одноногого каменщика — он сам, крепкая жена и три их дочери. Кроме стариков, при доме жили еще три откормленных кота и ласковый дворовой пес Фунтик. На праздники Эжен посылала туда корзину сладких пирогов — многие жильцы были большими лакомками.

Разные, в общем-то, люди жили в квартале, но сейчас управлением этим всем большей частью занималась сестренка. Все же Эжен не зря столько училась, и бухгалтерию вела просто безукоризненно.

Конечно, ей помогала и я, и кёрста Жозефина, но, думаю, года через два-три, можно будет передать ей это дело полностью. Расходы мои на благотворительность были не так и велики, как можно

подумать — многие, встав на ноги, охотно помогали соседям, а четыре семьи взяли с улицы детей.

Именно в поселке Милосердие закупала горячий завтрак для своих рабочих марка «Гейзер». Недавно такой же заказ получили от небольшой марки «Респект», занимающейся внутренней отделкой домов. Их скромный офис находился неподалеку от Милосердия, и совладельцы решили, что такой бонус поможет им привлечь лучших мастеров. Меня радовало, что кто-то решил улучшить положение своих рабочих.

Появились молочная лавка, бакалейная, мясная и лавка, торгующая овощами и зеленью — в них охотно обращались и мои мастерицы, и жители квартала. Появилась даже маленькая мастерская, где шили очень дешевые игрушки. И хозяйка мастерской была не я!

Там же жил безногий сапожник, папаша Шорт, который недавно женился на вдове с мальчишками-близнецами. Калек было много, но почти все научились какому-то делу и зарабатывали на жизнь сами.

Был построен достаточно большой и теплый дом, куда за очень умеренную плату работающие матери отводили детей. Хозяйкой этого детского сада была бездетная пожилая вдова Катиш, которую брат просто выгнал на улицу после того, как уговорил ее продать свое жилье. Айлюс ему судья, а прочтенная трок, выслушав мою идею, с большим энтузиазмом занялась делом.

С помощью четырех девочек-подростков вдова справлялась отлично. Я оплачивала дрова для отопления и, частично, еду. Остальное тетушка Катиш зарабатывала сама и даже откладывала своим помощницам на приданое.

Конечно, не все мастерские окупали себя. Некоторые находились на ежемесячной дотации. Но у всех, кто жил в этом «поселке» было нечто общее — это были порядочные трудолюбивые люди, попавшие в тяжелые обстоятельства, халявщиков и лентяев я не терпела.

В общем и целом в квартале текла самая обычная жизнь, с обычными семейными заботами, с ссорами и примирениями соседей, с взаимной помощью и поддержкой.

Разумеется, после замужества я и не собиралась продавать свою торговую марку. Марселю в голову бы не пришло запретить мне заниматься делами! Единственное, на чем он настоял — управляющий, которого взяли на время моей беременности. Надо сказать, что он так

и остался работать — мне хотелось самой видеть, как растут дети, а трок Сонтер оказался прекрасным помощником.

Давным-давно были подписаны договоры с провинциальными магазинами и часть кукол уходила из столицы. К рождению Мадлен у меня было уже четыре управляющих, работающих в разных направлениях бизнеса.

Однако, даже когда дети были совсем маленькими, хотя бы раз в месяц я посещала свои мастерские и выслушивала жалобы от работниц — пускать дело на самотек я не собиралась.

Злорадствовать стыдно, я знаю, но иногда...

Изредка нам с Марселем приходилось сталкиваться с Эрнстоном и его женой на светских приемах — мы холодно раскланивались и этим ограничивалось все общение.

Я старалась не вспоминать о своих недоброжелателях — это было просто неприятно. Но могу честно сказать, что некий всплеск ярких эмоций я все же испытала, когда узнала, что последние четыре года дела в железнодорожной марке у бывшего «жениха» сильно пошатнулись.

Новых идей он не выдавал и владельцы марки, его отец и дядя, понизили его в должности, взяв на работу старшим инженером молодого амбициозного парня.

Благо, что с кёрстой Эгреж сталкиваться не приходилось вообще. После скандала и судебного процесса, куда её вызывали в качестве свидетельницы, она переехала куда-то в глухую деревню.

Её больше не принимали в домах, но сплетничали о той истории еще долго. Вот как раз судьба кёрсты оставила меня вполне равнодушной — она только пыталась нас обокрасть, но не сумела, так что — Айлюс ей судья.

К сожалению, с кёрстой Тиан виделись мы теперь не так часто, как хотелось бы. Через год после рождения Мишель она, вполне ожидаемо для меня, вышла замуж за галантного кёрста Грасса, он оставил свое место управляющего и увез жену на побережье, где они купили небольшой домик. Так что виделись мы с ней только в летний сезон.

Каждый год, собрав чад и домочадцев, мы отправлялись достаточно удобным поездом на лето в гости к ним. Грей обожал эти поездки и даже не слишком боялся поездов — у кёрста Грасса была

очаровательная девочка-овчарка, которой матерый, с благородной сединой Грей через год оставлял потомство.

Я с усмешкой вспомнила, как не повезло бедолаге Грею три года назад — одного из щенков купили, но по каким-то причинам, задерживались забрать. И пятимесячный наглец, желающий играть с утра до вечера, находил своего отца, где только мог, мешая его послеобеденному отдыху и старательно обжевывал Грею хвост и уши.

Обычно с утра Грей стоически переносил игры с недорослем, а к вечеру его спасала кёрста Тиан, разрешая ему пройти в столовую.

Там он разваливался под одним из распахнутых окон, и утомленно вздохнув, блаженно дремал на сквознячке. Кёрста же Тиан, очевидно, вспоминая, как строга она была к нему раньше, каждый раз извиняющимся тоном поясняла:

— Я понимаю, что это баловство и собаке не место в столовой, но мне просто жалко старичка.

На что кёрст де Грасс неизменно отвечал:

— Я рад, душа моя, что ты столь добра к старикам, — и элегантно жестом поправлял седую прядь на виске.

— Какие глупости, ты вовсе не старик, — розовела кёрста Тиан.

На удивление, жизнь светского общества, после возвращения туда, показалась кёрсте Тиан скучноватой и через год они с мужем открыли небольшой цех по производству одежды для детей. Там отшивали не только колготки, но и ползунки, комбинезоны и боди для малышей.

Кёрсте Тиан по-прежнему принадлежала патент на детские колготки. Два ателье столицы заключили с ней договора и ежемесячно она получала вполне стабильный доход. А вот новые патенты на костюмчики для детей оформить на себя она не рискнула. Эти изделия были записаны на ее мужа.

Я не осуждала кёрсту Тиан — она дитя своего времени и своего мира, уже одно то, что она не бросила идею детской одежды, которую мы не раз обсуждали, говорило о том, что наше общение с ней не прошло бесследно.

Как для меня были важны ее советы, и бескорыстное желание помочь, и уроки этикета и жизни, которые меняли что-то во мне, так и в ее сознании что-то изменилось.

Ивонна Мерридж с мужем и детьми ездила на тот же курорт, что и мы. Естественно, время мы проводили вместе, поэтому очень часто у нее была возможность пообщаться с кёрстой Тиан. Надо сказать, что и это общение не прошло бесследно.

С удивившей меня смелостью, при полной поддержке мужа, брата, да и всей семьи в целом, кёрста Ивонна рискнула и устроила благотворительный аукцион. В родовом поместье были вывешены ее картины. Приглашительные билеты рассылала лично ехидно улыбающаяся кёрста Жозефина:

— Хотела бы я посмотреть на тех изгоев, которые рискнут отвергнуть приглашение семьи де Лонг!

Благотворительные базары случались и раньше, но поскольку организаторы мероприятий считали необходимым щедро тратиться на угощение и развлечения гостей, то сборы, как правило, были просто мизерные. Ведь банкет и приглашенные артисты оплачивались из собранных средств.

Кёрста Жозефина подошла к делу гораздо более сурово. Три сорта простого печенья, фруктовая нарезка и несколько сортов чая.

— Кёрста Жозефина, может быть стоит добавить варенье, мед и конфеты? — робко предложила я.

— Элен, детка, поесть они могут и дома. Впрочем, — она немного подумала и дописала в меню конфеты, — пусть помнят твою доброту!

Возможно, это был самый финансово удачный аукцион столицы — сумма, которую удалось собрать, оказалась достаточной для того, чтобы открыть бесплатную столовую в одном из нищих районов города.

Конечно, идею смогли бы испортить, а деньги разворовать, однако под присмотр эту столовую неожиданно взял кёрст Мерридж. По окончании аукциона, когда гости разъехались, он при мне взял руки жены в свои, по очереди поцеловал их и глядя в глаза сказал:

— Я всегда знал, что ты необыкновенная женщина, дорогая!

Под бдительным взглядом кёрста Мерриджа опасался воровать даже управляющий, не то, что служащие. Пищу там готовили самую простую — супы, похлебки и каши, но порции были большие и сытные. Столовая быстро прославилась среди бедняков, удостоилась внимания высших чинов, и с тех пор пополнить ее кассу считалось честью для любого благотворительного базара.

Сейчас, изредка вспоминая прежнюю себя, я уже понимала, что никакой чайлдфри я никогда не была. Скорее, та моя позиция основывалась на недоверии к миру и людям. Именно страх оставить ребенка одного, беспомощного и удерживал меня всегда от мысли о детях.

Сейчас же я знала, что бы не случилось, у малышей есть надежная защита — семья. Есть прекрасный, строгий и разумный дед, есть кёрста Жозефина и тетушка Ивонна, есть кёрста Тиан, а главное — замечательный отец.

Наверное, можно сказать, что мне сильно повезло в жизни встретить столько замечательных людей. Разумеется, никто из них не был идеальным, но ведь и я — далеко не ангел.

У всех у нас есть свои тараканы и недостатки, однако все это кажется не таким и важным на фоне одного, очень важного для меня лично качества — вся моя семья относится к людям, особенно к тем, кому не повезло родиться в семье кёрстов, по-человечески.

А ведь из всей семьи только я четко представляю себе общие тенденции развития социума!

Остальные — они просто не считают рабочих и обслуживающий персонал людьми второго сорта. Вот и все. Как много, оказывается, могут перевернуть в сознании детей и следующих поколений две необычные женщины, рискнувшие нарушить вековые нормы «приличия»!

Отбросив в сторону воспоминания и размышления я потянулась к коробке, с любопытством приподняла бархатную синюю крышку и на белоснежной атласной вставке увидела дивной красоты сапфировый гарнитур!

Пискнув от восторга, кинулась к зеркалу. Примерила ожерелье, вдела в уши серьги, сколола волосы в небрежную прическу пятью шпильками с сапфировыми цветами, покрутилась, глядя на отражение и от души налюбовалась на блеск камней и прекрасную работу ювелира.

Пухлый конверт, прикрепленный к внутренней стороне крышки, я обнаружила только, когда вволю наигралась и складывала подарок мужа назад, в коробку. Немного удивившись его плотности, вскрыла и вытряхнула на стол кучу тонкого цветного картона.

Зеленоватые крупные прямоугольники — билеты для всей семьи на курорт. Я машинально пересчитала их и насторожилась. Кёрст Арно и кёрста Жозефина, три детских, взрослый для Эжен, два для гувернанток, один для бонны, два для лакеев...

На столе остались два розовых прямоугольника для меня и Марселя. Я не сразу поняла, почему билеты отличаются по цвету. А потом сообразила и сравнила даты.

Да, мы едем на курорт всей семьей. Только все едут через две недели, а наши с Марселем билеты — на сегодняшний вечер! Еще раз пошарить в конверте я догадалась в последнюю очередь. Именно там я и нашла тонкий листок шелковистой бумаги — записку от Марселя.

«Кёрста Элен де Лонг, имею честь пригласить Вас сегодня вечером в вагон-ресторан поезда номер 18/2 марки «Арманд и Стонгер».

P.S. Люблю.

Твой муж».

— Я тоже люблю тебя, Марсель! — тихонько прошептала я.

Конец